

СТИВЕН КИНГ

Команда скелетов

Темная башня (АСТ)

Стивен Кинг

Команда скелетов (сборник)

«Издательство АСТ»

1985

УДК 821.111(73)-313.2
ББК 84 (7Coe)-44

Кинг С. Э.

Команда скелетов (сборник) / С. Э. Кинг — «Издательство АСТ»,
1985 — (Темная башня (АСТ))

ISBN 978-5-17-119625-7

Смерть вторгается в повседневную жизнь, принимая разные обличья. Смерть – это прекрасная девушка-бродяжка и невинная детская игрушка, смерть – это престарелая бабушка и окутывающий город серый туман. Смерть несет с собой блуждающая пуля и мирное озеро, куда отправляются отдохнуть юные парочки. Смерть – это отчаяние того, кто медленно подыхает от голода на необитаемом острове, и того, кто постепенно начинает видеть круги Ада за каждодневной реальностью... «Команда скелетов» – потрясающие рассказы от мастера жанра!

УДК 821.111(73)-313.2

ББК 84 (7Coe)-44

ISBN 978-5-17-119625-7

© Кинг С. Э., 1985

© Издательство АСТ, 1985

Содержание

Авторское предисловие[2]	6
Туман[3]	10
Глава 1. Буря	10
Глава 2. После бури. Нортон. Поездка в город	14
Глава 3. Туман	29
Глава 4. Склад. Проблема с генератором. Что случилось с носильщиком	37
Глава 5. Спор с Нортоном. Дискуссия у охладителя пива. Подтверждение	46
Глава 6. Дальнейшее обсуждение. Миссис Кармоди. Что случилось с «обществом верящих, что земля плоская»	53
Глава 7. Первая ночь	63
Глава 8. Что случилось с солдатами. Вместе с Аmandой. Разговор с Деном Миллером	71
Глава 9. Экспедиция в аптеку	78
Глава 10. Чары миссис кармоди. Вторая ночь в магазине. Последняя конфронтация	85
Глава 11. Конец	92
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Стивен Кинг

Команда скелетов (сборник)

© Stephen King, 1985

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

* * *

Посвящается Артуру и Джойс Грин

*Я – просто пугало,
Пугало на лугу.
Скриплю по кругу.
Делаю, что могу¹.*

¹ © Перевод. Н.И. Сидемон-Эристава, 2015.

Авторское предисловие²

Подождите... всего лишь несколько минут. Я хочу поговорить с вами... а потом поцеловать. Подождите...

1

Вот еще рассказы, если вас это интересует. Написаны они за достаточно продолжительный период моей жизни. Самый старый, «Отражение», я написал в восемнадцать лет, в лето перед поступлением в колледж. Идея пришла ко мне, когда во дворе нашего дома в Уэст-Дархэме, штат Мэн, мы с братом играли в баскетбол. Когда я перечитал его, меня охватила ностальгия по тем временам. Самый последний, «Баллада о гибкой пуле», я закончил в ноябре 1983 года. Семнадцать лет, конечно, не такой уж большой срок, если принимать во внимание литературную карьеру таких писателей, как Грэм Грин, Сомерсет Моэм, Марк Твен и Эудора Уэлти, но все-таки вот Стивен Крейн писал меньше времени, а Г.Ф. Лавкрафт практически столько же.

Один мой приятель год или два назад спросил, почему я по-прежнему пишу рассказы. Романы, указал он, приносят мне вполне приличные деньги, тогда как рассказы – сущие крохи.

– С чего ты так решил? – спросил я.

Он постучал пальцем по последнему номеру «Плейбоя», который послужил причиной нашей дискуссии. В нем напечатали мой рассказ («Всемогущий текст-процессор», который вы найдете в этой книге), и я только что с законной гордостью сказал ему об этом.

– Сейчас я тебе это докажу, – гнул свое мой приятель, – если только ты скажешь мне, сколько тебе заплатили за этот рассказ.

– Скажу. Я получил две тысячи долларов. Не какие-то крохи, Уайатт.

(Его имя не Уайатт, просто я не хочу тыкать в него пальцем, вы понимаете.)

– Нет, двух тысяч ты не получал, – возразил он.

– Не получал? Ты заглядывал в мой банковский счет?

– Нет. Но я знаю, что ты получил тысячу восемьсот долларов, потому что десять процентов пошло твоему агенту.

– Чертовски верно, – кивнул я. – И он их заслуживает. Его стараниями я попал в «Плейбой». Я всегда хотел напечататься в «Плейбое». Так что невелика разница – две тысячи долларов или тысяча восемьсот.

– Нет, ты получил тысячу семьсот десять.

– Что?

– Разве ты не упоминал о том, что твой менеджер берет пять процентов?

– Хорошо, согласен, вычтем из тысячи восьмисот девяносто. Я по-прежнему думаю, что тысяча семьсот десять долларов не такая уж маленькая сумма...

– Не такая уж, – перебил меня этот садист. – Но в действительности она составляет восемьсот пятьдесят пять долларов.

– Что?

– Ты хочешь сказать, Стивчик, что не входишь в ту категорию граждан, доходы которых обязывают платить государству пятьдесят процентов своих доходов?

Я промолчал. Он знал, что вхожу.

² © Перевод. В.А. Вебер, 2015.

– Так что всего-то ты получил за рассказ семьсот шестьдесят девять долларов и пятьдесят центов, не так ли?

Я с неохотой кивнул. Подоходный налог штата Мэн составлял десять процентов от федерального налога.

– И сколько времени ты писал рассказ? – напирал Уайатт.

– Примерно неделю. – Тут я солгал. На рассказ ушло две, да еще пришлось пару раз редактировать его, о чем я говорить Уайатту не собирался.

– Значит, за неделю ты заработал семьсот шестьдесят девять долларов и пятьдесят центов. А ты знаешь, сколько зарабатывает в неделю нью-йоркский сантехник, Стивчик?

– Нет. – Я ненавижу тех, кто называет меня Стивчиком. – И ты не знаешь.

– Отнюдь. Примерно семьсот шестьдесят девять долларов и пятьдесят центов, после вычета налогов. Как ты сам видишь, писать рассказы – чистая потеря времени. – Он расхохотался и спросил, нет ли в холодильнике еще пива. Я ответил, что нет.

Я намереваюсь послать Уайатту экземпляр этой книги с сопроводительной запиской следующего содержания:

Я не собираюсь говорить тебе, Уайатт, сколько мне заплатили за этот сборник рассказов, но одно все-таки скажу, Уайатт, – за рассказ «Всемогущий текст-процессор» я получил уже 2300 долларов, чистыми, не считая тех 769 долларов и 50 центов, над которыми ты так смеялся в моем доме у озера.

Подпишусь я *Стивчик* и добавлю:

PS: Пиво в холодильнике было, и я выпил его после твоего отъезда.

Пусть знает.

2

Да только дело не в деньгах. Признаю, я радовался, когда мне заплатили две тысячи долларов за «Всемогущий текст-процессор», но я точно так же радовался и сорока долларам, полученным за «Отражение», когда его опубликовали в журнале «Статлинг мистери сториз», и такому гонорару, как дюжина экземпляров «Убриса», литературного журнала Университета штата Мэн (по доброте душевной я всегда полагал, что так кокни произносят слово *Hubris*), которые мне вручили после публикации в нем рассказа «Здесь тоже водятся тигры».

Я хочу сказать, радоваться деньгам – не грех, не будем в этом заблуждаться (по крайней мере пока еще не грех). Когда мои рассказы начали достаточно регулярно появляться в мужских журналах, таких как «Кавалер», «Пижон» и «Адам», мне было двадцать пять лет, а моей жене – двадцать три. У нас уже появился один ребенок, и мы ждали второго. Я работал по пятьдесят или шестьдесят часов в неделю в прачечной и получал один доллар и семьдесят пять центов в час. И с деньгами у нас было далеко не густо. Так что чеки за эти рассказы (всегда после публикации, а не решения на публикацию) всегда приходились кстати, позволяя или купить антибиотики ребенку, у которого продуло уши, или заплатить за телефон, который грозили отключить. Лишних денег не оставалось. Как говорит Лили Кавано в «Талисмане» (это фраза Питера Страуба, не моя): «Тебе никогда не быть слишком тощим и слишком богатым». И если вы в это не верите, значит, вы никогда не были очень толстым и очень бедным.

И в то же время рассказы не пишутся ради денег, или ты обезьяна. Когда пишешь рассказ, не думаешь о том, что надо нагнать достаточное количество слов, или ты обезьяна. В писательстве не думаешь о том, сколько ты заработаешь за час, за год, за жизнь, или ты обе-

зьяна. Конечно, мы занимаемся этим не ради любви к искусству, хотя приятно так думать. Мы занимаемся этим, потому что не заниматься – равносильно самоубийству. И хотя работа эта тяжелая, у нее есть достоинства, которые я никогда бы не стал перечислять Уайатту: не тот он человек, чтобы понять.

Возьмем, к примеру, «Всемогущий текст-процессор». Не лучший рассказ из написанных мною, не из тех, что может рассчитывать на получение литературной премии. Но не такой и плохой. Забавный. Я месяцем раньше приобрел свой первый текст-процессор (большой такой «Уэнг», и попрошу оставить при себе ваши, несомненно, остроумные комментарии) и все еще выяснял, что он может делать, а чего – нет. Особенно меня зачаровывали клавиши «Убрать» (Delete) и «Вставить» (Insert), позволяющие забыть о зачеркивании и вставках на полях.

В один из дней я сильно отравился. Что такого, это может случиться с каждым. Все, что не держалось во мне, выходило с обоих концов, по большей части со скоростью звука. К вечеру мне стало совсем плохо. Бил озноб, поднялась температура, суставы распухли. Желудок крутило, болела спина.

Эту ночь я провел в спальне для гостей (благо ее отделяли от туалета четыре ступеньки вниз). Спал с девяти вечера до двух ночи. Проснувшись, понял, что больше мне не уснуть. Встать я не мог, слишком ослабел. Вот я лежал и думал о моем текст-процессоре и клавишах «Вставить» и «Убрать». И мне в голову пришла мысль: «А ведь будет забавно, если кто-то печатает предложение, потом нажимает клавишу «Убрать», и то, о чем шла речь в предложении, исчезает из жизни?» С этой мысли начинались практически все мои рассказы: «А ведь будет забавно, если...» И хотя многие из них достаточно страшные, среди них нет ни одного, не вызвавшего у читателя в каком-то месте улыбки, как бы ужасно этот рассказ ни заканчивался.

Вот я и начал придумывать, что можно убрать с помощью клавиши на клавиатуре текст-процессора, и у меня в голове сложился рассказ. Я наблюдал, как какой-то тип (для меня это всегда мистер Икс, до той поры как я начинаю печатать рассказ и должен дать ему имя) убирает висящие на стене картины, кресла в гостиной, Нью-Йорк, идею войны. Потом я решил, что не мешало бы ему что-то и вставить, ввести в мир с помощью другой клавиши.

Следующей пришла мысль: а не дать ли ему стерву жену, которую он сможет убрать и заменить хорошей женщиной? С тем я и заснул, а наутро проснулся в полном здравии. Отравления как не бывало, а вот идея осталась. Этот рассказ я написал, хотя вы увидите, что получился он не таким, как я представлял себе ночью. Ну да это обычное дело.

Дальше можно не объяснять, не так ли? Пишешь не ради денег. Пишешь потому, что этим можно избавиться от дурного настроения или самочувствия. И если мужчина или женщина этого не понимают, он, или она, – обезьяна, ничего больше. История помогла мне заснуть, когда я думал, что мне это не удастся. Я помог истории обрести вещественную форму, к которой она стремилась. Остальное – побочные эффекты.

3

Я надеюсь, вам понравится эта книга, постоянный читатель. Подозреваю, роман понравился бы вам больше, потому что большинство из вас забыли прелести рассказа. Чтение добротного длинного романа во многом все равно что долгая и приятная во всех отношениях любовная интрига. Помнится, я часто мотался между Питсбургом и Мэнном, участвуя в подготовке «Крюшоу», главным образом на автомобиле. Воспользоваться самолетом мешала не только моя стойкая нелюбовь к этому виду транспорта, но и забастовка авиадиспетчеров и их последующее увольнение Рейганом (Рейган, как оказалось, становился ярким сторонником профсоюзов, только если профсоюзы эти действовали в Польше). У меня было восемь аудиокассет с начитанным на них романом Коллин Маккаллоу «Поющие в терновнике», а за те пять

недель я не просто вступил в любовную связь с этой книгой, можно сказать, женился на ней (особенно мне нравился эпизод со злобной старухой и личинками).

Рассказ – совсем другое дело. Рассказ – это короткий поцелуй незнакомца в темноте. Разумеется, это тебе не любовная связь или узы брака, но в поцелуях есть своя прелесть, в их мимолетности таится особая привлекательность.

С годами писать рассказы мне стало не легче – труднее. Во-первых, время, которое я могу уделить им, сокращается. Во-вторых, они имеют тенденцию к разбуханию (разбухание рассказов – это серьезная проблема, все равно что диета для толстяков). И все сложнее найти правильную интонацию для рассказа – очень часто мистер Икс не желает перескакивать из головы на бумагу.

Но я думаю, что главное – не сдаваться. Лучше продолжать целоваться с риском иной раз получить оплеуху, чем вовсе отказаться от этого удовольствия.

4

Не волнуйтесь, я уже закругляюсь. Но я имею право поблагодарить нескольких людей? (Если хотите, эту часть можете пропустить.)

Спасибо Биллу Томпсону за то, что сдвинул эту машину с места. Он и я выпустили первый сборник рассказов, «Ночную смену», и идея сделать второй принадлежала ему. Потом он перешел в «Арбор-хаус», но я люблю его так же, как и прежде. Если в джентльменской профессии издателя остался хоть один джентльмен, так это он. Господь, да благословит твое ирландское сердце, Билл.

Благодарю Филлис Гранн из издательства «Патмен», которая взвалила на себя эту книгу.

Спасибо Кирби Маккоули, моему агенту, еще одному ирландцу, который продал большинство этих рассказов и вытянул из меня, как цепь из колодца, самый длинный из них – «Туман».

Похоже на речь по случаю присуждения мне «Оскара», но что же делать.

Спасибо редакторам журналов: Кэти Саган из «Редлука», Алисе Тернер из «Плейбоя», Най Уиллден из «Кавалера», сотрудникам «Янки» и Эду Ферману, дорогому мне человеку, из «Фэнтези энд сайенс фикшн».

Я в долгу перед всеми и мог бы перечислить их поименно, но больше не буду докучать вам. А больше всего благодарю вас, Постоянный читатель, как, собственно, и всегда. Потому что в конце мяч обязательно прикатывается к вам. Без вас все наши усилия идут прахом. Если то, что сделано для вас, позволяет отвлечься, скоротать время после ленча, перелет из города в город, час в КПЗ, куда вас замели за плевки в неподобающем месте, это для меня самая большая радость.

5

И так – прелюдия закончена. Хватайте меня за руку. Держите крепко. Нам предстоит побывать в темных местах, но, думаю, дорогу я знаю. Только не выпускайте моей руки. А если я поцелую вас в темноте, не обижайтесь. Все потому, что я люблю вас.

А теперь слушайте...

15 апреля 1984 г.

Бангор, штат Мэн

Туман³

Глава 1. Буря

Вот как это произошло. В июле 19.. года, в ту ночь, когда на севере Новой Англии наконец прошла самая страшная за всю ее историю полоса жарких дней, в западном регионе штата Мэн разразилась невиданная по силе буря.

Мы жили на Лонг-лейк и заметили, как первые порывы бури бьют по глади озера перед самым закатом. За час до этого наступил полный штиль. Американский флаг, что мой отец повесил над нашим лодочным сараем еще в 1936 году, безвольно принял к штоку, и даже его края не колыхались. Жара стояла плотная, почти осязаемая и, казалось, такая же глубокая, как неподвижная вода в бухте. После обеда мы все втроем ходили купаться, но даже в воде не было спасения, если не уходить на глубину. Но ни Стеффи, ни я не хотели этого делать из-за Билли. Ему всего пять.

В полшестого мы перебрались на верхнюю террасу с видом на озеро и принялись за холодный ужин, без всякого энтузиазма ковыряя картофельный салат и пережевывая бутерброды с ветчиной. Никто, похоже, не хотел ничего, кроме пепси-колы, стоявшей в железном ведерке с кубиками льда.

После ужина Билли отправился играть на турникет. Мы со Стеффи продолжали сидеть на террасе, почти не разговаривали и курили, посматривая через угрюмое плоское зеркало озера в сторону Харрисона на противоположном берегу. Деревья там стояли пыльные и пожухшие. На западе, словно армия перед наступлением, собирались огромные фиолетовые грозовые тучи, среди которых то и дело вспыхивали молнии. И каждый раз радиоприемник нашего соседа Брента Нортон, настроенный на станцию, что постоянно передает с Вашингтон-хилл классическую музыку, откликался громкими раскатами статики. Нортон вел адвокатскую практику в Нью-Джерси, и на Лонг-лейк у него был только летний коттедж без печки и без утепления. Два года назад у нас с ним возник конфликт из-за границы участков, дело дошло до суда, и я выиграл. Нортон утверждал, что я выиграл только потому, что он нездешний, и с тех пор отношения между нами оставались довольно прохладными.

Стефф вздохнула и принялась обмахивать грудь верхним краем купальника. Не думаю, что ей стало намного прохладнее, но зато мне стало видно гораздо больше.

– Не хочу тебя пугать, – сказал я, – но, думаю, скоро начнется сильная буря.

Она посмотрела на меня с сомнением:

– Вчера тоже были тучи, и позавчера, Дэвид. Но они разошлись.

– Сегодня не разойдутся.

– Ты уверен?

– Если буря будет очень сильной, нам придется спуститься вниз.

– А насколько сильной, ты думаешь, она будет?

Мой отец первым построил на этой стороне озера настоящий дом, где можно было жить круглый год. Еще мальчишкой он с братьями поставил на том месте, где сейчас дом, летний коттедж, но в 1938 году буря разрушила его до основания, даже каменные стены не уцелели. Остался только лодочный сарай. Через год он начал строить этот дом. Обычно больше всего разрушений приносят деревья. Они умирают, и ветер вырывает их с корнем. Видимо, таким образом природа периодически наводит у себя порядок.

³ © Перевод. А.И. Корженевский, 2014.

– Не знаю, – сказал я, что в общем-то было правдой, поскольку о большой буре тридцать восьмого я слышал только рассказы. – Но ветер с озера может разогнаться, как скорый поезд.

Чуть позже вернулся Билли, жалуюсь, что играть на турникете неинтересно, потому что он «весь взмок». Я взъерошил ему волосы и открыл для него еще одну бутылку пепси. Можно сказать, прибавил работы нашему дантисту.

Тучи подбирались ближе, распахивая голубизну неба в стороны. Никаких сомнений, что будет буря, у меня не осталось. Нортон выключил свой радиоприемник. Билли, зачарованно глядя на небо, сидел между нами. Медленно прокатившись над озером и вернувшись эхом назад, прогремел гром. Тучи вились и перекачивались: черные, фиолетовые, полосатые и снова черные. Вскоре они нависли над озером, и я увидел, как из них посыпалась тонкая завеса дождя. Но пока еще дождь был далеко. То, что мы видели, проливалось, может быть, над Болстерс-Миллс или над Норвеем.

Зашевелился воздух, неуверенно поднял флаг, затем снова отпустил. Но становилось свежее, и вскоре ветер окреп, сначала охладив наши потные тела, а чуть позже, как стало казаться, просто начав их замораживать.

Вот в этот момент я увидел бегущий по озеру серебристый смерч. За несколько секунд пелена дождя закрыла собой Харрисон и двинулась прямо на нас. Моторные лодки к тому времени уже все ушли.

Билли вскочил со своего кресла – миниатюрной копии наших «директорских» с его именем на спинке.

– Папа! Смотри!

– Пойдем в дом, – сказал я, встал и положил руки ему на плечи.

– Но ты видишь? Пап, что это?

– Водяной смерч. Пойдем.

Стефф бросила на меня короткий удивленный взгляд и сказала:

– Пойдем, Билли. Папу надо слушаться.

Мы прошли в гостиную через раздвижные стеклянные двери, после чего я закрыл их на защелку и остановился, глядя наружу. Серебристая завеса уже прошла три четверти пути через озеро, превратившись в бешено крутящуюся воронку между оседающим черным небом и поверхностью воды цвета свинца с потеками чего-то белого. Озеро делалось похожим на океан, высокие волны бежали на берег, фонтанами брызг разбиваясь о причалы и волнорезы. В середине же озера волны вскипали перекачивающимися белыми гребнями.

Смерч завораживал. Он подобрался почти к нашему берегу, когда молния полыхнула так ярко, что еще, наверное, с полминуты я видел все, как на негативной пленке. Телефон испуганно звякнул. Я обернулся и обнаружил, что жена с сыном стоят напротив большого панорамного окна с видом на северо-западную часть озера.

И тут меня посетило одно из тех ужасных видений, что, наверное, уготованы лишь мужьям и отцам: стекло, взрывающееся внутрь с тяжелым, похожим на кашель треском; кривые стрелы осколков, летящие в обнаженный живот жены и в лицо сына. Никакие ужасы инквизиции не сравнятся с судьбами близких людей, которые может нарисовать обеспокоенное воображение.

Я схватил их обоих за руки и рывком оттащил от окна.

– Что вы встали тут, черт побери? Марш отсюда!

Стефф посмотрела на меня удивленно, а Билли выглядел так, словно его только что будили от глубокого сна. Я отвел их на кухню и включил свет. Снова коротко звякнул телефон.

И тут налетел ветер. У меня создалось впечатление, что дом взлетает, словно «Боинг-747». Где-то засвистело высоко и протяжно, срываясь на басовый рев перед тем, как снова плавно перейти в пронзительный визг.

– Идите вниз, – сказал я Стефф, но теперь приходилось кричать, чтобы меня услышали. Прямо над домом захлопал, словно громадными досками, гром. Билли вцепился в мою ногу.

– Ты тоже иди! – крикнула в ответ Стефф.

Я кивнул и махнул рукой, прогоняя их. С трудом оторвал Билли.

– Иди с мамой. Я хочу на всякий случай найти свечи.

Он пошел за ней вниз, а я принялся рыться в ящиках. Странные штуки эти свечи. Кладезь их каждую весну в определенное место, зная, что из-за летней бури может нарушиться энергоснабжение, но, когда приходит время, они прячутся.

Четвертый ящик. Пол-унции «травки», что мы со Стефф купили четыре года назад и с тех пор почти не трогали, заводные игрушечные челюсти, купленные для Билли в магазине новинок; куча фотографий, которые Стефф давно уже собиралась наклеить в семейный альбом. Я заглянул под толстенный торговый каталог и пошарил рукой за резиновой куклой, сделанной в Тайване. Куклу я выиграл, сбивая кегли теннисными мячами...

Свечи, все еще упакованные в полиэтиленовую обертку, оказались за этой самой куклой со стеклянными неживыми глазами. Как раз в тот момент, когда я их нащупал, свет погас, и электричества, кроме того, что бушевало в небе, не стало. Гостиную то и дело озаряло сериями частых белых и фиолетовых вспышек. Я услышал, как внизу заплакал Билли и Стефф начала говорить ему что-то успокаивающее.

Мне захотелось еще раз взглянуть на непогоду за окном.

Смерч или уже прошел, или иссяк, добравшись до берега, но все равно дальше двадцати ярдов на озере ничего не было видно. Вода буквально кипела. Мимо пронесло чей-то причал – видимо, Джессеров, – то разворачивая сваями вверх, то вновь скрывая его под бурлящей водой.

Как только я спустился вниз, Билли снова обхватил меня за ноги. Я взял его на руки и прижал к себе, потом зажег свечи. Сидели мы в комнате для гостей, через коридор от моего маленького кабинета. Сидели, глядя друг на друга в мигающем желтом свете свечей, и слушали, как буря воет снаружи и бьется в наш дом. Минут через двадцать послышался сухой треск рвущегося дерева, и мы поняли, что где-то рядом упала одна из больших сосен. Затем наступило затишье.

– Все? – спросила Стефф.

– Может быть, – сказал я. – А может быть, еще нет.

Все втроем мы поднялись наверх, каждый со свечой в руке, словно монахи, идущие на вечернюю молитву. Билли нес свою свечу осторожно, но с гордостью: нести свечу, то есть огонь – для него это много значило. И помогало забыть, что ему страшно.

В комнате не хватало света, чтобы разглядеть, какой ущерб нанесен дому. Билли уже давно было пора спать, но ни я, ни Стефф не стали предлагать ему укладываться. Мы просто сидели в гостиной, слушали ветер и наблюдали за молниями.

Примерно через час ветер снова начал крепчать. В течение предыдущих трех недель держалась температура около девяноста градусов⁴, и шесть раз за эти двадцать с лишним дней станция Национальной метеорологической службы в Портленд-Джетпорте сообщала, что температура перевалила за сто. Невероятная погода. Плюс суровая зима, плюс поздняя весна – и люди опять заговорили о том, что все это последствия испытаний атомных бомб в пятидесятых годах. Об этом и еще, разумеется, о конце света. Самая старая из всех баек.

Второй шквал оказался не таким сильным, но мы услышали, как падают несколько деревьев, ослабленных первой атакой ветра. И, когда ветер начал уже совсем стихать, одно из них рухнуло на нашу крышу. Билли подскочил и с опаской поглядел на потолок.

– Он выдержит, малыш, – сказал я.

Билли неуверенно улыбнулся.

⁴ 90 градусов по Фаренгейту соответствуют примерно 32 градусам Цельсия. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Около десяти налетел последний шквал. Ветер взревел так же громко, как в первый раз, а молнии, казалось, засверкали прямо вокруг нас. Снова падали деревья. Недалеко от воды что-то рухнуло с треском, и Стефф невольно вскрикнула. Но Билли продолжал спать у нее на коленях.

– Дэвид, что это было?

– Я думаю, лодочный сарай.

– О Боже...

– Стеффи, пойдем вниз. – Я взял Билли на руки и встал.

Стефф смотрела на меня большими испуганными глазами.

– Дэвид, все будет хорошо?

– Да.

– Правда?

– Да.

Мы отправились вниз. И через десять минут, когда шквал достиг максимальной силы, сверху донесся грохот и звон разбитого стекла: разлетелось панорамное окно. Так что привидевшаяся мне сцена, может быть, вовсе и не была столь нелепой. Стефф, которая к тому времени задремала, вскрикнула и проснулась. Билли заворочался на постели для гостей.

– Комнату зальет дождем, – сказала она. – Мебель испортит...

– Испортит – значит испортит. Мебель застрахована.

– Мне от этого не легче, – произнесла она расстроено. – Шкаф твоей матери... Наш новый диван... Цветной телевизор.

– Ш-ш-ш, – сказал я. – Спи.

– Не могу, – ответила она, но минут через пять уснула.

Я не ложился еще с полчаса, оставив для компании одну горящую свечу, и сидел, слушая, как бродит, бормоча, снаружи гром. Нетрудно было представить себе, как завтра утром множество людей, живущих вокруг озера, начнут вызывать своих страховых агентов, как зажужжат бензопилы владельцев домов, чьи крыши и окна порушило падающими деревьями, как на дорогах появятся оранжевые машины энергокомпании.

Буря стихала, и вроде бы нового шквала не предвиделось. Оставив Стефф и Билли, я поднялся наверх посмотреть, что стало с комнатой. Раздвижная дверь выдержала, но там, где было панорамное окно, в стекле зияла рваная дыра, из которой торчали ветки березы – верхушка старого дерева, стоявшего во дворе у входа в погреб с незапамятных времен. И я понял смысл реплики Стефф, когда она сказала, что ей не легче от того, что у нас все застраховано. Я любил это дерево. Много суровых зим мы пережили с ним – единственным деревом на нашем берегу, которое я никогда даже не думал спиливать. В лежащих на ковре больших кусках стекла многократно отражалось пламя свечи, и я подумал, что нужно будет обязательно предупредить Стефф и Билли: оба они любили шлепать по утрам босиком.

Я пошел вниз. В ту ночь мы все трое спали на кровати для гостей, мы со Стефф по краям, Билли между нами. И мне снилось, будто я вижу, как по Харрисону, на другом берегу, идет Бог. Такой огромный, что выше пояса он терялся в чистом голубом небе. Во сне я слышал хруст и треск ломающихся деревьев, которые Бог вдавливал в землю огромными ступнями. Он шел по берегу, приближаясь к Бриджтону, к нам. Дома, коттеджи, беседки на его пути вспыхивали фиолетово-белым, как молнии, пламенем, и вскоре все вокруг затянуло дымом. Белым, похожим на туман дымом.

Глава 2. После бури. Нортон. Поездка в город

– О-о-о! – вырвалось у Билли.

Он стоял у забора, отделявшего нас от участка Нортон, и смотрел вдоль подъездной аллеи, ведущей к нашему дому. Аллея эта, длиной около четверти мили, выходит на грунтовую дорогу, которая через три четверти мили, в свою очередь, выходит на двухрядное шоссе, называющееся Канзас-роуд. Оттуда уже вы можете ехать куда угодно или по крайней мере до Бриджтона. Я взглянул в ту же сторону, куда смотрел Билли, и у меня похолодело сердце.

– Ближе не подходи, малыш. Даже здесь уже слишком близко.

Билли спорить не стал.

Утро было ясное и чистое, как звук колокола. Небо, сохранявшее, пока стояла жара, какой-то размытый пористый вид, вернуло свою глубокую, свежую, почти осеннюю голубизну. Дул легкий ветерок, от которого по дороге весело бегали чередующиеся пятна солнечного света и теней от деревьев. Недалеко от того места, где стоял Билли, из травы доносилось шипение, и на первый взгляд могло показаться, что там извивается клубок змей: ведущие к нашему дому провода оборвались и лежали теперь беспорядочными витками всего в двадцати футах от нас на участке выжженной травы. Изредка они лениво переворачивались и плевались искрами. Если бы пронесшийся ливень не промочил деревья и траву столь основательно, дом мог бы загореться. А так траву выжгло лишь на почерневшей проплешине, где спутались провода.

– *Лектричество* может убить человека, пап?

– Да. Может.

– А что мы будем с ним делать?

– Ничего. Подождем машину энергокомпании.

– А когда они приедут?

– Не знаю. – У пятилетних детей вопросов бывает хоть отбавляй. – Думаю, сегодня утром у них полно забот. Хочешь пройтись со мной до конца аллеи?

Он двинулся за мной, потом остановился, с подозрением глядя на провода. Один из них выгнулся и лениво перевернулся, словно приманивая к себе.

– Пап, а *лектричество* может пройти через землю?

Справедливый вопрос.

– Да, но не беспокойся. Электричеству нужна земля, а не ты. Все будет в порядке, если ты не станешь подходить близко.

– Земля нужна... – пробормотал он, подбежав ко мне, и мы, взявшись за руки, пошли вдоль аллеи.

Все оказалось несколько хуже, чем я ожидал. В четырех местах на дорогу упали деревья: одно маленькое, два средних и еще одно совсем старое, толщиной, наверное, футов в пять, облепленное мхом, словно гнилым корсетом.

Ветки с наполовину ободранными листьями валялись повсюду, и мы с Билли дошли до самой грунтовой дороги, отбрасывая те, что были не очень большие, обратно в заросли. Все это напомнило мне события одного летнего дня, случившиеся около двадцати пяти лет назад. Я тогда, видимо, был не старше, чем Билли сейчас. В тот день собрались все мои дяди и с самого утра ушли в лес с топорами и резаками вырубать кустарник. После работы все уселись за стол на козлах, что мои родители держали на улице, и уничтожили чудовищное количество сосисок, пирожков с мясом и картофельного салата. Пиво лилось рекой, и дядя Рубен нырнул в озеро прямо в одежде и в ботинках. В те дни в лесу еще водились олени.

– Пап, можно, я пойду к озеру?

Он устал бросать ветки, а когда ребенок устает что-то делать, единственный разумный способ занять его – это разрешить делать что-то другое.

– Конечно.

Мы вместе вернулись к дому, и оттуда Билли побежал направо, обогнув дом и упавшие провода по широкой дуге, а я пошел налево. К гаражу, где хранился мой «маккаллох». Как я и предвидел, вдоль всего берега озера уже запели свою заунывную песню бензопилы соседей. Я залил бак пилы горючим, снял рубашку и двинулся было к аллее, но тут, озабоченно глядя на повалившиеся деревья, вышла из дома Стефф.

– Как там?

– Справлюсь. Как дома?

– Я убрала стекла, но, Дэвид, ты должен сделать что-нибудь с березой. Дерево в гостиной будет нам мешать.

– Пожалуй, ты права, – сказал я.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались, стоя под яркими лучами утреннего солнца. Я поставил пилу на бетонированную площадку у крыльца и поцеловал Стефф, крепко обхватив ее за ягодицы.

– Не надо, – прошептала она. – Билли...

В тот же момент он выскочил из-за угла дома.

– Папа! Папа! Иди посмотри...

Стеффи заметила оборванные провода и закричала, чтобы он был осторожнее. Билли, бежавший достаточно далеко от них, остановился и поглядел на свою мать так, словно она сказала какую-то глупость.

– Все в порядке, мама, – произнес он таким тоном, каким люди обычно успокаивают очень старых и глупых, и двинулся к нам, демонстрируя, что с ним действительно все в порядке.

Я почувствовал, как Стефф задрожала.

– Не волнуйся, – сказал я ей на ухо. – Я его предупредил.

– Да, но людей постоянно убивает ток, – сказала она. – По телевизору все время предупреждают про оборванные провода, но люди... Билли, немедленно иди домой.

– Да ладно тебе, мам! Я хочу показать папе лодочный сарай. – Глаза его просто лезли из орбит от возбуждения и обиды. Преисполнившись ощущения апокалипсиса, принесенного бурей, он хотел теперь им поделиться.

– Иди домой! Эти провода опасны и...

– Папа сказал, что им нужна земля, а не я...

– Билли, не спорь со мной!

– Я сейчас приду посмотрю, малыш. Ты пока беги. – Я почувствовал, как напряглась Стефф. – С другой стороны дома.

– Ага. Ладно.

Он пронесся мимо нас, перескакивая через две ступеньки по лестнице, огибающей дом с западной стороны. Рубашка вылезла у него из брюк; он скрылся за углом, и вскоре оттуда донеслось еще одно «О-о-о!», свидетельствующее о том, что он обнаружил новые следы разрушения.

– Он знает про провода, Стеффи, – сказал я, положив руки ей на плечи. – Он их боится, и это хорошо, потому что так он будет в безопасности.

По щеке ее скатилась слеза.

– Я тоже боюсь, Дэвид.

– Ну что ты. Все уже кончилось.

– Ты уверен? Зима была плохая... И поздняя весна... В городе ее называют Черной Весной, говорят, такого в здешних местах не было с 1888 года...

«Говорят» – это наверняка имеется в виду миссис Кармоди, владелица «Бриджтонского антиквариата», магазинчика со всяким хламом, куда Стефф иногда заглядывала. Билли всегда с радостью ходил с ней. Там, в глубине магазинчика, в одной из темных пыльных комнат

«жили» чучела сов с окаймленными золотым блеском глазами, навсегда расправившие крылья и ухватившиеся лапами за полированные сучья; трио енотов, стоящих у «ручья», сделанного из длинного куска покрывшегося пылью зеркала; и даже изъеденное молью чучело застывшего в ледящем душу вечном молчаливом рыке волка, из пасти которого вместо слюны падали опилки. Миссис Кармоди уверяла, что волка еще в 1901 году застрелил ее отец, когда зверь пришел напиться у ручья Стивен-Брук.

Эти экспедиции в антикварную лавку доставляли и жене, и сыну массу удовольствия. Стефф отводила душу, перебирая стеклянные украшения, а Билли изучал «смерть во имя таксидермии». Однако мне всегда казалось, что старуха довольно неприятным образом влияет на здравомыслие Стефф, которая во всех других отношениях была практична и рациональна. Старухе просто удалось найти ее слабое место, ахиллесову пяту ее разума. Впрочем, в городе Стефф оказалась не единственным человеком, кого миссис Кармоди сумела приворожить своими готическими предсказаниями и народными рецептами (которые всегда прописывались именем Божиим).

Вода из гнилого пня поможет вам избавиться от синяков под глазами, если ваш муж из тех, кто после третьего стакана распускает руки. Зиму предсказать вы сможете, сосчитав в июле количество сегментов на гусеницах или измерив толщину пчелиных сот в августе. А сейчас, Боже спаси и сохрани, вновь наступила ЧЕРНАЯ ВЕСНА 1888 ГОДА (восклицательных знаков проставьте, сколько вам захочется). Я тоже слышал эту историю. Ее здесь любят рассказывать: если весна будет достаточно холодная, лед на реке станет черным, как гнилой зуб. Редкое, конечно, явление, но едва ли из тех, что случаются раз в столетие. Тем не менее все эту историю рассказывают, но я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, кроме миссис Кармоди, мог рассказывать ее с такой убедительностью.

– Была обычная плохая зима, потом поздняя весна, – сказал я. – Теперь наступило жаркое лето. И прошла буря, но теперь все кончилось. Ты всегда умела рассуждать здраво, Стефани.

– Это была не обычная буря, – сказала она все тем же хриплым голосом.

– Хорошо. Здесь я с тобой соглашусь.

Рассказ о Черной Весне мне довелось услышать от Билла Джости, владельца и в некотором смысле управляющего «Мобил Джости» в Каско-Виллидж. Под его началом работали трое пьяниц-сыновей (которым, когда они могли оторваться от своих снегоходов и мотоциклов, помогали четверо пьяниц-внуков). Биллу стукнуло семьдесят, выглядел он на восемьдесят, но пить, когда на него находило настроение, мог, как двадцатитрехлетний. Мы с Билли как-то, когда в наших краях в середине мая неожиданно выпало около фута мокрого тяжелого снега, покрывшего молодую траву и цветы, гоняли к нему на заправку наш «скаут». Билл был «под газом» и с удовольствием выдал нам свою версию истории про Черную Весну. Но в этих местах действительно иногда выпадает снег в мае, выпадает и тает через два дня. Ничего особенного.

Стефф снова с сомнением поглядела на упавшие провода.

– Когда приедут люди из энергокомпании?

– Как только смогут. Скоро. И не беспокойся о Билли. У него голова на месте. Он, может быть, иногда забывает убрать на место свою одежду, но, уверяю тебя, он не будет бегать посреди проводов под напряжением. Он прекрасно понимает, что такое опасность. – Я коснулся пальцем уголка ее губ, и он послушно двинулся чуть вверх, рождая улыбку. – Уже лучше?

– Когда я поговорю с тобой, мне всегда становится лучше, – сказала она, и от этого мне тоже стало лучше.

– Тогда пойдем осмотрим развалины.

– Для этого, – фыркнула она, печально улыбнувшись, – мне достаточно пройти в гостиную.

– Ну тогда просто доставь малышу удовольствие.

Держась за руки, мы двинулись вниз по каменным ступеням и только дошли до первого поворота, как навстречу нам, едва не сбив нас с ног, вылетел Билли.

– Ты что так носишься? – спросила Стефф, чуть нахмурилась. Может быть, ей представилось, как он, поскользнувшись, влетает в этот страшный клубок искрящихся проводов.

– Идите скорее! – задыхаясь, закричал Билли. – Лодочный сарай раздавило! Пристань выкинуло на камни, а в бухте деревья. Черт знает что!

– Билли Дрэйтон! – негодуя воскликнула Стефф.

– Ой, больше не буду, мам... Идите скорее... Там... – И он снова исчез.

– «Произнеся мрачное пророчество, он удалился», – сказал я, и Стефф рассмеялась. – Давай я, как только распилю деревья на дороге, сгоняю в контору «Энергоцентра Мэна» на Портленд-роуд и расскажу им, что у нас тут случилось? О'кей?

– О'кей, – сказала она обрадованно. – Когда ты сможешь поехать?

Если не считать того большого дерева в корсете из мха, работы было от силы на час. Но с ним я не рассчитывал справиться раньше одиннадцати.

– Тогда я принесу тебе ланч. Но ты должен будешь заехать в магазин кое-что купить... У нас почти кончилось молоко и масло. И потом... Короче, я напишу тебе список.

Проходит стихийное бедствие, и женщина начинает вести себя, как белка. Обняв ее за плечи, я кивнул, и тут мы дошли до угла дома. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, от чего Билли пришел в такое возбуждение.

– Боже, – слабым голосом произнесла Стефф.

С небольшой возвышенности, где мы стояли, отлично просматривалось почти четверть мили побережья: участок Биббера слева от нас, наш собственный и участок Брента Нортонна направо.

Огромная старая сосна, что охраняла нашу лодочную гавань, сломалась посередине. То, что от нее осталось, торчало из земли, словно неаккуратно заточенный карандаш, и поблескивающая древесина на изломе казалась беззащитно белой по сравнению с потемневшей от времени и непогоды корой. Верхняя же половина старой сосны, около ста футов длиной, рухнула и наполовину ушла под воду в нашей мелкой бухте. Нам здорово повезло, подумал я, что наш «Стар-Крузер» не затонул под ней: неделю назад мотор катера начал барахлить, и я отогнал его в Нейплс, где он до сих пор терпеливо дожидался ремонта.

На другом конце нашего маленького участка берега под еще одним повалившимся деревом стоял лодочный сарай, построенный еще моим отцом. Сарай, в котором когда-то, когда состояние семейства Дрэйтонов было значительнее, чем сейчас, хранился шестидесятифутовый «Крис-Крафт». Тут я увидел, что упавшее дерево росло на участке Нортонна, и меня охватило негодование. Это дерево высохло еще лет пять назад, и Нортону давно следовало его свалить. Теперь же оно упало само, и подпирал его только наш сарай с перекошенной, словно пьяной, крышей. Тонкие доски из пробитой деревом дыры разбросало ветром по всему берегу. Когда Билли сказал, что сарай «раздавило», он не сильно погрешил против истины.

– Это дерево Нортонна! – сказала Стефф, и в голосе ее чувствовалось такое негодование, что я улыбнулся, несмотря на собственную боль в душе.

Шток с флагом упал в воду, и промокший «звездно-полосатый» плавал там же вместе с запутавшимся шнуром. Я представил себе ответ Нортонна: «А ты подай на меня в суд!»

Билли забрался на волнорез, разглядывая выброшенный на камни причал в голубую и желтую полоску. Оглянувшись через плечо, он радостно закричал:

– Это, наверное, причал Мартинсов, да?

– Он самый, – сказал я. – Большой Билл, как насчет того, чтобы слазить в воду и выудить флаг?

– Сейчас!

Справа от волнореза был маленький песчаный пляж. В 1941 году, перед тем как Пёрл-Харбор заплатил за Великую депрессию большой кровью, мой отец нанял человека привезти сюда хорошего песка для пляжа – целых шесть само-свалов – и раскидать его до глубины, чтобы мне было примерно по грудь, то есть футов пять. Человек запросил за работу восемьдесят долларов, и песок так и остался на берегу. Что, может быть, и к лучшему: сейчас запрещают устраивать на своей земле пляжи. После того как сточные воды растущих предприятий, занимающихся изготовлением и строительством коттеджей, убили почти всю рыбу в озере, а выжившую есть стало небезопасно, Управление по охране окружающей среды запретило частные пляжи, якобы потому, что они нарушают экологический баланс озера, и теперь для всех, кроме крупных подрядчиков, их устройство незаконно.

Билли полез за флагом. И остановился. В тот же момент я почувствовал, как насторожилась Стефф, и заметил причину сам. Весь берег со стороны Харрисона исчез под полосой яркого белого тумана, похожего на облако из тех, что бывают в ясный, погожий день.

Снова вспомнилось приснившееся прошлой ночью, и, когда Стефф спросила, что это может быть, я чуть не сказал: «Бог».

– Дэвид?

Даже намек на береговую линию не было видно, но за долгие годы жизни здесь я столько раз смотрел на противоположный берег Лонг-лейк, что мне казалось, будто ровная, словно по линейке вычерченная полоса тумана сползла на воду всего на несколько ярдов.

– Что это, папа? – крикнул Билли, стоя по колено в воде и пытаясь дотянуться до вымокшего флага.

– Туман.

– На озере? – с сомнением спросила Стефф, и я увидел в ее глазах отблеск влияния миссис Кармоди. Черт бы побрал эту старуху! Мой собственный испуг уже проходил: сны в конце концов штука столь же бесплотная, как и сам туман.

– Ну да. Ты никогда раньше не видела тумана на озере?

– Такого – никогда. Он больше похож на облако.

– Это от яркого солнечного света, – сказал я. – То же самое можно увидеть, пролетая над облаками на самолете.

– Но откуда он взялся? Туман бывает здесь только в сырую погоду.

– Как видишь, не только. По крайней мере в Харрисоне. Это всего лишь последствия бури. От столкновения двух воздушных фронтов. Или что-нибудь еще в таком же духе.

– Ты уверен, Дэвид?

Я рассмеялся, обхватив рукой ее шею.

– Нет, на самом деле я несу что в голову придет. Если бы я был уверен, то читал бы прогноз погоды в шестичасовых новостях. Беги, готовь список покупок.

Она еще раз с сомнением поглядела на меня, потом на полосу тумана, заслоня глаза от солнца ладонью, и покачала головой.

– Странно все это, – сказала она и пошла к дому.

Для Билли это необычное природное явление быстро потеряло свою новизну. Он вытащил из воды флаг вместе со спутанным шнуром и расстелил его на лужайке сушиться.

– Пап, я слышал, что флагу нельзя касаться земли, – сказал он деловым тоном, словно решил прямо сейчас разобраться до конца в этом вопросе.

– Н-да?

– Да. Виктор Макалистер сказал, что людей за это сажают на *лектрический* стул.

– Ты скажи этому Виктору, что у него в голове то, от чего трава хорошо растет.

– Навоз? – Билли всегда отличался сообразительностью, но с чувством юмора у него было похуже. В таком возрасте они все воспринимают всерьез, и я надеюсь только, что он проживет достаточно долго и успеет понять, что относиться так к нашему миру довольно опасно.

– М-м-м, да, но только не говори маме, что это тебе сказал я. Когда флаг высохнет, мы его уберем. Можем даже положить его для верности в ковбойскую шляпу.

– Пап, а мы починим сарай? Новый флагшток поставим? – Впервые за это утро он выглядел озабоченно. Видимо, на какое-то время панорама разрушений ему надоела.

– Ты слишком торопишься, – сказал я, похлопывая его по плечу.

– Можно, я пойду к Бибберам, посмотрю, что там у них?

– Только на пару минут. Они, видимо, тоже заняты расчисткой, а в такие минуты люди иногда бывают здорово злы. – Приблизительно такое чувство я испытывал к Нортону.

– О'кей. Я пошел. – Он бросился бежать.

– Не приставай к ним, малыш. И, Билли...

Он остановился и обернулся.

– Помни про провода. Если ты где-нибудь увидишь другие провода, держись от них подальше.

– Ладно.

Я остался стоять, глядя на разрушенный сарай, потом посмотрел на полосу тумана. Мне показалось, что он приблизился, но за это я бы не поручился. Если он приближался, то опровергал все законы природы, потому что ветер – легкий бриз – дул с нашей стороны, и такого просто не могло быть. Туман был белым-белым. Единственное, с чем я мог его сравнить, это с только что выпавшим снегом, ослепительно контрастирующим с глубокой голубизной зимнего неба. Но снег всегда отражает тысячи и тысячи алмазных лучиков солнца, а этот странный яркий и чистый туман не блестел совсем. Несмотря на то что говорила Стефф, туман в ясные дни не такое уж редкое явление, но, когда его много, от взвешенной в воздухе влаги почти всегда возникает радуга. Сегодня радуги не было.

Снова вернулось какое-то тяжелое предчувствие, но не успело оно окрепнуть, как я услышал низкое механическое «чух-чух-чух», за которым последовало едва слышное: «Дьявол!» Механический звук повторился, но человек смолчал. В третий раз за кашляющим звуком мотора последовало: «Чтоб тебя!..», произнесенное тем же тоном. Тонем человека, решившего самостоятельно справиться с трудной задачей и быстро в этом решении разочаровавшегося.

«Чух-чух-чух-чух...»

Молчание.

Потом: «Зараза!»

Я невольно улыбнулся. Звук хорошо разносится здесь, жужжащие бензопилы были далеко, и я без труда узнал не особенно приятный голос моего соседа, известного адвоката и владельца участка на берегу озера, Брента Нортон.

Спустившись ближе к воде, я сделал вид, что просто иду к причалу, выброшенному на наш волнорез. Отсюда Нортон уже было видно. Он стоял на усыпанной старыми сосновыми иглами прогалине у веранды, одетый в заляпанные краской джинсы и спортивную майку. Его сорокадолларовая прическа совершенно потеряла форму, а по лицу стекал пот. Стоя на одном колене, он пытался завести свою бензопилу. Его агрегат выглядел гораздо дороже и солиднее моей модели за 74.95. Там, казалось, было все, кроме кнопки стартера, и он безуспешно дергал за трос, добиваясь лишь вялого «чух-чух-чух». В глубине души я даже немного обрадовался, увидев, что на его стол, предназначенный для пикников, упала желтая береза и разломилась на две части.

Нортон снова рванул трос стартера.

«Чух-чух-чухчухчух-ЧОХ!ЧОХ!ЧОХ!.. ЧОХ! Чух».

Почти удалось, приятель.

Еще один рывок, достойный Геракла.

«Чух-чух-чух».

– Скотина! – яростно прошептал Нортон, ослабившись на свою шикарную бензопилу.

Я вернулся, чувствуя себя по-настоящему хорошо в первый раз за все утро. Моя пила завелась с первого же рывка, и я принялся за работу.

Около десяти кто-то постучал меня по плечу. Я обернулся и увидел Билли с банкой пива в одной руке и списком, составленным Стефф, в другой. Засунув список в задний карман джинсов, я взял у него банку пива, не то чтобы совсем ледяного, но по крайней мере холодного, и одним глотком махнул сразу половину (редко пиво кажется таким вкусным), потом поднял банку в сторону Билли.

– Спасибо, малыш.

– А мне можно чуть-чуть?

Я дал ему сделать глоток. Он скорчил физиономию и вернул мне банку. Я допил оставшееся и едва успел остановить себя, чтобы не смять банку посередине. Закон о наценке на бутылки и банки действовал уже три года, но от старых привычек не так легко избавиться.

– Она что-то приписала внизу, но я не смог разобрать ее почерк, – сказал Билли.

Я достал листок из кармана. «Никак не поймаю «ВОКСО» по радио, – написала Стефф. – Может, после бури они не могут выйти в эфир?»

«ВОКСО» – местная автоматическая станция, транслирующая рок-музыку в длинноволновом диапазоне. Станция передает из Норвея, что примерно милях в двадцати к северу, но это почти все, что берет наш старый слабенький приемник.

– Скажи маме: «Может быть», – поручил я Билли, предварительно прочитав ему сам вопрос. – И пусть она попробует поймать Портленд на коротких волнах.

– О'кей. Пап, а мне можно будет поехать с тобой в город?

– Конечно. И тебе, и маме, если она захочет.

– О'кей. – Он бросился к дому с пустой банкой в руке.

Добравшись наконец до большого дерева, я сделал первый пропилил, затем заглушил пилу, чтобы дать ей немного остыть. Дерево на самом деле было для нее слишком большим, но я полагал, что справлюсь, если не буду пороть горячку. Потом я подумал, расчищена ли дорога, ведущая к шоссе Канзас-роуд, и как раз в этот момент в просвете между деревьями мелькнул оранжевый грузовик энергокомпании, видимо, направляющийся в дальний конец нашего маленького отрезка дороги. Значит, все в порядке: к полудню, можно надеяться, люди из энергокомпании будут у нас и займутся проводами. Потом я отпилил большой кусок ствола, оттащил его к краю дороги и столкнул. Он скатился вниз и исчез в кустарнике, вновь разросшемся после того, как мой отец и его братья, тоже художники, вырубili его в тот далекий летний день. Мы, Дрейтоны, всегда были семьей художников.

Я стер пот с лица и подумал, что было бы неплохо выпить еще пива: одна банка только растравляет душу. Затем снова взялся за пилу, но меня продолжали преследовать тревожные мысли насчет «ВОКСО». Именно оттуда надвигался этот странный туман. И там же был город Шеймор (местные жители произносили его название «Шемор»), где размещался «Проект “Стрела”».

Этот самый «Проект “Стрела”» служил у Билла Джости основой еще одной его версии так называемой Черной Весны. В западной части Шеймора, недалеко от того места, где город граничит со Стонхемом, действительно находилась принадлежащая правительству земля, обнесенная колючей проволокой. Зона охранялась часовыми, телекамерами по периметру и Бог знает чем еще. Так я по крайней мере слышал.

Сам я этого места не видел, хотя старое шоссе на Шеймор примерно милю идет вдоль восточной границы обнесенной территории. Никто не знал, откуда, собственно, взялось название «Проект “Стрела”», и никто не мог сказать с уверенностью, действительно ли это название проекта и ведутся ли там вообще какие-нибудь работы. Однако Билл Джости утверждал, что ведутся, но, когда я спросил его, каким образом и откуда он это узнал, тот начал крутить.

Якобы его племянница работает в телефонной компании «Континентал» и слышит порой разные вещи. В таком вот духе.

– Это все атомные дела, – сказал он как-то, наклонившись к окошку «скаута» идохнув на меня мощным пивным духом. – Вот этим они там и занимаются. Атомы в воздух пуляют и все такое.

– Мистер Джости, в воздухе и так полно атомов, – влез в разговор Билли. – Так сказала миссис Нири. Она говорила, что атомов везде полно.

Билл Джости уставился на моего сына долгим взглядом своих покрасневших глаз, отчего Билли в конце концов сник.

– Это совсем *другие* атомы, сынок.

– А-а-а, да... – пробормотал Билли, не вступая в спор.

Дик Мюллер, наш страховой агент, говорил, что «Проект “Стрела”» – это опытная сельскохозяйственная станция, выполняющая работу для правительства, ни больше ни меньше.

– Крупные томаты, способные плодоносить более длительное время, – изрек Дик глубокомысленно и вернулся к разъяснениям того, как я могу наиболее эффективным образом помочь своей семье, умерев молодым.

Дженина Лоулесс, почтальонша, уверяла, что там ведется геологоразведка, якобы ищут сланцевое масло. Она это точно знала, потому что брат ее мужа работал у человека, который...

Миссис Кармоди... Она, пожалуй, больше склонялась к мнению Билла Джости: не просто атомы, а *другие* атомы.

Я отпилил еще два куска большого дерева, потом снова пришел Билли с банкой в одной руке и запиской от Стефф в другой. Если и есть какое-нибудь дело, которое Большой Билл любит больше, чем бегать с поручениями, то я просто не представляю, что бы это могло быть.

– Спасибо, – сказал я, забирая у него пиво и записку.

– А мне можно будет глоток?

– Только один. В прошлый раз ты сделал два. Я не могу допустить, чтобы ты бегал пьяный в десять утра.

– Уже четверть одиннадцатого, – сказал он, смущенно улыбаясь над краем банки. Я улыбнулся в ответ: не бог весть какая смешная шутка, но Билли пытается шутить так редко. Затем я прочитал записку.

«Поймала «Джей-ви-кью», – писала Стефф. – Не напивайся, пока не съездишь в город. Я разрешу тебе еще одну банку, но до ланча это все. Как ты думаешь, дорога свободна?»

Я отдал Билли записку и отобрал пиво.

– Скажи маме, что с дорогой все в порядке, потому что я видел, как прошел грузовик энергокомпании. Скоро они доберутся и сюда.

– О'кей.

– Малыш?

– Что, пап?

– Скажи маме, что все в порядке.

Он снова улыбнулся, словно сначала повторил это про себя, сказал: «О'кей» – и бросился бегом к дому.

Я стоял и глядел ему вслед, глядел, как он изо всех сил толкает ногами землю, как мелькают подошвы его кед. Я люблю его. Что-то есть в его лице и иногда в том, как он смотрит на меня, от чего мне начинает казаться, что в жизни все в порядке. Конечно, это ложь: в нашем мире никогда не бывает все в порядке и никогда не было. Но мой сын дает мне возможность поверить в эту ложь.

Я отпил немного пива, осторожно поставил банку на камень и снова взялся за пилу. Минут через двадцать кто-то легонько постучал меня по плечу, и я обернулся, ожидая снова увидеть Билли. Но оказалось, это Брент Нортон, и я заглушил пилу.

Выглядел он совсем не так, как выглядит обычно. Он был потный, уставший, несчастный и немного ошарашенный.

– Привет, Brent, – сказал я.

Последний раз мы с ним разговаривали довольно резко, и я не знал, как себя вести. У меня появилось забавное ощущение, что он стоял в нерешительности за моей спиной последние минут пять и старательно прочищал горло под агрессивный рев бензопилы. Этим летом я его даже толком не видел. Он сбросил вес, но выглядеть лучше не стал. Должен был, потому что фунтов двадцать он на себе носил явно лишних, но тем не менее не стал. Жена его умерла в прошлом ноябре. От рака, как сообщила Стефф Агги Биббер, которая все в этих случаях знает. В каждой округе есть такие. Из того, как Нортон обычно изводил и унижал свою жену (делая это с легкой презрительностью матадора-ветерана, всаживающего бандерильи в тело старого неуклюжего быка), я заключил, что он будет даже рад этой развязке. Если бы меня спросили, я мог бы предположить, что на следующее лето он появится под руку с девицей лет на двадцать моложе его и с глупой сальной улыбкой на лице. Но вместо глупой улыбки у него лишь прибавилось морщин, и вес сошел как-то не в тех местах, где нужно, оставив мешки, складки и наплывы, рассказывающие совсем другую историю. На какое-то мгновение мне захотелось отвести его на солнце, усадить рядом с упавшим деревом, дать ему в руку мою банку пива и сделать угольный набросок портрета.

– Привет, Дэйв, – ответил он после продолжительного неловкого молчания, показавшего еще глубже без треска и грохота бензопилы. Он помолчал еще, потом буркнул: – Это чертово дерево... Извини. Ты был прав.

Я пожал плечами, и он добавил:

– Еще одно дерево упало на мою машину.

– Сочувствую... – начал было я, и тут у меня возникло ужасное подозрение. – Неужели на «ти-берд»?

– Да. На нее.

У Нортон был «тандерберд» шестидесятого года выпуска в идеальном состоянии, который пробегал всего тридцать тысяч миль. В этой машине, окрашенной снаружи и внутри в темно-синий полуночный цвет, он ездил только летом, да и то редко. Своего «берда» он любил, как некоторые любят, скажем, игрушечные железные дороги, или модели кораблей, или свой пистолет для стрельбы в цель.

– Паршиво, – сказал я совершенно искренне.

Он медленно покачал головой.

– Я чуть было не передумал. Собирался ехать на другой машине, а потом спросил себя: «Какого черта?» – и поехал на этой... И ее придавило старой гнилой сосной. Крышу всю смяло внутрь. Думал, распилю. Дерево, я имею в виду... Но эта зараза-пила не заводится... Я заплатил за нее две сотни долларов, а она...

Он издал горлом какой-то странный звук. Губы его шевельнулись, словно у беззубого старика, пережевывающего даты прошлого. Секунду мне казалось, что он вот-вот заплачет беспомощно, как ребенок в песочнице, но он кое-как справился с собой, пожал плечами и отвернулся, будто бы поглядеть на отпиленные мною куски ствола.

– Ладно, пилу твою посмотрим, – сказал я. – «Ти-берд» застрахован?

– Да, – ответил он. – Как и твой сарай.

Я понял, что он имеет в виду, и вспомнил, что говорила о страховке Стефф.

– Послушай, Дэйв, может быть, ты одолжишь мне свой «сааб» сгонять в город? Я хочу купить хлеба, каких-нибудь закусок и пива. Много пива.

– Мы с Билли собрались в город на «скауте», – сказал я. – Если хочешь, можешь поехать с нами. Только тебе придется помочь мне оттащить с дороги то, что осталось от дерева.

– С удовольствием.

Он ухватился за один конец ствола, но даже не смог приподнять его, и почти всю работу пришлось делать мне. Но в конце концов нам удалось скинуть сосну в заросли внизу. Нортон пыхтел и никак не мог отдышаться, щеки его стали совсем пунцовыми. А перед этим он еще столько раз дергал стартер своей пилы, что я начал немного беспокоиться, не случилось бы у него что-нибудь с сердцем.

– О'кей? – спросил я, и он кивнул, все еще часто дыша. – Тогда пойдем к дому. Угощу тебя пивом.

– Спасибо, – сказал он. – Как Стефани?

Видимо, к нему стала возвращаться его старая гладкая манерность, за которую я его недолюбливал.

– Все хорошо, спасибо.

– А сын?

– Он тоже в порядке.

– Рад слышать.

Из дома вышла Стефф, и на секунду на ее лице застыло удивление, когда она увидела, с кем я иду. Нортон улыбнулся, ползая взглядом по ее плотно обтягивающей грудь кофточке. Все-таки он не сильно изменился.

– Привет, Брент, – сказала она настороженно, и из-под ее руки тут же высунул голову Билли.

– Привет, Стефани. Привет, Билли.

– «Тандерберд» Брента здорово потрепало в бурю, – сообщил я. – Он говорит, придавило крышу.

– Да как же это?..

Потягивая наше пиво, Нортон рассказал свою историю еще раз. Я пил уже третью банку, но у меня даже в голове не шумело: видимо, все тут же выходило с потом.

– Он поедет в город с нами.

– Наверное, на это уйдет какое-то время. Может быть, вам придется заехать в магазин в Норвее.

– Почему?

– Ну, если в Бриджтоне нет электричества...

– Мама сказала, что все кассовые аппараты работают на *лектричестве*, – пояснил Билли. Что ж, справедливо.

– Ты еще не потерял список?

Я похлопал себя по заднему карману, и Стефф перевела взгляд на Нортон.

– Мне было очень жаль, когда я узнала про Карлу. Нам всем было жаль...

– Спасибо, – сказал он. – Спасибо вам.

Затем наступил еще один период неловкого молчания, которое нарушил Билли.

– Мы уже можем ехать, папа? – Он успел переодеться в джинсы и кроссовки.

– Да, пожалуй. Ты готов, Брент?

– Если можно, еще одно пиво на дорожку, и я готов.

Стефф чуть нахмурилась. Она никогда не одобряла ни подобных привычек, ни мужчин, которые водят машину, зажав между ног банку с пивом. Я едва заметно кивнул, и она, пожав плечами, принесла Нортону еще одну банку. Я не хотел сейчас спорить с ним.

– Благодарю, – сказал он Стеффи, даже не благодаря на самом деле, а только пробормотав это слово, словно разговаривал с официанткой в ресторане. Потом повернулся ко мне: – Вперед, Макдафф!

– Я сейчас, – сказал я, направляясь в гостиную.

Нортон двинулся за мной, начал охать по поводу березы, но в тот момент меня не интересовали ни его впечатления, ни стоимость нового стекла. Я смотрел в сторону озера через

окно, выходящее на террасу. Ветер немного окреп, и, пока я пилил деревья, стало теплее градусов на пять. Я думал, странный туман, что мы видели утром, наверняка разойдется, но этого не произошло. Более того, он стал ближе, добравшись уже до середины озера.

– Я тоже его заметил, – сказал Нортон с важным видом. – Надо думать, это какая-то температурная инверсия.

Мне это не понравилось. Никогда в жизни я не видел ничего подобного. Отчасти меня беспокоила удивительно прямая линия фронта наступающего тумана, потому что в природе не бывает таких ровных линий: прямые грани – это изобретение человека. Отчасти же настораживала его ослепительная белизна, непрерывная и без влажного блеска. До тумана теперь оставалось всего полмили, и контраст между ним и голубизной неба и озера стал еще более разительным.

– Поехали, пап! – Билли потянул меня за штанину.

Мы все вернулись на кухню, и по пути Нортон еще раз окинул взглядом дерево, вломившееся в нашу гостиную.

– Жалко, что это не яблоня, а? – сострил Билли. – Это моя мама сказала. Здорово, да?

– Твоя мама просто прелесть, Билли, – сказал Нортон, взъерошив его волосы машинальным жестом, и его взгляд снова вернулся к кофточке Стефф. Нет, определенно он не тот человек, который мог бы мне понравиться.

– Слушай, а почему бы тебе не поехать с нами, Стефф? – спросил я. Сам не знаю почему, я вдруг не захотел ее оставлять.

– Нет, я, пожалуй, останусь и займусь сорняками в саду, – ответила она. Взгляд ее скользнул к Нортону, потом снова на меня. – Сегодня утром, похоже, я здесь единственная машина, которой не требуется электричество.

Нортон рассмеялся, слишком громко и неискренне. Я понял, что она хочет сказать, но на всякий случай попробовал еще раз.

– Ты точно не поедешь?

– Точно, – ответила она твердо. – И потом, немного упражнений мне не повредит.

– Ладно, только на солнце долго не сиди.

– Я надену соломенную шляпу. К приезду наделаю вам сандвичей.

– Отлично.

Она подставила щеку для поцелуя.

– Осторожнее там... На Канзас-роуд тоже могут быть поваленные деревья.

– Буду осторожен.

– И ты тоже, – сказала она Билли и поцеловала его в щеку.

– Хорошо, мама. – Он вылетел на улицу, с грохотом захлопнув дверь.

Мы с Нртоном вышли за ним.

– Может, нам отправиться к тебе и перепилить это дерево, что упало на твою машину? – спросил я, неожиданно для себя начав придумывать тысячи причин, чтобы отложить поездку в город.

– Не хочу даже смотреть на него до тех пор, пока не перекушу и не приму еще пару вот таких, – сказал Нортон, поднимая банку с пивом. – Что случилось, то уже случилось, Дэйв, старина.

То, что он назвал меня так, мне тоже не очень понравилось.

Мы забрались все втроем на переднее сиденье «скаута», и я задним ходом выехал из гаража, в дальнем углу которого поблескивал мой побитый топор, напоминая о грядущем Рождестве. Под колесами машины захрустели сорванные бурей ветки. Стефф стояла на бетонной дорожке, ведущей к грядкам в западном конце нашего участка. В одной руке, уже натянув перчатки, она держала садовые ножницы, в другой таяпку для прополки. На голову она надела

старую мятую соломенную шляпу, и лицо ее было в тени. Я дал два коротких гудка, она помахала в ответ рукой, в которой держала ножницы, и мы выехали на дорогу.

С тех пор я больше не видел свою жену.

По дороге до Канзас-роуд один раз нам пришлось остановиться. Видимо, уже после того, как проехал грузовик энергокомпании, поперек дороги упала довольно большая сосна. Мы с Нортонем выбрались из машины и, вымазав все руки в смоле, отодвинули ее ровно настолько, чтобы «скаут» мог проехать. Билли тоже хотел помочь, но я махнул ему рукой, чтобы сидел в машине: я боялся, что он выколет себе глаз о какой-нибудь сучок. Старые деревья всегда напоминали мне энтов из замечательной саги «Властелин колец» Толкина, только злых энтов. Старые деревья всегда стараются навредить. Не важно, пробираетесь ли вы через чащу на снегоступах, катаетесь на лыжах или просто гуляете в лесу, они стараются это сделать, и мне иногда кажется, они убивали бы, если б могли. Шоссе Канзас-роуд оказалось свободным от завалов, но в некоторых местах мы видели оборванные провода, а примерно в четверти мили за туристским лагерем «Викки-Линн» в канаве лежал весь столб, у верхушки которого толстые провода спутались, словно в какой-то дикой прическе.

– Однако нам досталось от погоды, – сказал Нортон своим гладким, оттренированным на судебных заседаниях голосом, но сейчас он не работал на публику, а просто, видимо, был озабочен.

– Да уж.

– Смотри, папа!

Билли показывал на остатки сарая Элличей. Двенадцать лет подряд он устало оседал на задворках фермы Томми Эллича, весь заросший одуванчиками, золотарником и незабудками. Каждую осень я думал, что он не переживет зиму, но каждую весну он стоял на том же месте. А теперь его не было. Остались лишь обломки да скелет крыши почти без досок. Что называется, дожил свой век. Почему-то при этой мысли мне померещилось что-то многозначительное, даже зловещее, хотя всего-то: пришла буря и снесла сарай начисто.

Нортон допил пиво, раздавил банку рукой и, не задумываясь, бросил ее на пол «скаута». Билли открыл было рот, собираясь что-то сказать, но тут же закрыл. Молодец. Нортон жил в Нью-Джерси, где закон о бутылках и банках не действовал. Да и грех было выговаривать ему за то, что он раздавил мои пять центов, когда я сам порой забываю не делать этого.

Билли принялся крутить ручки радиоприемника, и я попросил его проверить, не вернулись ли в эфир «ВОКСО». Он прогнал движок до конца длинноволнового диапазона, но, кроме нудного гудения, ничего не поймал, и я попытался вспомнить, какие еще станции располагались по ту сторону этого странного тумана.

– Попробуй «ВБЛМ», – сказал я.

Он прогнал движок в другую сторону, пройдя через передачи еще двух станций. Эти передавали как обычно, но «ВБЛМ», основная станция в Мэне, специализировавшаяся на прогрессивном роке, молчала.

– Странно, – сказал я.

– Что странно? – спросил Нортон.

– Нет, ничего. Просто мысли вслух.

Билли вернулся к одной из музыкальных станций, и довольно скоро мы приехали в город.

Прачечную «Нордж» в торговом центре закрыли, поскольку без электричества в автоматической прачечной делать нечего, но бриджтонская аптека и супермаркет «Федерал фудс» работали. Как всегда в середине лета, на автостоянке перед супермаркетом было полно машин, и среди них много с номерами других штатов. Тут и там на солнцепеке стояли небольшие группки людей, видимо, обсуждали бурю, женщины с женщинами, мужчины с мужчинами.

Я заметил миссис Кармоди, повелительницу чучел и проповедницу воды из трухлявого пня. Одета в ослепительный канареечного цвета брючный костюм, она всплыла в двери супермаркета. Сумка, размерами похожая скорее на чемодан, висела у нее через руку. Потом какой-то идиот в джинсовой куртке, зеркальных очках и без шлема с ревом пронесся мимо меня на «ямахе», едва не задев передний бампер.

– Вот глупая скотина! – прорычал Нортон.

Я объехал стоянку по кругу, подыскивая место получше. Мест не было, и я уже совсем решился на долгую прогулку пешком из дальнего конца стоянки, когда мне повезло: из ряда, ближайшего ко входу в супермаркет, начал выбираться «кадиллак» размерами с автобус. Как только он освободил место, я мгновенно его занял.

Список покупок я вручил Билли. Хотя ему всего пять, он умеет читать печатные буквы.

– Бери тележку и начинай. Я попробую позвонить маме. Мистер Нортон тебе поможет. Я скоро.

Мы выбрались из машины, и Билли сразу же схватил Нортон за руку. Мы давным-давно приучили его не ходить по автостоянке без взрослых, и он до сих пор не забыл этой привычки. Нортон сначала удивился, но потом улыбнулся, и я почти простил ему то, как он ощупывал глазами Стефф.

Я двинулся к телефону на стене между аптекой и прачечной. Какая-то, видимо, изнемогающая от жары женщина в фиолетовом купальнике стояла у телефона и непрерывно дергала за рычаг. Остановившись за ее спиной, я сунул руки в карманы, размышляя, почему я так волнуюсь за Стефф и почему это волнение как-то связано с линией белого матового тумана, замолчавшими радиостанциями и «Проектом “Стрела”».

Женщина с обгоревшими, покрытыми веснушками полными плечами выглядела как вспотевший оранжевый ребенок. Она швырнула трубку на рычаг, повернулась к аптеке и тут заметила меня.

– Не тратьте деньги. Одно только «ту-ту-ту», – сказала она раздраженно и пошла прочь.

Я чуть не хлопнул себя по лбу. Конечно же, где-нибудь оборвало и телефонные провода. Часть из них проложена под землей, но ведь далеко не все. На всякий случай я попробовал позвонить. Телефоны-автоматы в здешних местах из тех, что Стефф называет «параноидными». Вместо того чтобы сразу опустить туда десять центов, вы сначала слышите гудок, потом набираете номер. Когда кто-то отвечает, телефон автоматически отключает звук, и вы должны срочно, пока там не повесили трубку, запихивать свою монету. Это раздражает, но в тот день я действительно сэкономил десять центов. Как сказала дама в купальнике, только «ту-ту-ту».

Я повесил трубку и, направившись неторопливым шагом к супермаркету, успел как раз вовремя, чтобы стать свидетелем одной забавной сценки. Престарелая чета, разговаривая на ходу, двигалась к двери, помеченной «Вход», и, все так же разговаривая, они натолкнулись на толстое стекло. Разговор оборвался, и женщина удивленно вскрикнула. Потом они комично переглянулись, рассмеялись, и старик с некоторым усилием открыл дверь, пропуская вперед жену. Эти автоматические двери с фотоэлементами довольно тяжелые, и когда электричество пропадает, оно подводит нас в сотне различных ситуаций.

Так же оттолкнув дверь, я вошел в магазин и первым делом заметил, что не работает кондиционирование. Летом кондиционеры тут включают так, что, если пробудешь в магазине больше часа, наверняка что-нибудь себе отморозишь.

Как все современные супермаркеты, «Федерал» больше всего напоминал лабиринт, где волей современной техники торговли все покупатели превращаются в подопытных белых крыс. То, что вам действительно нужно, например, такие продукты, как хлеб, молоко, мясо, пиво, замороженные обеды, – все это находится в самом дальнем конце магазина, и, чтобы попасть туда, вы должны пройти мимо того, что покупается под влиянием момента, мимо всех ненужных предметов, начиная от зажигалок и кончая резиновыми костями для собак.

Сразу у входной двери начинался отдел фруктов и овощей. Я оглядел проход, но ни Нортона, ни Билли не увидел. Старушка, та самая, что врезалась в дверь, внимательно изучала грейпфруты, а ее муж держал в руках сетку для продуктов.

Я двинулся вдоль стеллажей, потом свернул налево и нашел их только в третьем проходе, где Билли остановился в задумчивости перед упаковками желе и концентрата для пудинга. Нортон стоял у него за спиной, заглядывая в список в таком замешательстве, что я невольно улыбнулся.

Я стал пробираться к ним мимо наполовину загруженных тележек (очевидно, Стефф была не единственной, у кого сработал «беличий» инстинкт) и обирающих стеллажи покупателей. Нортон выбрал две банки начинки для пирога и положил их в тележку.

– Как успехи? – спросил я, и Нортон оглянулся с видом явного облегчения.

– Все в порядке. Да, Билли?

– Конечно, – сказал Билли и, не удержавшись, добавил довольно ехидным тоном: – Правда, здесь записано еще много такого, что мистер Нортон тоже не смог разобрать.

Возле каждого пункта, что они с Билли выполнили, Нортон поставил по-адвокатски аккуратную галочку – примерно с полдюжины, включая молоко и упаковку кока-колы. Оставалось еще с десятков различных продуктов.

– Придется нам вернуться во «Фрукты и овощи», – сказал я. – Маме нужны помидоры и огурцы.

Билли принялся разворачивать тележку, когда Нортон сказал:

– Ты лучше посмотри, какая там очередь, Дэйв.

Я пошел смотреть. Такое можно иногда увидеть лишь в газете на фотографии с какой-нибудь забавной подписью в дни, когда им больше нечего печатать. Работали только две кассы, и двойная очередь людей с покупками тянулась мимо почти опустевших хлебных стеллажей, загибалась вправо и исчезала из виду за рефрижераторами с замороженными продуктами. Новенькие компьютеризованные кассовые аппараты стояли под чехлами, а на контроле две уже измучившиеся девушки подсчитывали стоимость покупок на батарейных калькуляторах. Рядом с ними стояли два менеджера супермаркета, Бад Браун и Олли Викс. Олли мне всегда нравился больше, чем Бад Браун, который, как мне кажется, считал себя неким Шарлем де Голлем мира универмагов.

Когда каждая из девушек заканчивала подсчет, Бад или Олли подкалывали листки с суммой к банкнотам или чекам покупателей и бросали их в специальный ящик. Все четверо, похоже, взмокли и устали.

– Надеюсь, ты захватил с собой хорошую книгу, – сказал Нортон, присоединяясь ко мне. – Мы, видимо, простоим долго.

Я снова подумал о Стефф, оставшейся дома в одиночестве, и снова испытал какое-то неуютное чувство.

– Ты иди пока подбирай, что тебе нужно, – сказал я, – а мы с Билли справимся с остальными покупками.

– Для тебя прихватить пива?

Я подумал и решил, что, несмотря на некоторое наше сближение, мне совсем не хочется провести вторую половину дня, напиваясь с Брентом Нортоном. Слишком много было дел дома.

– Спасибо, нет, – сказал я. – Как-нибудь в другой раз, Брент.

Его лицо чуть заметно посуровело.

– О'кей, – коротко ответил он и пошел за покупками. Я посмотрел ему вслед, но тут Билли потянул меня за рубашку.

– Ты говорил с мамой?

– Нет. Телефон не работает. Надо полагать, телефонные провода тоже пооборвало.

– Ты волнуешься за нее?

– Нет, – солгал я. Я действительно волновался, сам не понимая почему. – Нет, конечно.

А ты?

– Не-е-е... – Но он тоже волновался, и по его лицу это было заметно.

Нам следовало бы ехать домой сразу. Но даже тогда, может быть, уже было поздно.

Глава 3. Туман

Пробираясь обратно к фруктам и овощам, я чувствовал себя, словно лосось, сражающийся с течением. Стали попадаться знакомые лица: Майк Хатлен, один из членов городского управления, миссис Репплер, учительница начальных классов (гроза нескольких поколений третьеклассников с улыбкой разглядывала стеллаж с дынями), миссис Терман, которая иногда оставалась посидеть с Билли, когда мы со Стефф отправлялись куда-нибудь вдвоем. Но в основном здесь собрались люди, приехавшие на лето: они запасались не требующими приготовления продуктами и перебрасывались шутками насчет «суровых условий», в которых приходится проводить отпуск. Отдел копченостей и прочих закусок они подчистили так же основательно, как, бывает, подчищают стенды с десятицентовыми книгами в день дешевой распродажи: там не осталось ничего, кроме сосисок, фарша и одинокой неприличного вида колбасы.

Я взял помидоры, огурцы и банку майонеза. Стефф нужен был еще бекон, но бекона уже не осталось, и я прихватил вместо него колбасного фарша, хотя с тех пор, как FDA сообщило, что в каждой упаковке содержится определенное небольшое количество примесей от насекомых (бесплатный довесок), я никогда не ел его с большим энтузиазмом.

– Посмотри, – сказал Билли, когда мы свернули за угол в четвертом проходе, – вон солдаты.

Их было двое, и серая форма сразу бросалась в глаза на фоне гораздо более яркой летней одежды и спортивных костюмов остальных покупателей. Все давно привыкли к появлению на улицах военнослужащих: примерно миль тридцать отделяло город от «Проекта “Стрела”». Эти двое выглядели так, словно бриться начали совсем недавно.

Я просмотрел список и убедился, что мы взяли все, что нужно... Нет, почти все. В самом конце, словно вспомнив об этом напоследок, Стефф дописала: «Бутылка «Лансерс»?» Пожалуй, это будет кстати: пара стаканов вина сегодня вечером, когда Билли уснет, потом, может быть, часок неторопливых ласк перед сном.

Оставив тележку, я прошел к винным стеллажам, выбрал бутылку и двинулся обратно мимо большой двустворчатой двери в складское помещение, из-за которой доносилось ровное гудение сильного генератора. Но, видимо, его хватало только на то, чтобы поддерживать холод в рефрижераторах, а на автоматические двери, кассовые аппараты и другое электрическое оборудование мощности уже не доставало. Звук был такой, словно за дверью работал мотоцикл.

Когда мы встали в очередь, появился Нортон с двумя упаковками светлого пива, буханкой хлеба и колбасой, которую я заметил раньше, в руках и встал в очередь рядом с нами. Без кондиционирования в помещении магазина было жарко, и я подумал, что тут стало бы гораздо лучше, если бы кто-нибудь из подсобных рабочих по крайней мере застопорил входные двери в открытом положении. Через два прохода позади от нас я видел грузчика Бадди Иглтона в красном фартуке, но он явно бездельничал и не собирался трогаться с места. От монотонного гудения генератора у меня начала болеть голова.

– Положи продукты в нашу тележку, – сказал я Нортону.

– Благодарю.

Теперь очереди тянулись мимо секции замороженных продуктов, и, чтобы добраться к нужным стеллажам, покупателям приходилось, постоянно извиняясь, пробираться через два ряда людей.

– Мы здесь хрен знает сколько будем стоять, – угрюмо пробормотал Нортон, и я нахмурился: на мой взгляд, такого рода выражения Билли лучше не слышать.

Когда очередь проползла немного вперед, рев генератора стал менее слышен, и мы с Нортоном разговорились, старательно обходя некрасивый раздор из-за земли, в результате кото-

рого мы оба оказались в суде, и касаясь лишь шансов на победу команды «Ред сокс» и погоды. Искерпав наконец запас ни к чему не обязывающих тем, мы оба замолчали. Билли вертелся у моих ног. Очередь ползла. Теперь справа от нас оказались замороженные обеды, а слева более дорогие вина и шампанское. Когда мы продвинулись к дешевым винам, мне пришло в голову прихватить бутылку «Рипла», вина моей горячей юности, но я передумал. Впрочем, и юность моя никогда не была так уж горяча.

– М-м-м. Почему они так медленно, пап? – спросил Билли, лицо которого все еще сохраняло встревоженное выражение, и внезапно окутывающий меня туман беспокойства на мгновение расступился. Сквозь него проглянуло что-то ужасное – блестящее металлическое лицо страха.

– Спокойнее, малыш, – сказал я.

Теперь мы дошли до хлебного ряда, и в этом месте двойная очередь поворачивала налево. Отсюда уже было видно кассовые линии: две работающие и еще четыре пустые с табличками на неподвижных конвейерных лентах. На табличках значилось: «Пожалуйста, встаньте в другую очередь», а рядом реклама «Уинстон». За кассами располагалось большое, поделенное на секции витринное стекло с видом на автостоянку и перекресток дорог номер 117 и номер 302. Панораму частично закрывали белые с тыльной стороны плакаты, рекламирующие последние издания и бесплатную серию книг под названием «Энциклопедия матери-природы». Мы двигались в очереди, что вела к кассирше, рядом с которой стоял Бад Браун, и перед нами оставалось еще человек тридцать. Особенно выделялась в очереди миссис Кармоди в своем кричащем желтом брючном костюме. На мой взгляд, она выглядела как реклама желтой лихорадки.

Внезапно откуда-то издали возник похожий на крик звук. Он быстро стал громче и превратился в вой полицейской сирены. С перекрестка донесся автомобильный гудок, потом визг тормозов и горящих покрышек. Оттуда, где я стоял, видно было плохо, но вскоре звук сирены достиг максимальной громкости, когда полицейская машина пронеслась мимо супермаркета, и стал стихать по мере того, как она удалялась. Несколько человек, стоявших в очередях, пошли посмотреть, в чем дело, но большая часть осталась на месте: люди стояли слишком долго, чтобы рисковать потерять свою очередь.

Нортон пошел: его покупки все равно лежали в нашей тележке. Спустя несколько секунд он вернулся и встал на место.

– Местные легавые, – прокомментировал он.

Тут, медленно перерастая в крик, стихая, потом снова возвышаясь до крика, завывала сирена городской пожарной охраны. Билли взял меня за руку. Вернее, схватил.

– Что это, папа? – спросил он и тут же еще: – Ты думаешь, с мамой все в порядке?

– Должно быть, пожар на Канзас-роуд, – сказал Нортон. – Эти чертовы оборванные провода... Сейчас поедут пожарные машины.

Такое объяснение лишь сконцентрировало мое беспокойство на одном факте: у нас во дворе тоже лежали оборванные провода под током.

Бад Браун что-то сказал кассирше рядом с ним, когда та обернулась посмотреть, что происходит, и она, покраснев, снова принялась считать на своем калькуляторе. Мне не хотелось быть в этой очереди. Совершенно внезапно мне вдруг расхотелось здесь стоять. Но очередь двигалась, и уйти было бы глупо. Мы дошли уже до сигарет.

Какой-то парень распахнул входную дверь, и мне показалось, что это был тот самый, на «ямахе» и без шлема, которого мы чуть не сбили.

– Туман! – закричал он. – Что творится! Это надо видеть! Он просто катится по Канзас-роуд.

Люди стали поворачиваться к нему. Он дышал тяжело, словно долго бежал. Все молчали.

– В самом деле это надо видеть, – повторил он, на этот раз уже будто оправдываясь.

Люди продолжали молча глядеть на него, кто-то шаркнул ногой, но уходить из очереди никто не хотел. Несколько человек из тех, что еще не встали в очередь, бросили свои тележки и прошли мимо неработающих касс посмотреть, о чем идет речь. Какой-то здоровый тип в летней шляпе с пестрой лентой (таких шляп никто сейчас не носит, разве что в телевизионных заставках, рекламирующих пиво на фоне гриля с жарящимся мясом во дворе загородного дома) рывком открыл дверь с надписью «Выход», и вместе с ним вышли на улицу человек десять-двенадцать. Молодой парень тоже вышел.

– Так все кондиционирование выпустят, – пошутил один из солдат. Кто-то засмеялся. Я молчал: я уже видел, как туман движется через озеро.

– Билли, почему бы тебе тоже не сходить посмотреть? – предложил Нортон.

– Нет, – тут же сказал я, даже не понимая почему.

Очередь снова двинулась вперед. Люди вытягивали шеи, стараясь разглядеть туман, о котором говорил вбежавший в магазин парень, но через окно было видно лишь чистое голубое небо. Кто-то сказал, что парнишка, видимо, пошутил. Кто-то еще ответил, что меньше часа назад видел полосу необычного тумана на озере. Пожарная сирена продолжала завывать. Все это мне очень не нравилось. Слишком сильно отдавало большой катастрофой.

Еще несколько человек вышли на улицу. Некоторые даже оставили место в очереди, отчего очередь продвинулась чуть дальше. Затем старый седой Джон Ли Фровин, механик с заправочной станции «Тексако», прошмыгнул в магазин и крикнул:

– Эй! У кого-нибудь есть фотоаппарат?

Он оглядел зал и выскочил обратно на улицу. Тут уже все зашевелились: если зрелище стоит того, чтобы его фотографировать, то уж хотя бы посмотреть надо обязательно.

Неожиданно своим ржавым, но сильным старческим голосом закричала миссис Кармоди:

– Не ходите туда!

Люди стали оборачиваться к ней. Стройная очередь распалась: кто-то отправился посмотреть на туман, несколько человек шарахнулись в стороны от миссис Кармоди, кто-то просто отошел, разыскивая своих друзей. Привлекательная молодая женщина в красной блузке и темно-зеленых брюках задумчиво, оценивающе смотрела на миссис Кармоди. Кто-то воспользовался неразберихой, чтобы продвинуться в очереди на несколько шагов вперед. Кассирша рядом с Бадом Брауном снова обернулась, и тот постучал ее по плечу своим длинным пальцем.

– Не отвлекайся, Салли.

Снова закричала миссис Кармоди:

– Не ходите туда! Там смерть! Я чувствую, там смерть!

Бад и Олли, хорошо знавшие ее, лишь раздраженно поморщились, но приезжие, даже стоявшие в очереди, тут же отошли от нее подальше. Видимо, к этим крикливым старухам в больших городах относятся так же. Словно они переносчицы какой-то заразной болезни. И кто знает? Может быть, так оно и есть.

Потом все начало происходить быстро и беспорядочно. Через входную дверь ввалился мужчина с разбитым носом.

– Там что-то есть в тумане! – закричал он. Билли прижался ко мне, испугавшись то ли этого человека с окровавленным лицом, то ли того, что он говорил.

– Там в тумане что-то есть! – продолжал кричать мужчина. – Что-то из тумана схватило Джона Ли! Что-то... – Покачнувшись, он наткнулся спиной на витрину с подкормкой для газонов и опустился рядом с ней на пол. – Что-то из тумана схватило Джона Ли, и я слышал, как он кричал!

Ситуация переменялась. Волнение, вызванное бурей, а потом полицейскими и пожарными сиренами, растерянность, которую средний американец всегда испытывает при нарушении электроснабжения, атмосфера нарастающей по мере того, как что-то вокруг менялось,

напряженности, – я не знаю, какими другими словами можно передать то, что происходило, – все это вдруг заставило людей двинуться одновременно.

Они не побежали. Сказав так, я создал бы у вас неверное впечатление. Паники не было. Никто не бежал, по крайней мере большинство людей не бежали. Они просто пошли. Одни пробрались к большой витрине у конца кассового ряда, другие направились прямо к дверям, причем некоторые с неоплаченными покупками. Бад Браун тут же закричал требовательным голосом:

– Эй! Вы не заплатили! Эй, вы! Ну-ка вернитесь! Немедленно верните сюда пирожки с сосисками!

Кто-то рассмеялся над ним, и от этого сумасшедшего неестественного хохота остальные люди заулыбались. Но даже улыбаясь, все они выглядели испуганно, неуверенно и беспокойно. Потом засмеялся кто-то еще, и Браун побагровел. Он выхватил коробку с грибами у дамы, которая пыталась протиснуться мимо него к окну, облепленному теперь людьми, как забор новостройки.

– Отдайте мои грибочки! – завизжала дама, и этот неуместный уменьшительный термин вызвал истерический хохот еще у двоих мужчин, стоявших рядом.

Происходящее напоминало чем-то сумасшедший дом. Миссис Кармоди продолжала трубить, чтобы мы не выходили на улицу. Не переставая, завывала пожарная сирена, словно крепкая старуха, заставшая у себя дома вора. Билли заплакал.

– Папа, что это за человек в крови? Почему?

– Все в порядке, Большой Билл, он просто расшиб себе нос. Не волнуйся.

– Что он имел в виду, этот человек? Про что-то там в тумане? – спросил Нортон, усиленно хмурясь, что, видимо, заменяло ему замешательство.

– Папа, я боюсь, – сквозь слезы произнес Билли. – Пожалуйста, давай поедem домой.

Кто-то пробежал мимо, грубо меня толкнув, и я взял Билли на руки. Я тоже испугался. Смятение нарастало. Салли, кассирша, работавшая рядом с Бадом Брауном, попыталась встать, и он вцепился в воротник ее красного халата. Ткань лопнула, и кассирша, отмахиваясь от него руками, вырвалась, закричав:

– Убери свои поганые лапы!

– Заткнись, сучка, – сказал Браун, но по его голосу чувствовалось, что он совершенно ошарашен.

Он снова потянулся за ней, но его остановил Олли Викс:

– Бад! Остынь!

Кто-то еще закричал. Если раньше паники не было – почти не было, – то теперь обстановка быстро приближалась к панической. Люди текли из обеих дверей. Послышался звон бьющегося стекла, и по полу разлилась пузырящаяся лужа кока-колы.

– Боже, что происходит? – воскликнул Нортон.

И в этот момент начало темнеть. Я подумал было, что отключился свет в зале, и совершенно рефлекторно задрал голову, взглянув на флуоресцентные лампы. И не один я решил, что потемнело именно из-за этого. Потом я вспомнил, что тока нет и что лампы и так не горели все это время, пока мы были в магазине. Но ведь света хватало... И тут до меня дошло, даже раньше, чем люди, стоявшие у окон, начали кричать и указывать руками на улицу.

Надвигался туман.

Туман катился с Канзас-роуд к автостоянке, и даже с близкого расстояния он казался мне таким же, каким я впервые заметил его на другой стороне озера. Белый, чистый, но не искрящийся туман. Он быстро продвигался, почти совсем закрыв солнце. Вместо солнца на небе осталась теперь маленькая серебряная монета, словно полная луна, видимая зимой сквозь тонкий покров облаков.

Несмотря на скорость, с какой надвигался туман, мне казалось, он лишь лениво ползет, и это зрелище напомнило мне водяной смерч, что пронесся по озеру днем раньше. В природе есть огромной силы явления, с которыми нам очень редко приходится встречаться в жизни: землетрясения, ураганы, торнадо. Я не наблюдал их все, но видел достаточно, чтобы знать, что все они протекают с такой вот ленивой гипнотизирующей быстротой. Они завоораживают, как завоорожил смерч стоявших у панорамного окна Билли и Стефф.

Туман тем временем катился по двухрядному шоссе и скрывал его под собой. Отремонтированный голландский домик Маккеонсов поглотило целиком. Какое-то время из тумана торчал второй этаж стоящего по соседству ветхого дома, но потом и он пропал. Дорожные знаки с призывом «Держись правой стороны» у въезда на стоянку супермаркета и выезда с нее тоже исчезли, хотя сами буквы еще несколько секунд после того, как растворился грязно-белый фон полотнищ, плавали в воздухе. Потом одна за другой стали исчезать из виду машины.

– Боже, что происходит? – снова спросил Нортон, и на этот раз в его голосе уже что-то дрогнуло.

Туман наступал, съедая голубое небо и чистый черный асфальт с одинаковой легкостью. Даже на расстоянии двадцати футов линия, отделяющая туман, была четко видна. У меня возникло чувство, будто я наблюдаю какой-то сногшибательный киноэффект, что-нибудь созданное Виллисом О'Брайеном или Дугласом Тримбуллом. Все происходило невероятно быстро. Голубое небо из широкой полосы превратилось сначала в ленту, потом в тонкую карандашную линию, потом исчезло совсем. Широкое стекло витрины заволокло ровным белым цветом. Дальше урны, стоявшей, может быть, в четырех футах от окна, я не мог разглядеть ничего. Едва виден был лишь передний бампер моего «скаута».

Послышался долгий и громкий женский крик. Билли прижался ко мне еще плотнее. Он дрожал, словно моток провода под высоким напряжением. Какой-то мужчина вскрикнул и бросился мимо одной из пустующих касс к выходу. Видимо, с этого и началось паническое бегство. Люди беспорядочной толпой бросились в туман.

– Эй! – заорал Браун. Я не знаю, был ли он напуган, рассержен или и то и другое сразу. Лицо его стало почти фиолетовым, на шее вздулись вены, толстые, словно аккумуляторные провода. – Эй, вы все! Вы не имеете права... Ну-ка вернитесь сюда с продуктами! Это воровство!

Люди не останавливались, но некоторые все же побросали покупки в сторону. Кто-то смеялся, развеселившись, но таких было меньшинство. Они вливались в туман, и никто из нас, из оставшихся, больше их не видел. Через распахнутые двери проникал слабый едкий запах. На выходе началась толкучка. Кто-то кого-то толкнул, кто-то кого-то ударил. От тяжести у меня заболели плечи: Билли парень довольно крупный, Стефф в шутку иногда называла его молодым теленком.

Нортон с каким-то задумчивым и несколько ошарашенным выражением лица отошел чуть в сторону, собираясь направиться к дверям. Я пересадил Билли на другую руку, чтобы успеть схватить Нортон, пока он не ушел далеко.

– Не стоит пока, – сказал я.

– Что? – спросил он, обернувшись.

– Лучше подождем.

– Чего подождем?

– Не знаю, – сказал я.

– Не думаешь ли ты... – начал было он, но тут кто-то пронзительно закричал в тумане.

Нортон замолчал. Пробка у выхода из магазина чуть рассосалась, потом люди бросились назад. Гомон возбужденных голосов, крики – все стихло. Лица людей у дверей вдруг стали бледными, плоскими и словно двухмерными.

Крик не прекращался, соревнуясь с пожарной сиреной. Невозможным казалось, что в человеческих легких может хватить воздуха на столь долгий пронзительный крик.

– О Господи, – пробормотал Нортон, взъерошив волосы обеими руками.

Неожиданно крик прекратился. Не стих, а оборвался, словно его отрезало. Еще один мужчина вышел на улицу – здоровяк в рабочих брюках. Наверное, он хотел помочь этой женщине. Какое-то мгновение его было видно через стекло и туман, словно сквозь пленку высохшего молока на стакане, а потом (насколько я знаю, кроме меня, этого никто не заметил) что-то двинулось за ним, какая-то серая тень на фоне белизны, и мне показалось, что вместо того, чтобы вбежать в туман, он с раскинутыми от неожиданности руками был буквально *вдернут* туда.

Несколько секунд в зале супермаркета царило молчание. Внезапно целое созвездие лун вспыхнуло снаружи: включились все фонари на автостоянке, питание к которым, видимо, подводилось подземными кабелями.

– Не ходите туда, – произнесла миссис Кармоди своим каркающим голосом. – Там смерть! Желающих спорить или смеяться вдруг не оказалось.

Снаружи донесся еще один крик, приглушенный расстоянием, и Билли вздрогнул, прижимаясь ко мне.

– Дэвид, что происходит? – спросил Олли Викс, оставив свое место у кассы. На его гладком круглом лице застыли крупные капли пота. – Что это?

– Если б я, черт побери, знал, – сказал я.

Олли выглядел очень испуганным. Жил он один в симпатичном маленьком домике на берегу озера Хайлэнд, любил заходить в бар у Приятной Горы. На мизинце левой руки Олли носил кольцо с сапфиром в виде звезды, купленное им с выигрыша в лотерею в прошлом феврале. Мне всегда казалось, что он немного боится девушек.

– Ничего не понимаю, – сказал он.

– Я тоже. Билли, у меня руки отрываются. Мне придется поставить тебя на пол. Я буду держать тебя за руку, о'кей?

– Мама... – прошептал он.

– С ней все в порядке, – сказал я. Надо же было что-нибудь сказать.

Мимо нас прошел старик, хозяин комиссионного магазинчика, что рядом с «Рестораном Джона», как всегда в своем свитере с названием колледжа, который он носил круглый год.

– Это одно из тех ядовитых облаков. Заводы в Рамфорде и Саут-парке... Химикалии... – сказал он и двинулся дальше по четвертому проходу мимо лекарств и туалетной бумаги.

– Надо смываться отсюда, Дэвид, – сказал Нортон, впрочем, без всякого убеждения в голосе. – Что ты думаешь, если...

Тут нас тряхнуло. Ногами я почувствовал странный тяжелый удар, словно здание неожиданно упало с высоты фута в три. Музыкальным звоном отозвались бутылки на полках, падая через край на плиточный пол. От одной из секций витринного стекла откололся стеклянный клин, по форме похожий на кусок торта, и я заметил, как выгнулись и кое-где расщепились сами деревянные рамы, удерживающие стекла на месте.

Вопль пожарной сирены внезапно оборвался. Люди молчали в наступившей тишине, словно напряженно ждали чего-то еще, чего-то худшего. Я стоял, потрясенный и окаменевший, и мысли мои сами каким-то образом вернулись к прошлому. Когда Бриджтон состоял всего из нескольких зданий на перекрестке дорог, мой отец иногда брал меня с собой в магазин, и, пока он разговаривал у прилавка, я всегда стоял и глядел через стекло на дешевые леденцы и двухцентовую жевательную резинку... Была январская оттепель. На улице ни звука, лишь оттаявшая вода сбегала по желобам из нержавеющей стали в дождевые бочки по обеим сторонам здания. Я стоял и разглядывал «зубодробилки», «подушечки» и «колесики». Мистические желтые шары света у потолка отбрасывали чудовищные удлиненные тени целых батальонов мерт-

вых с прошлого лета мух. Маленький мальчик по имени Дэвид Дрэйтон, стоящий со своим отцом, знаменитым художником, чья картина «Кристина в одиночестве» висит в Белом доме. Маленький мальчик по имени Дэвид Дрэйтон, разглядывающий леденцы и картинки на жевательной резинке. Мальчику смутно хочется в туалет. А снаружи давящий, накатывающийся туман январской оттепели...

Очень медленно воспоминания ушли.

– Эй, люди! – прокричал Нортон. – Слушайте все!

Люди стали оборачиваться. Нортон поднял руки с раскрытыми ладонями над головой, словно политический деятель, произносящий слова присяги.

– Выходить на улицу сейчас, видимо, опасно! – вещал он.

– Почему? – крикнула какая-то женщина. – У меня дома дети. Мне нужно к ним.

– Там на улице смерть! – снова вышла миссис Кармоди. Она стояла рядом с уложенными друг на друга у окна двадцатипятифунтовыми мешками удобрений, и ее лицо казалось чуть припухшим, словно ее раздувало изнутри.

Какой-то подросток резко толкнул ее, и она, удивленно хрюкнув, села на мешки.

– Заткнись, ты, карга старая! Несешь всякую чушь собачью!

– Прошу вас! – продолжал Нортон. – Если мы немного подождем, туман развеется, и мы увидим...

Ответом послужил гомон противоречивых возгласов.

– Он прав, – подал голос я, стараясь перекричать шум. – Давайте наберемся терпения.

– Я думаю, это было землетрясение, – произнес мягким голосом мужчина в очках. В одной руке он держал сверток пирожков с мясом и пакет с булочками, другой держал за руку маленькую девочку, может быть, на год младше Билли. – Честное слово, землетрясение.

– Четыре года назад то же самое было в Нейплсе, – отреагировал толстяк из местных.

– Это было в Каско, – тут же оспорила его мнение жена безошибочно узнаваемым тоном закоренелой спорщицы.

– В Нейплсе, – повторил толстяк, но уже с меньшей убежденностью.

– В Каско, – твердо сказала жена, и он сдался.

С какого-то стеллажа, видимо, откинута на самый край ударом, землетрясением или что бы это там ни было, упала запоздавшая банка, громко и неожиданно загремев на полу. Билли расплакался.

– Я хочу домой! Я хочу к ма-а-аме!

– Будь добр, заткни ему пасть, – попросил Бад Браун. Глаза его быстро, но бесцельно метались из стороны в сторону.

– А в зубы ты не хочешь, трепло? – спросил я.

– Дэйв, ну пожалуйста... Лучше от этого не будет... – проговорил Нортон, думая о чем-то другом.

– Очень жаль, – сказала женщина, кричавшая про детей. – Мне очень жаль, но я не могу здесь оставаться. Мне надо домой, к детям.

И она обвела нас всех взглядом. Блондинка с усталым, но привлекательным лицом.

– Ванда должна смотреть за маленьким Виктором, понимаете? Ванде всего восемь, и она иногда забывает... Забывает, что ей положено смотреть за ним, знаете?... А маленький Виктор... Он любит включать конфорки на плите; там загораются такие маленькие красные лампочки... Ему нравятся лампочки... И иногда он выдергивает вилки из розеток... А Ванда... Ей надоедает смотреть за ним... Ей всего восемь... – Она замолчала и посмотрела на нас. Должно быть, мы представлялись ей тогда целой шеренгой безжалостных глаз, не людей, а одних только глаз. – Неужели никто не поможет мне? – закричала она. Губы ее задрожали. – Неужели... Неужели никто не проводит женщину до дома?

Никто не ответил. Изредка кто-то лишь шаркал ногой по полу. Женщина переводила взгляд своих несчастных глаз с одного лица на другое. Толстяк неуверенно шагнул к ней, но жена одним рывком отдернула его назад и крепко схватила за запястье, словно кольцом наручников.

– Вы? – спросила блондинка Олли.

Тот покачал головой.

– Вы? – обратилась она к Баду.

Он накрыл рукой калькулятор, лежавший на прилавке, и промолчал.

– Вы? – повернулась она к Нортону, и он начал говорить что-то своим сильным адвокатским голосом, что-то о том, что нельзя, мол, так, сломя голову... Она махнула на него рукой, и он смущенно замолк.

– Вы? – спросила она меня, и я снова взял Билли на руки, держа его как щит, словно им я пытался отразить этот ужасный взгляд сломленного человека.

– Чтоб вам всем сгореть в аду... – сказала она. Не выкрикнула, а именно сказала смертельно усталым голосом. Потом подошла к двери и оттянула ее двумя руками.

Я хотел сказать что-то, вернуть ее, но у меня во рту все пересохло.

– Э-э-э, леди, послушайте... – сказал подросток, накричавший на миссис Кармоди, и схватил ее за руку.

Она поглядела на его руку. Он, покраснев, отпустил ее, и она вышла в туман. Мы смотрели, как она уходит, и никто не произнес ни слова. Туман поглощал ее, делая бесплотной, оставляя вместо человека лишь размытый набросок человеческой фигуры на самой белой в мире бумаге, и никто не произнес ни слова. Какое-то время она была как надпись «Держитесь правой стороны», плавающая в воздухе: ее руки, ноги, светлые волосы стерлись, осталось только пятно красного летнего платья, казалось, танцующего в белом пространстве. Потом исчезло и оно, и никто не проронил ни слова.

Глава 4. Склад. Проблема с генератором. Что случилось с носильщиком

Билли, мгновенно вернувшись к двухлетнему возрасту, расплакался громко и истерично, хрипло, сквозь слезы требуя маму. На верхней губе у него появились сопли, и я повел его по одному из средних проходов, обняв за плечи и пытаясь успокоить. Мы остановились у длинного белого холодильника с мясом, расположенного вдоль всей задней стены магазина. Мистер Маквей, мясник, еще стоял за прилавком. Мы просто кивнули друг другу, поскольку в данных обстоятельствах ничто другое не казалось уместным.

Я сел на пол, посадил Билли на колени, прижав лицом к себе, стал успокаивать его и что-то ему говорить. Я говорил всю неправду, которую родители обычно держат про запас для тяжелых случаев, ту самую неправду, которая так убедительно звучит для ребенка, и говорил ее совершенно убежденно.

– Это не простой туман, – сказал Билли, взглянув на меня потемневшими и полными слез глазами. – Да, папа?

– Да, я думаю, это не простой туман. – Здесь я лгать не хотел.

Дети сражаются с потрясениями не так, как взрослые. Они пытаются сжиться с ними, может быть, потому что лет до тринадцати они и так живут в состоянии полуперманентного шока. Билли начал дремать. Я продолжал держать его, опасаясь, что он может снова проснуться, но вскоре он заснул по-настоящему. Возможно, он не спал часть предыдущей ночи, когда мы легли втроем в первый раз с тех пор, как он вышел из младенческого возраста. А возможно – при этой мысли я почувствовал, как внутри у меня пронесся маленький холодный вихрь, – возможно, он предчувствовал что-то еще.

Убедившись, что он крепко заснул, я положил его на пол и пошел искать, чем бы его укрыть. Почти все оставшиеся в магазине до сих пор стояли у витрин, вглядываясь в плотный покров тумана. Нортон собрал небольшую группу слушателей и продолжал вещать, или по крайней мере честно пытался. Бад Браун твердо стоял на посту, но Олли Викс уже покинул свое место у кассы. Несколько человек с испуганными лицами еще бродили в проходах, словно призраки.

Через большую двойную дверь между рефрижераторным шкафом для мяса и охладителем пива я прошел в складское помещение, где за фанерной перегородкой ровно гудел генератор. Что-то здесь было не так. Слишком сильно пахло дизельным выхлопом. Я двинулся к перегородке, стараясь дышать неглубоко, потом расстегнул рубашку, задрал ее и закрыл нос и рот скомканной тканью.

Узкий длинный склад скудно освещали два ряда аварийных лампочек. Повсюду стояли штабеля коробок: пачки отбеливателя с одной стороны, ящики с безалкогольными напитками с другой, дальше упаковки макарон с мясом и коробки с кетчупом. Одна из них упала, и сквозь картон сочилось что-то красное.

Я открыл задвижку на дверце генераторного отсека и прошел внутрь. Машину окутывали подвижные маслянистые клубы голубого дыма. Выхлопная труба выходила на улицу через отверстие в стене, и, очевидно, что-то закрывало ее снаружи. Генератор приводился в действие простым выключателем. Я щелкнул рычажком: генератор чихнул, полыхнул дымом, закашлялся и умолк, издав напоследок серию затихающих маленьких хлопков, напомнивших мне упрямую бензопилу Нортон.

Аварийное освещение погасло, и, оставшись в темноте, я испугался и тут же потерял ориентацию. Мое собственное дыхание напоминало мне звук ветра, шуршащего в соломе. Выходя из отсека, я ударился носом о хлипкую фанерную дверь, и сердце у меня екнуло.

На входных дверях, ведущих на склад, имелись окошки, но по какой-то причине их закрасили черной краской, отчего темнота была почти полной. Я сбился с пути и наткнулся на штабель коробок с отбеливателем. Коробки посыпались на пол. Одна из них пролетела у самого моего лица, и, невольно шагнув назад, я споткнулся о другую, которая упала позади меня. Я растянулся на полу и так сильно ударился головой, что в полной темноте передо мной засверкали яркие звезды. Хорошенькое представление!

Некоторое время я просто лежал, ругая самого себя, и потирал ушибленное место, призывая себя успокоиться, подняться осторожно и выходить на свет, к Билли. Пытался себя уверить, что ничего мягкого и склизкого, собирающегося обвить мою ногу или заползти на руку, в темноте нет. Говорил себе, что, если я не проявлю выдержку, дело кончится тем, что я начну метаться в панике, сшибая все подряд и создавая себе все новые и новые препятствия.

Я осторожно встал, пытаюсь нащупать взглядом карандашную линию света между створками двери, и наконец нашел еле заметную царапину на полотне тьмы. Двинулся туда и замер, услышав какой-то звук.

Мягкий скользкий звук. Он прекратился, потом снова возник с легким осторожным ударом. Внутри у меня все обмерло, словно я волшебным образом вновь стал четырехлетним ребенком. Звук доносился не из магазина, а откуда-то из-за спины. Снаружи. Оттуда, где туман. Что-то скользило и скребло там по шлакобетону. Пытаюсь, может быть, пробраться внутрь.

А может быть, оно уже внутри и тянется ко мне. Может быть, спустя мгновение я почувствую, как это что-то ползет по моему ботинку. Или хватает меня за шею.

Снова раздался шорох. Теперь я был уверен, что это снаружи. Но легче не стало. Я заставлял свои ноги двигаться, но они не подчинялись. Потом звук изменился, и что-то проскребло в темноте.

Сердце у меня подскочило, и я бросился вперед к тонкой вертикальной линии света, ударил двери вытянутыми руками и вылетел в помещение магазина.

Несколько человек стояли у дверей, среди них Олли Виск. Они испуганно отскочили назад, и Олли схватился за сердце.

– Дэвид! – произнес он испуганно. – Боже... Ты что, хочешь лишить меня десяти лет... – Тут он увидел мое лицо. – Что с тобой?

– Ты слышал? – спросил я, и мой голос даже мне показался странным – высоким и визгливым. – Вы ничего не слышали?

Они, конечно, ничего не слышали. Сюда они пришли посмотреть, почему не работает генератор. Пока Олли все это мне объяснял, появился носильщик с охапкой батареечных фонариков и с любопытством поглядел сначала на Олли, потом на меня.

– Я отключил генератор, – сказал я и объяснил почему.

– А что ты слышал? – спросил один из мужчин, работавший в городском управлении дорог. Звали его Джим... Фамилию я тогда не вспомнил.

– Не знаю. Какой-то скребущий звук. Скользящий. Не хотел бы я снова его услышать.

– Нервы, – прокомментировал еще один мужчина из тех, что подошли вместе с Олли.

– Нет. Нервы тут ни при чем.

– А ты слышал этот звук до того, как погас свет?

– Нет. После. Но... – Добавить мне было нечего. Я видел, как они смотрят на меня. Им не хотелось ни плохих новостей, ни чего-то пугающего, ни даже необычного. Всего этого уже случилось достаточно. Только Олли смотрел так, словно поверил мне.

– Надо пойти снова его включить, – сказал носильщик, раздавая фонарики.

Олли взял фонарик и посмотрел на него с сомнением. Носильщик предложил один и мне, окинув меня чуть презрительным взглядом. На вид ему было лет восемнадцать. После секунды раздумий я взял фонарик: мне все равно нужно было найти что-нибудь, чем можно укрыть Билли.

Олли распахнул двери и застопорил их, чтобы хоть немного света попадало в помещение склада, и я увидел разбросанные по полу коробки с отбеливателем около приоткрытой двери в генераторный отсек.

Джим принялся и сказал:

– Пожалуй, действительно запах слишком сильный. Видимо, ты сделал то, что надо.

Лучи фонариков запрыгали и заплясали по коробкам с консервами, туалетной бумагой и банками кормежки для собак. В лучах клубился дым, который заблокированная выхлопная труба вернула в помещение склада. Носильщик повел фонариком вправо, в сторону широкой загрузочной двери.

Олли и еще двое зашли в генераторный отсек. Пятна света от их фонариков причудливо метались туда-сюда, напоминая мне что-то из приключенческих рассказов для мальчишек. Еще когда я учился в колледже, мне доводилось иллюстрировать множество подобных историй. Пираты, в полночь закапывающие кровавое золото, или сумасшедший профессор и его ассистент, крадущие тело для экспериментов... По стенам прыгали изогнутые чудовищные тени от бегающих и пересекающихся лучей. Остывая, генератор изредка неравномерно пощелкивал.

Носильщик пошел к загрузочной двери, направив перед собой луч фонарика.

– Я не стал бы туда выходить, – сказал я.

– Я знаю, что ты бы не стал.

– Попробуй теперь, Олли, – сказал один из мужчин.

Генератор чихнул и заревел.

– Черт! Выключай! Фу, зараза, какая вонь!

Генератор снова заглох.

Носильщик вернулся от двери, как раз когда остальные выбрались из генераторного отсека.

– Там в самом деле что-то заткнуло выхлоп, – сказал один из мужчин.

– Вот что, – предложил носильщик. Глаза его блестели в лучах фонариков, а на лице появилось бесшабашное выражение, которое я столько раз использовал для фронтисписов тех самых приключенческих историй. – Вы его включите ровно настолько, чтобы можно было открыть вон ту загрузочную дверь. Я выскочу на улицу и уберу, что там мешается.

– Норм, я не уверен, что это хорошая идея, – с сомнением произнес Олли.

– А что, эта дверь открывается электромотором? – спросил Джим.

– Точно, – ответил Олли. – Но я думаю, это неразумно...

– Все нормально, – сказал второй мужчина, сдвигая на затылок свою бейсбольную шапочку. – Я справлюсь.

– Вы не понимаете... – снова сказал Олли. – Я в самом деле не думаю, что кому-то...

– Не волнуйся, – презрительно перебил его второй мужчина.

Тут возмутился носильщик Норм:

– Послушайте, это была моя идея.

И они вдруг принялись спорить, кто пойдет наружу, вместо того чтобы решить, стоит ли это делать вообще. Ведь никто из них не слышал этого отвратительного скользящего звука.

– Прекратите! – сказал я громко.

Все обернулись ко мне.

– Вы, похоже, еще не поняли, что это не обычный туман. И упорно не хотите понять. С тех пор как он появился, никто не заходил в магазин. Если вы откроете эту дверь и что-нибудь заползет...

– Что заползет? – спросил Норм с типичным для восемнадцатилетнего бравым презрением.

– То, что издавало эти звуки, которые я слышал.

– Мистер Дрэйтон, – сказал Джим. – Простите, но я совсем не убежден, что вы что-то слышали. Я знаю, что вы известный художник со связями в Нью-Йорке, Голливуде и все такое, но это, на мой взгляд, не делает вас отличным от всех остальных людей. Я так понимаю, вы оказались тут в темноте и, видимо, э-э-э... малость струхнули.

– Может быть, – сказал я. – А может быть, если вам так хочется наружу, вам следовало прежде всего проводить ту леди до дома, где у нее остались дети.

Непонимание ситуации этими людьми одновременно злило меня и пугало еще больше. Глаза у них горели, как бывает у некоторых мужчин, когда они стреляют крыс на городской свалке.

– Эй, – сказал приятель Джима. – Когда нам понадобится ваш совет, мы сами спросим.

Олли нерешительно предложил:

– Генератор на самом деле не так уж и нужен. Продукты в холодильных шкафах могут пролежать двенадцать часов или даже больше, если нужно, без всякого...

– О'кей, парень, вперед, – сказал Джим, не обращая на Олли никакого внимания. – Я включу генератор, а ты быстро поднимай дверь, пока здесь снова не завоняло дымом. Мы с Майроном будем у выхлопной трубы, так что крикни, когда освободишь ее.

– О'кей, – ответил Норм возбужденно и двинулся к двери.

– Это какое-то сумасшествие, – сказал я. – Вы позволили женщине идти одной...

– Я что-то не заметил, чтобы ты сам сильно рвался ее провожать.

– ...а теперь собираетесь позволить этому мальчишке рисковать жизнью из-за генератора, который даже не нужен.

– Заткнешься ты или нет? – крикнул Норм.

– Послушайте, мистер Дрэйтон, – проговорил Джим, и на губах его заиграла холодная улыбка. – Вот что я вам посоветую: если вы захотите сказать что-нибудь еще, лучше пересчитайте сначала свои зубы, а то мне надоело слушать этот понос.

Олли испуганно посмотрел на меня. Я пожал плечами. Они все просто сошли с ума. На какое-то время их оставило ощущение реальности. Они были напуганы и сбиты с толку, а тут перед ними стояла чисто механическая проблема: генератор. Эту проблему они в состоянии решить, что поможет им стать менее беспомощными и растерянными. Следовательно, они будут ее решать.

Джим и его дружок Майрон сочли, что я сдался, и направились в генераторный отсек.

– Ты готов, Норм? – спросил Джим.

Норм кивнул, потом понял, что его кивок никто не увидел, и ответил:

– Да.

– Норм, – сказал я. – Не валяй дурака.

– Это ошибка, – добавил Олли.

Норм посмотрел на нас, и лицо его вдруг перестало выглядеть на восемнадцать лет. Оно стало лицом маленького ребенка. Его кадык судорожно дернулся, и я понял, что он до смерти напуган. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать, видимо, отказаться, но в этот момент снова взревел генератор, и, когда он загудел ровно, Норм нажал кнопку справа от двери. Дверь медленно, со скрежетом поползла вверх по двум стальным направляющим. Когда заработал генератор, включилось аварийное освещение, но теперь лампы снова засветились вполсилы, из-за того что мотор, поднимающий дверь, съедал какую-то часть мощности.

Тени отползли назад и растаяли. Склад начал наполняться мягким белым светом, словно в пасмурный зимний день, и я снова почувствовал этот странный едкий запах.

Дверь поднялась на два фута, потом на четыре, и в открывшемся проеме я увидел прямоугольную бетонную площадку, очерченную желтыми полосами, которые уже в трех футах от стены исчезали в невероятно плотном тумане.

– Оппа! – крикнул Норм.

Языки тумана, белые и прозрачные, словно взвешенное в воздухе кружево, поползли внутрь вместе с холодным воздухом. Все утро было прохладным, особенно по сравнению с тремя последними неделями удушающей жары, но это летняя прохлада. Теперь же стало по-настоящему холодно. Как в марте. Я вздрогнул и вспомнил про Стефф.

Генератор заглох, и как раз в тот момент, когда Норм, пригнувшись, нырнул в проем под дверь, Джим вышел из-за загородки. Он увидел. И я. И Олли.

Над дальним краем бетонной разгрузочной площадки прозмеилось щупальце и схватило Норма за ногу. У меня отвисла челюсть. Олли от неожиданности издал какой-то странный горловой звук. Щупальце было толщиной около фута в том месте, где оно обернулось вокруг ноги Норма под коленом, и, может быть, четыре-пять футов там, где его уже скрывал туман. Серое сверху и почти телесно-розового цвета на внутренней стороне, где рядами располагались присоски – они двигались и шевелились, словно сотни маленьких сморщенных ртов. Норм посмотрел вниз и увидел, что его держит. Глаза его расширились от ужаса.

– Уберите это от меня! Эй, снимите это! Боже, уберите эту чертову штуку!

– О Господи! – простонал Джим.

Норм ухватился за нижнюю кромку двери и подтянул себя назад. Щупальце чуть вздулось, как мускулы на руке, когда ее сгибают, и отдернуло Норма обратно, ударив головой о гофрированную поверхность стальной двери. Потом оно напряглось еще раз и вытянуло Норма до половины на улицу. Рубашка его зацепилась за нижний край двери, и ее вытащило из брюк. Норм снова рванулся и подтянул себя назад, словно спортсмен на перекладине.

– Помогите же мне! – всхлипывая, просил он. – Эй, вы, помогите мне! Пожалуйста!

– Иисус, Мария, Иосиф... – пробормотал Майрон, увидев, что творится, когда он вышел из генераторного отсека.

Я стоял ближе всех. Схватив Норма за пояс, я дернул изо всех сил, откачнувшись назад на каблуках. Секунду мы действительно двигались назад, но только секунду. Это было все равно что тянуть круглую резинку или конфету-тянучку. Щупальце подалось, но не отпустило. Из тумана выплыли еще три щупальца и потянулись к нам. Одно ухватило болтающийся красный фирменный фартук Норма и рывком содрало его. Когда щупальце скрылось в тумане, крепко сжимая эту красную тряпку, я вдруг вспомнил, что говорила моя мать, когда мы с братом начинали выпрашивать у нее что-нибудь, что она не хотела нам покупать – конфеты, комикс или игрушку. Она говорила: «Нужна она тебе как курице флаг». Я вспомнил об этом, когда увидел, как щупальце машет в тумане красным фартуком Норма, и рассмеялся. Только мой смех и крики Норма звучали почти одинаково. Может быть, никто, кроме меня, и не понял, что я смеялся.

Другие два щупальца слепо скользили взад-вперед по разгрузочной площадке, издавая тот самый скребущий звук, что я слышал раньше. Затем одно из них наткнулось на левое бедро Норма и скользнуло вокруг, задев меня за руку. Оно было теплое, пульсирующее и гладкое. Наверное, если бы оно вцепилось в меня своими присосками, я бы тоже оказался на улице. Но щупальце меня не тронуло, схватив только Норма. Третье обвило кольцами его другую лодыжку, и теперь все три тянули Норма наружу.

– Помогите мне! – закричал я. – Олли! Кто-нибудь! Помогите!

Никто не подошел. Не знаю, что они там делали, но на помощь мне никто не пришел.

Я взглянул вниз и увидел, как щупальце, обвившееся вокруг пояса Норма, въедается в кожу. Присоски в полном смысле слова поедали Норма в том месте, где рубашка выбилась у него из-под брюк. Красная, как сорванный фартук, кровь начала сочиться из проеденной пульсирующим щупальцем полосы кожи.

Я ударился головой о нижний край наполовину поднятой двери, и ноги Норма снова оказались на улице. Одна кроссовка Норма соскочила с ноги; из тумана тут же появилось новое щупальце, крепко схватило его концом и снова скрылось в тумане. Побелевшие пальцы Норма

цеплялись за нижний край двери мертвой хваткой. Он больше не кричал, только голова болталась из стороны в сторону да дико метались длинные черные волосы.

Из тумана появились новые ползущие щупальца, сначала дюжина, потом целый лес. Большинство из них – маленькие, но несколько было просто гигантских, толщиной, может быть, с облепленное мхом дерево, что еще утром лежало поперек дороги у нашего участка, с кармельно-розовыми присосками величиной с крышку люка. Одно такое огромное щупальце с грохотом ударилось о бетон платформы и поползло в нашу сторону, словно слепой червь. Я снова дернул изо всех сил, и щупальце, державшее правую ногу Норма, чуть соскользнуло, но не больше. И перед тем как оно снова плотно обхватило его, я увидел, что оно тоже въедается в кожу.

Одно из щупалец коснулось моей щеки и зависло, дрожа, в воздухе, словно раздумывая. Я вспомнил о Билли, уснувшем у длинного белого мясного рефрижератора мистера Маквея, и о том, зачем сюда пришел. Если одна из этих штук вцепится в меня, некому будет заботиться о нем, кроме, может быть, Нортон...

Я отпустил Норма и упал на четвереньки. Щупальце скользнуло слева от меня, как бы перешагивая на присосках, потом тронуло руку Норма, замерло на секунду и обвило его кольцами.

Норм выглядел теперь как фрагмент из кошмарного сна со змеями. Щупальца опутали его почти целиком и вились уже вокруг меня. Я неуклюже отпрыгнул в сторону, упал на плечо и откатился. Джим, Олли и Майрон все еще стояли неподалеку, словно застывшие восковые фигуры из Музея мадам Тюссо, с бледными лицами и блестящими глазами. Джим и Майрон замерли по обеим сторонам двери в генераторный отсек.

– Включайте генератор! – закричал я.

Никто не двинулся с места. Они не отрываясь, словно загипнотизированные, продолжали смотреть в проем загрузочной двери.

Я пошарил по полу, схватил первое, что попало под руку (коробка отбеливателя «Снежный»), и швырнул в Джима. Попал ему в живот, прямо над пряжкой ремня, и он, охнув, схватился за ушибленное место. Какое-то подобие нормальности вернулось в его взгляд.

– Включай этот чертов генератор! – заорал я так громко, что заболело в горле.

Он не двинулся с места и принялся оправдываться, решив, видимо, что теперь, когда какая-то сумасшедшая тварь вылезла из тумана и почти съела Норма живьем, наступило время выяснять, кто в этом повинен.

– Я не виноват, – визгливо заговорил он. – Я не знал... Откуда я, черт побери, мог знать? Ты сказал, что слышал что-то, но я не понял, что ты имеешь в виду... Надо было лучше объяснить. Я думал... Не знаю... Может, птица какая...

Олли, опомнившись, оттолкнул его плечом в сторону и бросился в генераторный отсек. Джим споткнулся о коробку с отбеливателем и упал, как я тогда в темноте.

– Я не виноват, – повторил он.

Его рыжая челка сбилась на лоб. Щеки стали белыми, словно сыр, а в глазах застыл ужас маленького ребенка. Секунду спустя генератор кашлянул и заревел.

Я повернулся к загрузочной двери. Норма почти не было видно, но он все еще упорно цеплялся одной рукой. Щупальца буквально кишели вокруг него, а на бетон падали капли крови величиной с десятицентовую монету. Голова его все еще болталась из стороны в сторону, а глаза, глядящие в туман, лезли из орбит от ужаса. Новые щупальца подползли ко входу и забрались внутрь помещения. Около кнопки, включающей дверной механизм, их оказалось так много, что туда страшно было подойти. Одно из них обвило поллитровую бутылку пепси и унесло с собой. Другое скользнуло вокруг картонной коробки и сдавило ее. Картон лопнул, и из коробки фонтаном взметнулись рулоны туалетной бумаги, упакованные в целлофан, попадали на пол, раскатились. Щупальца расхватили их мгновенно.

Одно из самых больших заползло дальше других, чуть приподнялось кончиком от пола, словно приплюхиваясь, и двинулось в сторону Майрона. Тот, бешено вращая глазами, отпрыгнул, и из безвольных губ вырвался истошный визг.

Я поискал глазами что-нибудь длинное, чем можно дотянуться до кнопки на стене над ищущими щупальцами, потом заметил прислоненную к штабелю ящиков с пивом швабру.

Норм не выдержал и, разжав пальцы свободной руки, упал на бетонную платформу, лихорадочно пытаясь уцепиться за что-нибудь еще. Взгляды наши на секунду встретились: глаза его горели, но я видел, что он понимает, какой конец его ждет. И спустя мгновение клубок щупалец, подпрыгивая и перекатываясь, потянул Норма в туман. Он издал последний полузадушенный крик и исчез.

Я нажал кнопку рукояткой швабры, мотор взвыл, и дверь заскользила вниз. Коснулась сначала самого толстого щупальца, того, что ползло в направлении Майрона, сдавила его кожу, или что у них там; потом прорезала. Из пореза брызнула черная жижа. Щупальце бешено забилося, заметалось по складу, словно огромный неприличной толщины кнут. Потом вдруг сплюсилось, скользнуло под дверь и исчезло. Остальные тоже начали отползать.

Одно из них тянуло за собой пятифунтовую упаковку собачьих консервов и никак не хотело ее оставлять. Опускающаяся дверь разрубила его надвое и с тяжелым стуком встала на место. Отрубленный кусок щупальца конвульсивно сжался, раздавив пачку, и по складу во все стороны разлетелись коричневые куски собачьего концентрата. Щупальце забилося на полу, словно рыба, выброшенная на берег. Оно сжималось и раскручивалось, но с каждым разом все медленнее, до тех пор пока не замерло совсем. Я ткнул его рукояткой швабры, и трехфунтовый кусок щупальца хищно сжался вокруг нее, потом обмяк и упал среди рулонов туалетной бумаги, собачьей кормежки и пакетов с отбеливателем.

Все стихло, только генератор продолжал гудеть, и плакал за фанерной перегородкой Олли. Через открытую дверь я видел, что он сидит на стуле, закрыв лицо руками.

Затем я осознал, что слышу еще какой-то звук. Мягкое скользящее шуршание, которое слышал раньше, только теперь оно стало в десять раз сильнее. Кишащие щупальца за загрузочной дверью пытались проникнуть внутрь.

Майрон сделал несколько шагов в мою сторону.

– Послушай... – начал он. – Ты должен понять...

Я ударил его кулаком в лицо, и от неожиданности он даже не попытался защититься. Удар пришелся под нос, верхнюю губу расплющило о зубы, и из разбитой губы потекла кровь.

– Ты убил его! – закричал я. – Ты хорошо видел, что произошло? Ты видел, что ты сделал?

И я принялся бить его, нанося удары и левой, и правой, но не так, как учили меня когда-то в секции бокса в колледже, а просто наотмашь. Он отступал, отбивая часть ударов и принимая другие в оцепенении, вызванном, может быть, отрешенностью и чувством вины. От этого я злился еще больше. Я расквасил ему нос и посадил синяк под глазом, который, почернев, должен смотреться просто великолепно. Я ударил его в челюсть, после чего его глаза затуманились и потеряли осмысленное выражение.

– Послушай... – продолжал твердить он. – Послушай, ну послушай же...

Я ударил его в живот, и он, резко выдохнув, замолчал. Не знаю, как долго я лупил бы его, но тут кто-то схватил меня за руки. Я вырвался и обернулся, надеясь, что это Джим. Ему мне тоже хотелось врезать.

Но это оказался не Джим, а Олли. С круглым смертельно-бледным лицом и темными кругами под глазами, еще влажными от слез.

– Не надо, Дэвид, – сказал он. – Не бей его больше. Это ничего не изменит.

Джим с ошарашенным пустым лицом стоял неподалеку. Я пнул ногой коробку с чем-то в его сторону. Она ударилась о его ботинок и отскочила.

- Ты и твой приятель – безмозглое дерьмо, – сказал я.
- Хватит, Дэвид, – сказал Олли устало. – Успокойся.
- Вы, два дурака, убили этого парня.

Джим смотрел себе под ноги. Майрон сидел на полу, держась за свой «пивной» живот. Я тяжело дышал, кровь стучала в висках, и меня била дрожь. Я сел на пару картонных коробок, уронив голову между колен, и обхватил руками лодыжки. Какое-то время я сидел не двигаясь, чувствуя, что я или потеряю сознание, или меня стошнит, или еще что-нибудь.

Потом это ощущение стало проходить, и я поглядел на Олли. Его кольцо блестело в тусклом свете аварийных ламп сдержанным огнем.

- Ладно, – тупо сказал я. – Все.
 - Хорошо, – сказал Олли. – Надо подумать, что делать дальше.
- В помещении снова запахло дизельным выхлопом.

- Выключить генератор для начала.

– Да, и давайте сматываться отсюда, – добавил Майрон, глядя на меня виновато. – Мне жаль, что так получилось с этим парнем. Но ты должен понять...

– Ничего не хочу понимать. Вы с приятелем идите обратно в магазин, но ждите нас прямо тут, у пивного охладителя. И никому ничего не говорить. Пока.

Они пошли, не споря, и, прижавшись друг к другу, протиснулись в дверь. Олли заглушил генератор, и за секунду до того, как свет погас, я увидел брошенную на ящик с пустыми бутылками стеганую тряпку вроде тех, что грузчики обычно подкладывают под хрупкие предметы, и прихватил ее с собой.

Шаркая ногами и на что-то натываясь, Олли выбрался из генераторного отсека. Как большинство людей с лишним весом, он дышал тяжело и чуть с присвистом.

- Дэвид? – Его голос немного дрожал. – Ты еще здесь?
- Здесь, Олли. Осторожнее, тут кругом эти коробки с отбеливателем.

Я наводил его голосом, и через полминуты или около того он протянул в темноте руку и схватил меня за плечо, судорожно, с облегчением вздохнув.

- Черт. Давай выбираться отсюда. Здесь темно и... паршиво.

– Да уж, – сказал я. – Но подожди минуту. Я хотел поговорить с тобой, только без этих двух идиотов.

- Дэйв, они ведь не заставляли его. Ты должен это помнить.

– Норм – мальчишка, а эти двое – взрослые люди. Но ладно, хватит об этом. Нам придется рассказать им, Олли. Людям в магазине.

- Если будет паника... – с сомнением проговорил Олли.

– Может, будет, может, нет. Но по крайней мере они дважды подумают, прежде чем выходить на улицу, чего как раз и хотят большинство из них. Почти у всех дома кто-то остался. У меня тоже. Надо заставить их понять, чем они рискуют, выходя наружу.

– Ладно, – сказал он, крепко сжимая мою руку. – Только я не перестаю себя спрашивать... Все эти щупальца – как у осьминога или... Дэвид, чьи они? Чьи могут быть такие щупальца?

– Не знаю. Но я не хочу, чтобы те двое разболтали все сами. Тогда точно начнется паника. Пошли.

Я осмотрелся и через несколько секунд нашел тонкую вертикальную линию света между двумя половинками двери. Мы двинулись вперед, скользя ногами по полу, чтобы не споткнуться о разбросанные коробки. Олли продолжал держаться за мою руку. Только в этот момент я сообразил, что мы потеряли все наши фонарики. Уже у самой двери Олли сказал растерянно:

– То, что мы видели... Это невозможно, Дэвид. Ты ведь согласен? Даже если бы, скажем, грузовик из Бостонского океанариума вывалил позади магазина какое-нибудь чудовище вроде тех, что описаны в «Двадцать тысяч лье под водой», оно бы умерло. Просто умерло.

- Да, – сказал я. – Согласен.
- Так что же случилось, а? Что произошло? И что это за чертовщина?
- Олли, я не знаю, – ответил я, и мы вернулись в магазин.

Глава 5. Спор с Нортоном. Дискуссия у охладителя пива. Подтверждение

Джим и его приятель Майрон стояли сразу за дверями, и каждый держал в руках по банке «Будвайзера». Я посмотрел на Билли, увидел, что он еще спит, и укрыл его стеганой подстилкой. Он зашевелился во сне, но потом снова затих. Я взглянул на часы: было 12.15. Невероятно. Мне казалось, с тех пор как я пошел на склад искать что-нибудь для Билли, прошло по крайней мере часов пять. Но на самом деле все заняло не больше тридцати пяти минут.

Я вернулся к Олли, Джиму и Майрону. Олли тоже взял себе пива и предложил банку мне. Я одним глотком отпил половину, как утром, когда пилил деревья. Стало чуть легче.

Джим оказался Джимом Грондином, а фамилия Майрона была Ляфлер. Цветок. Выглядел мистер Цветок теперь немного комично, но что поделаешь: на губах, подбородке и щеках Майрона-цветка засыхала кровь. Подбитый глаз уже распухал. Девушка в красной кофточке, проходя мимо, бросила на него настороженный взгляд. Я хотел было сказать ей, что он опасен лишь для подростков, которые пытаются доказать, что уже повзрослели, но смолчал. В конце концов Олли был прав: они действительно хотели сделать как лучше, хотя делали это слепо и скорее от страха, чем для общего блага. А теперь эти двое будут нужны мне для того, что я считаю правильным. Впрочем, я думал, они не станут спорить: их обоих здорово встряхнуло происшедшее, и оба они, особенно Майрон-цветок, какое-то время будут еще не в себе. Что-то, что блестело в их глазах, когда они отправляли Норма прочистить выхлопную трубу, теперь погасло.

– Нам нужно будет сказать что-то людям, – начал я.

Джим открыл было рот, собираясь возразить.

– Мы с Олли не станем болтать о том, как вы посылали Норма наружу, если вы подтвердите сказанное нами о том... О том, что его утатило.

– Конечно, – подобострастно произнес Джим. – Если мы им не скажем, кто-нибудь еще пойдет на улицу. Как та женщина... которая... – Он вытер ладонью губы и торопливо приложился к банке. – Боже, что происходит?..

– Дэвид, – сказал Олли. – А что... – Он замолчал, потом заставил себя продолжить: – А что, если они заберутся внутрь? Щупальца.

– Каким образом? – спросил Джим. – Вы же закрыли дверь.

– Да, – сказал Олли. – Но весь фасад магазина – сплошная стеклянная витрина.

У меня возникло такое ощущение, словно я упал в лифте с двадцатого этажа. Конечно, я все время это знал, но до сих пор почему-то с успехом игнорировал. Я обернулся в ту сторону, где спал Билли, вспомнив, как обвивали щупальца Норма, и представил, что то же самое случится с Билли.

– Витринное стекло, – прошептал Майрон. – Боже милостивый!..

Я оставил их у охладителя пива, где они начали уже по второй банке, и пошел искать Брента Нортон. Нашел его с Бадом Брауном у кассы номер два. Оба они – Нортон с его шикарной седеющей прической и привлекательностью уже немолодого, но еще активного мужчины и Браун с его строгой физиономией – словно сошли с карикатуры из «Нью-Йоркера».

Человек двадцать пять бесцельно бродили между линией касс и витриной. Некоторые выстроились вдоль стекла, вглядываясь в туман, и это снова напомнило мне людей, разглядывающих новостройку через щели в заборе.

Миссис Кармоди сидела на конвейерной ленте у одной из касс и курила. Ее взгляд скользнул по мне, потом ушел в сторону. Выглядела она так, будто видела сны наяву.

– Брент, – позвал я.

– Дэвид? Куда ты запропастился?

– Вот об этом-то я и хочу с тобой поговорить.

– Там у охладителя люди пьют пиво, – мрачно произнес Браун тоном человека, сообщающего, что на церковной вечеринке показывали порнографический фильм. – Я их вижу в специальное зеркало. С этим нужно покончить.

– Брент?

– Извините меня, мистер Браун, я на минутку.

– Конечно. – Он сложил руки на груди и мрачно уставился в выпуклое зеркало. – Нет, это определенно нужно прекратить.

Мы с Нортоном двинулись мимо стеллажей с посудой и кухонными принадлежностями к охладителю в дальнем конце магазина. Я оглянулся через плечо, с нелегким чувством отметив, как сильно выгнулись и потрескались деревянные рамы, удерживающие высокие прямоугольные секции витринных стекол. Одно из них, вспомнил я, уже разбилось. Неровный клин стекла вывалился из верхнего угла рамы после того странного подземного толчка. Может быть, нам удастся заткнуть дыру какими-нибудь тряпками, скажем, охапкой тех женских кофточек по 3 доллара 95 центов, что я видел у винного стеллажа...

Эти мысли оборвались внезапно, и мне пришлось заткнуть рот тыльной стороной ладони, как будто я хотел заглушить звук отрывки.

На самом деле я пытался задушить отвратительный поток испуганного хихиканья, вызванного мыслью о том, как я собираюсь запихать в дыру охапку кофточек, чтобы защититься от щупалец, утачивших Норму. Я сам видел, как одно из них – причем маленькое – давило пачку собачьих консервов, пока та просто не лопнула.

– Дэвид? Что с тобой?

– А?

– Твое лицо... Ты выглядишь так, словно придумал что-то или очень хорошее, или совсем ужасное.

Тут меня как будто ударило.

– Брент, а что с тем человеком, который выбежал из тумана и кричал, будто что-то схватило Джона Ли Фровина?

– С разбитым носом?

– Да, он самый.

– Он потерял сознание, и мистер Браун приводил его в чувство какой-то ароматной солью из аптечки первой помощи. А что?

– Он сказал что-нибудь, когда очнулся?

– Продолжал говорить что-то про эту свою галлюцинацию. Мистер Браун отвел его в свой кабинет, а то женщины начали пугаться. Он пошел в общем-то даже охотно. Говорил что-то про стекла. Когда мистер Браун сказал, что в кабинете менеджера только маленькое окно, да и то забрано решеткой, он пошел охотно. Надо полагать, он все еще там.

– То, о чем он говорил, не галлюцинация.

– Конечно, нет.

– А тот толчок, что мы почувствовали?

– Тоже, но, Дэвид...

Он напуган, напоминал я себе. Не перестарайся. На сегодня уже достаточно. С ним нужно полегче, потому что именно так он вел себя во время того дурацкого спора из-за земли. Сначала покровительственно, потом саркастически и наконец, когда стало ясно, что он проигрывает, просто мерзко. Не перестарайся, потому что он тебе нужен. Он, может быть, не способен завести свою собственную бензопилу, но он выглядит как образ отца для всего западного мира, и, если он скажет людям не паниковать, они не будут. Поэтому не перестарайся.

– Ты видишь вон те двойные двери за охладителем пива?

Он посмотрел и нахмурился.

– Один из тех, что пьют пиво... Это не помощник ли менеджера? Викс, кажется? Если Браун его увидит, могу пообещать тебе, что скоро этому человеку придется искать новую работу.

– Brent, ты меня слушаешь?

Он рассеянно взглянул на меня.

– Извини, Дэйв. Что ты говорил?

«Видимо, сейчас ему придется несладко».

– Ты видишь эти двери?

– Вижу, конечно. И что?

– Они ведут в складское помещение, расположенное вдоль всей западной стены здания. Когда Билли уснул, я пошел туда поискать, чем можно его укрыть...

Я рассказал ему все, скрыв только спор о том, стоит ли Норму выходить или нет. Я рассказал ему о том, что заползло в загрузочную дверь и чем все кончилось. Brent Нортон отказывался верить. Нет, он отказывался даже предположить, что такое может произойти. Я подвел его к Джиму, Олли и Майрону. Все трое подтвердили мои слова, хотя Джим и Майрон-цветок были уже здорово пьяны.

Нортон опять отказывался поверить. Просто уперся.

– Нет, – сказал он. – Нет, нет и нет. Простите, джентльмены, но это совершенно возмутительно. Или вы пытаетесь меня разыграть, – он одарил нас сияющей улыбкой, показывая, что не хуже других понимает шутки, – или вы все страдаете от какой-то формы группового гипноза.

Я начал терять самообладание, но все же сдержался. Обычно я считал себя человеком спокойным, но обстоятельства были не совсем обычные. Мне нужно было думать о Билли и о том, что могло случиться или уже случилось со Стефани. Эти мысли грызли меня постоянно.

– Ладно, – сказал я. – Пошли туда. Там на полу остался кусок щупальца. Его отрезало дверью, когда мы ее закрывали. И там ты сможешь услышать их. Они шуршат у двери, словно ветер в зарослях плюща.

– Нет, – сказал он спокойно.

– Что? – Я действительно подумал, что ослышался. – Что ты сказал?

– Я сказал «нет». Я не пойду туда. Шутка зашла слишком далеко.

– Brent, клянусь тебе, это не шутка.

– Разумеется, вы решили пошутить, – сурово произнес он, потом посмотрел на Джима и Майрона, остановил взгляд на Олли Виксе, который выдержал его спокойно и бесстрастно, и наконец взглянул на меня. – Это то, что вы, местные, называете «животы надорвать можно»? Да, Дэвид?

– Brent... Послушай...

– Нет, это ты послушай! – Голос его загремел, разносясь по магазину, словно в зале суда, и несколько человек, изнервничавшихся и бесцельно шатавшихся по проходам, обернулись в нашу сторону посмотреть, что происходит. – Это шутка. Банановая кожура. И вы выбрали меня, чтобы я на ней поскользнулся. Никто из вас особенно не любит людей со стороны, так ведь? Вы все тут друг за друга. Так же как случилось в тот раз, когда я потащил тебя в суд, чтобы получить, что причитается мне по праву. Ты тогда выиграл, ладно. Ну как же? Ведь твой отец знаменитый художник, и это твой город, а я здесь лишь плачу налоги и трачу деньги!

Он уже не играл, отчитывая нас хорошо поставленным адвокатским голосом. Он почти кричал, готовый вот-вот совсем потерять контроль над собой. Олли Викс развернулся и пошел прочь со своим пивом. Майрон и Джим смотрели на Нортон с откровенным удивлением.

– И я должен идти туда и смотреть на какую-то резиновую игрушку за девяносто восемь центов, а эти два болвана будут стоять рядом и ржать?

– Эй, ты, полегче. Кого ты называешь болваном? – сказал Майрон.

– Я, если хочешь знать, просто счастлив, что дерево упало на твой лодочный сарай. Просто счастлив! – Нортон улыбался мне с издевкой в глазах. – Его всмятку раздавило? Замечательно! А теперь прочь с моей дороги!

И он попытался отпихнуть меня, чтобы пройти. Я схватил его за руку и толкнул спиной об охладитель. Две упаковки по шесть банок сорвались с полки и упали на пол.

– Прочиsti уши и слушай, Брент. От этого зависят жизни. И жизнь моего ребенка для меня не последнее дело. Так что ты лучше слушай, а не то, клянусь, я из тебя повыколочу дерьмо.

– Ну давай, – сказал Нортон, все еще улыбаясь с какой-то безумной бравадой во взгляде. Глаза его, огромные и налившиеся кровью, лезли из орбит. – Покажи всем, что ты сильный и смелый и можешь избить человека с больным сердцем, который тебе в отцы годится.

– Вмажь ему! – крикнул Джим. – Хрен с его больным сердцем. Я думаю, у дешевого нью-йоркского крючкотвора вообще нет сердца.

– Не лезь, – сказал я Джиму и наклонился к Нортону. Охладитель не работал, но от него еще тянуло холодом. – Прекрати кипятиться. Ты прекрасно знаешь, что я говорю правду.

– Я... ничего такого... не знаю, – проговорил он, тяжело дыша.

– Если бы это случилось в другое время и в другом месте, я бы отвязался от тебя. Но сейчас мне наплевать, насколько ты напуган, и я не держу на тебя зла за твои слова. Я тоже напуган, но ты мне нужен, черт побери! Дошло до тебя? Ты мне нужен!

– Отпусти меня!

Я схватил его за рубашку и встряхнул.

– Ты что, ничего не понял? Люди начнут выходить из магазина и наткнутся прямо на это чудовище! Понял ты наконец, черт побери?

– Отпусти меня!

– Нет. До тех пор пока ты не пойдешь со мной и не согласишься.

– Я сказал тебе, нет! Это все обман, шутка, и я не настолько глуп, чтобы...

– Тогда я потащу тебя силой.

Я схватил его за плечо и за шею. Шов рубашки на одном из рукавов не выдержал и с легким треском разошелся. Я потащил его к дверям склада. Нортон издал сдавленный крик. Поблизости собралось человек пятнадцать или восемнадцать, но никто не подошел и не собирався вмешиваться.

– Помогите! – закричал Нортон, выпучив глаза за стеклами очков. Его прическа снова рассыпалась, и волосы торчали двумя маленькими пучками за ушами. Люди шаркали ногами и наблюдали.

– Что ты кричишь? – заговорил я ему на ухо. – Это же всего лишь шутка. Именно поэтому я взял тебя с собой в город, когда ты попросил, и поэтому доверил тебе перевести Билли через автостоянку. Все потому, что у меня тут был заготовлен туман; я арендовал специальную машину в Голливуде за пятнадцать тысяч долларов и еще заплатил восемь тысяч за доставку – все для того, чтобы тебя разыграть. Прекрати вести себя как идиот и открой глаза.

– От-пу-сти! – провыл Нортон, когда мы были почти у дверей.

– Ну-ка, ну-ка! Что там такое? Что вы делаете? – Расталкивая толпу, появился Браун.

– Заставьте его отпустить меня, – хрипло сказал Нортон. – Он сошел с ума.

– Нет. Хотел бы я, чтобы так было, но это не так, – вступился за меня Олли, и я был готов молиться на него. Он прошел между стеллажами позади нас и остановился напротив Брауна.

Взгляд Брауна упал на банку пива, которую Олли держал в руке.

– Ты пьешь! – произнес он, и в его голосе послышалось удивление, не лишенное, впрочем, нотки удовлетворения. – Ты потеряешь за это работу!

– Брось, Бад, – сказал я, отпуская Нортонa. – Сейчас чрезвычайные обстоятельства.

– Правила пока никто не отменял, – самодовольно произнес Браун. – Я позабочусь, чтобы руководство компании узнало о случившемся. Это моя обязанность.

Нортон тем временем отбежал в сторону и остановился там, приглаживая волосы и заправляя рубашку. Взгляд его метался между Брауном и мной.

– Эй! – неожиданно крикнул Олли громким и басовитым голосом. Я никогда бы не подумал, что этот полный, но мягкий и скромный человек может говорить таким голосом. – Эй! Вы все! Идите сюда и слушайте! Это касается всех вас! – Он взглянул на меня спокойно и спросил, совершенно игнорируя Брауна: – Я правильно делаю?

– Да.

Люди начали собираться. Толпа зрителей, наблюдавших за моим спором с Нортон, сначала удвоилась, потом утроилась.

– Вам всем следует кое-что узнать... – начал Олли.

– Немедленно поставь пиво на место, – перебил его Браун.

– Немедленно заткнись, – сказал я и шагнул к нему.

Браун тут же сделал шаг назад.

– Я не знаю, что некоторые из вас думают, – сказал он, – но могу пообещать, что все происходящее здесь будет доложено руководству «Федерал фудс компани»! Все! И я хочу, чтобы вы поняли, что за этим, возможно, последуют судебные обвинения!

Губы Брауна приоткрыли в нервной гримасе пожелтевшие зубы, и мне стало его немного жалко. Он просто пытался справиться с ситуацией. Точно так же, как Нортон поставил сам себе мысленный барьер. Как Майрон и Джим, пытавшиеся превратить все в мужскую браваду: если мы починим генератор, туман сам разойдется... Браун поступал по-своему: он «защищал магазин».

– Давай записывай фамилии, – сказал я. – Только молчи.

– Я запишу много фамилий, – ответил Браун, – и твоя будет в списке первой, ты, богема.

– Мистер Дрэйтон должен сказать вам что-то важное, – объявил Олли, – и, я думаю, всем вам стоит прислушаться на тот случай, если вы собираетесь отправиться домой.

Я рассказал им обо всем, что произошло, примерно так же, как рассказывал Нортону. Сначала некоторые смеялись, но к концу рассказа всех охватило глубокое беспокойство.

– Это все ложь, как вы понимаете, – сказал Нортон, пытаясь голосом подчеркнуть значение своих слов, но немного перестарался. И этому человеку я рассказал первому, надеясь заручиться его умением убеждать. Как я, однако, ошибся!

– Конечно, все это ложь, – согласился Браун. – Бред. Откуда, по-вашему, взялись эти шупальца, мистер Дрэйтон?

– Я не знаю, и сейчас это не самый главный вопрос. Они есть. И...

– Я подозреваю, что они появились из этих вот пивных банок. Вот что я подозреваю.

Эта реплика вызвала смех, но его тут же заглушил сильный скрипучий голос миссис Кармоди.

– Смерть! – выкрикнула она, и смеявшиеся быстро замолчали.

Она вышла в центр неровного круга, образованного собравшимися. Ее канареечные брюки, казалось, сами излучали свет, огромная сумка болталась у расплывшегося бедра. Черные глаза смотрели высокомерно и сверкали остро и зло, как глаза сороки. Две симпатичные девчонки лет шестнадцати с надписями «Лесной лагерь» на спинах белых рубашек из искусственного шелка испуганно отскочили от нее в сторону.

– Вы слушаете и не слышите! Слышите и не верите! Кто из вас хочет выйти наружу и убедиться сам? – Она обвела взглядом собравшихся, затем посмотрела на меня. – И что вы предполагаете делать, мистер Дэвид Дрэйтон? Что, вы считаете, можно сделать? – Она улыбнулась, словно череп над канареечным гарнитуром, и продолжила: – Это конец, говорю я вам!

Конец всему! Перст Божий вывел строку приговора не огнем, а туманом. Земля разверзлась и исторгла чудовищ...

– Заткните ее кто-нибудь! – выкрикнула одна из девчонок, расплакавшись. – Она меня пугает.

– Ты напугана, дорогая? – спросила миссис Кармоди, накинувшись на нее. – Это еще не страх! А вот когда гнусные твари, которых дьявол выпустил на землю, доберутся до тебя...

– Достаточно, миссис Кармоди, – сказал Олли, взяв ее за руку. – Хватит.

– Ну-ка отпусти меня! Это конец, говорю я вам! Это смерть! Смерть!

– Это куча дерьма, – прокомментировал с отвращением мужчина в очках и шляпе рыбака.

– Нет, сэр, – сказал Майрон. – Я знаю, что все это звучит как фрагмент фантазии наркомана, но это чистая правда. Я сам видел.

– И я, – сказал Джим.

– Я тоже, – вставил Олли. Ему все же удалось уговорить миссис Кармоди, по крайней мере на время. Но она стояла рядом, сжимая в руках свою огромную сумку, и улыбалась своей безумной улыбкой. Никто не хотел стоять рядом с ней. Люди что-то бормотали: то, что мой рассказ подтвердили, никого не обрадовало. Несколько человек задумчиво посмотрели на витринные стекла, и это меня обнадежило.

– Все ложь, – сказал Нортон. – Вы просто покрываете друг друга, вот и все.

– В то, что ты рассказал, невозможно поверить, – заявил Браун.

– А нечего здесь стоять и молотить воду в ступе, – ответил я. – Пойдем на склад. Сам увидишь. И услышишь.

– Покупателям не положено...

– Бад, – сказал Олли, – иди с ним. Пора кончать это.

– Ладно, – сказал Браун. – Мистер Дрэйтон, давайте наконец покончим с этим вопросом. Оттолкнув двери, мы вошли в темноту.

Звук был неприятный, даже зловещий.

Браун тоже это почувствовал, несмотря на всю свою твердолюбую американскую манерность. Он тут же схватил меня за руку, дыхание его на мгновение пресеклось, потом он снова задышал, но уже как-то хрипло.

Низкий шепчущий звук доносился со стороны загрузочной двери, почти ласкающий звук. Я провел ногой по полу, задел один из фонариков, наклонился, подобрал его и включил. Лицо Брауна застыло, хотя он еще ничего не видел, только слышал. Но я видел и мог представить себе, как щупальца извиваются и ползают по гофрированной стальной поверхности двери, словно живые лианы.

– Ну что ты теперь думаешь? Невозможно поверить?

Браун обвел взглядом разбросанные коробки и пакеты.

– Это все они натворили?

– Да. По большей части они. Иди сюда.

Он с неохотой подошел. Я направил луч фонарика на сжавшийся свернутый кусок щупальца, лежавший рядом со шваброй. Браун наклонился.

– Не трогай, – сказал я. – Оно может быть еще живо.

Браун быстро выпрямился. Я подобрал швабру, взяв ее за щетину, и потыкал щупальце рукояткой. На третий или четвертый раз оно разогнулось лениво, показав две целые присоски и неровный сегмент третьей. Потом обрубок молниеносно сжался и замер. Браун издал какой-то придушенный звук, словно его тошнило.

– Достаточно?

– Да, – сказал он. – Пойдем отсюда.

Мы проследовали за прыгающим лучом к дверям и вышли в торговый зал. Все лица повернулись к нам, гул голосов стих. Лицо Нортон стало похожим на старый сыр. Глаза миссис Кармоди заблестели. Олли продолжал пить пиво, и по его лицу все еще сбегали капельки пота, хотя в магазине было уже не жарко. Две девчонки с надписями «Лесной лагерь» на рубашках прижались друг к другу, как молодые лошадки перед грозой. Глаза. Так много глаз. Я мог бы написать их, подумал я, холодея. Не лица, а одни глаза в полумраке. Я мог бы написать их, но никто не поверит, что это было в действительности.

Бад Браун сложил ладони с длинными пальцами перед собой.

– Внимание, – сказал он. – Мы, похоже, действительно столкнулись со значительной проблемой...

Глава 6. Дальнейшее обсуждение. Миссис Кармоди. Что случилось с «обществом верящих, что земля плоская»

Следующие несколько часов прошли, словно во сне. За подтверждением Брауна последовала долгая и полуистеричная дискуссия. Впрочем, может быть, она длилась не так долго, как мне показалось. Просто у людей возникла мрачная необходимость пережевать полученную информацию, взглянуть на нее со всех сторон и потрепать, как собака треплет кость, чтобы добраться до костного мозга. Люди начинают верить медленно. То же самое вы можете наблюдать на любом городском собрании в Новой Англии.

«Общество Верящих, Что Земля Плоская», возглавляемое Нортоном, состояло человек из десяти, которых мой рассказ не убедил. Нортон снова и снова повторял, что всего четыре свидетеля якобы видели, как носильщика унесли, по его выражению, «щупальца с планеты Икс» (в первый раз это вызвало смех, но быстро приелось; Нортон, однако, все больше и больше распаляясь, казалось, этого не замечал), и добавлял, что лично он ни одному из четверых не верит. Кроме того, указывал он, пятьдесят процентов свидетелей безнадежно пьяны, что было, безусловно, верно: Джим и Майрон Ляфлер, имея в своем распоряжении целый охладитель пива и винную секцию, упились безобразно. Впрочем, вспоминая, что случилось с Нормом и какую роль сыграли в этом они, я их не осуждал. Они протрезвеют слишком скоро.

Олли тоже продолжал пить, игнорируя протесты Брауна, и спустя какое-то время тот махнул на него рукой. Лишь изредка, видимо, в утешение себе, он разражался угрозами от лица компании. Похоже, он просто не понимал, что «Федерал фудс компани» с магазинами в Бриджтоне, Северном Уиндеме и Портланде, возможно, уже не существует. Может быть, всего Восточного побережья уже нет. Олли пил размеренно, но не пьянел, выгоняя с потом все, что он в себя вливал.

Наконец, когда дискуссия с «Обществом Верящих, Что Земля Плоская» стала слишком язвительной, Олли не выдержал:

– Если вы нам не верите, мистер Нортон, это ваше дело. Я вам подскажу, что вы можете сделать. Вы выйдете через главный вход и пройдете за магазин. Там гора пустых банок из-под пива и бутылок от содовой. Мы с Нормом и Бадди выставили их туда сегодня утром. Вы прихватите пару бутылок, и мы убедимся, что вы действительно там были. Если вы это сделаете, я обещаю, что первый сниму и съем свою рубашку.

Нортон начал краснеть.

Олли продолжал добивать его тем же самым ровным, мягким голосом:

– Своими разговорами вы только вредите, вот что я вам скажу. Здесь есть люди, которые хотят пойти домой, чтобы удостовериться, что их семьи в порядке. У меня у самого сестра с годовалым ребенком дома в Нейплсе, и я, конечно, хотел бы проверить, как она там. Но если люди поверят вам и начнут расходиться, с ними случится то же самое, что с Нормом.

Нортон он не убедил, зато убедил нескольких человек из тех, что колебались или собирались присоединиться к нему, убедил главным образом не тем, что он сказал, а скорее взглядом – испуганным и обеспокоенным. Сам Нортон, видимо, цеплялся за свои теории, потому что на этом держалось его здравомыслие или по крайней мере потому, что ему так казалось. Но он не принял предложения Олли. Никто не принял. Они еще не были готовы выйти наружу, пока не были. Он и его маленькое «общество» (потерявшее теперь несколько человек) отошли насколько могли дальше от нас, к прилавку с готовыми мясными продуктами. Один из них задел моего сына за ногу, и Билли проснулся.

Я наклонился к нему, и он обнял меня за шею, а когда я попытался положить его снова, он прижался еще крепче и сказал:

– Не надо, папа. Пожалуйста.

Я разыскал тележку и посадил его на сиденье для детей. Оказалось, что он для нее слишком велик. Это было бы даже забавно, если бы не его бледное лицо, темные волосы, сбившиеся на лоб, и грустные глаза. Наверное, года два уже прошло с тех пор, как его в последний раз возили на детском сиденье тележки для продуктов. Эти маленькие вехи проходят мимо, и мы не замечаем их, а когда перемены вдруг все-таки доходят до сознания, они всегда неожиданны.

Тем временем в отсутствие «Общества Верящих, Что Земля Плоская» дискуссия нашла себе новый громоотвод, и теперь в этой роли оказалась миссис Кармоди. По вполне понятным причинам она была одна.

При тусклом унылом освещении в своем ослепительном канареечном костюме, в яркой кофте, с раздувшейся сумкой и целой пригоршней позвякивающей бижутерии из меди, черепаховой кости и адамантина, она здорово походила на ведьму. Лицо ее прочертили глубокие вертикальные морщины. Седые мелко завитые волосы удерживались на месте тремя роговыми гребнями и были собраны сзади в пучок, а сжатые губы выглядели словно отрезок узловатого каната.

– Нет защиты против воли Божьей! И того, что произошло, следовало ожидать. Я видела знамения. Здесь есть те, кому я говорила это, но нет таких, кто был бы настолько слеп, что не увидел бы сам.

– Ну и что? Что вы предлагаете? – нетерпеливо перебил ее Майк Хатлен, член городского управления, хотя сейчас в своей яхтсменской шапочке и «бермудах» с отвисшим задом он на лицо официальное ничем не походил. Он пил пиво, что теперь делали уже почти все мужчины. Бад Браун прекратил протестовать, но действительно записывал фамилии, стараясь уследить за всеми сразу.

– Предлагаю? – эхом отозвалась миссис Кармоди, поворачиваясь к Хатлену. – Я предлагаю, чтобы ты, Майкл Хатлен, готовился встретить своего Господа. – Она обвела взглядом всех собравшихся. – Готовьтесь встретить своего Господа!

– Готовьтесь встретить кучу дерьма! – пьяным голосом пробормотал Майрон Ляфлер из-за охладителя. – Старуха, у тебя язык, наверное, подвешен посередине, чтобы ты могла трепать им с обоих концов.

Голоса поднялись в одобрительном ропоте. Билли нервно оглянулся, и я положил руку ему на плечо.

– Нет, я все-таки скажу свое слово! – прокричала миссис Кармоди. Верхняя губа ее вытянулась вверх, открывая кривые зубы, желтые от никотина, и мне вспомнились пыльные чучела животных из ее магазина, вечно лакающие воду из зеркала, изображающего ручей. – Сомневающиеся будут сомневаться до самого конца! Но чудовища заберут этого заблудшего молодого человека! Чудовища из тумана! Мерзость из дурных снов! Безглазые уроды! Бледные ужасы! Ты сомневаешься? Тогда выйди на улицу! Выйди и поздоровайся с ними!

– Миссис Кармоди, вам придется прекратить это, – сказал я. – Вы пугаете моего ребенка.

Какой-то мужчина с маленькой девочкой поддержал меня. Девчонка с пухлыми ножками и ободранными коленками прижалась лицом к его животу и закрыла уши руками.

– У нас есть только один шанс, – провозгласила миссис Кармоди.

– Какой, мадам? – вежливо спросил Майк Хатлен.

– Жертвоприношение, – ответила она и, мне показалось, улыбнулась в полумраке. – Кровавое жертвоприношение.

«Кровавое жертвоприношение» – слова будто повисли в воздухе, медленно поворачиваясь. Даже сейчас, когда я знаю, что это не так, я говорю себе, что она, может быть, имела в виду чью-нибудь собачку. Две как раз бегали по залу, несмотря на правила, запрещающие приводить в помещение магазина собак. Даже сейчас я говорю себе это. В полумраке она выглядела, словно какое-то безумное воплощение пережитков новоанглийского пуританства, но, я подо-

зреваю, нечто более темное и глубокое, чем просто пуританство, двигало ею. У пуританства есть свой мрачный праотец, старый Адам с окровавленными руками.

Она открыла рот, собираясь что-то добавить, но в этот момент небольшого роста мужчина в красных спортивных брюках и опрятной футболке ударил ее ладонью по лицу. Мужчина с аккуратным, словно по линейке, пробором слева, в очках – типичный турист из тех, что наезжают сюда летом.

– Немедленно прекратите эти грязные речи, – сказал он мягким невыразительным голосом.

Миссис Кармоди подняла руку к губам, потом вытянула ее в нашу сторону в молчаливом обвинении. На ладони была кровь, но ее черные глаза светились, казалось, диким ликованием.

– Давно добивалась! – выкрикнула из толпы женщина. – Я бы и сама с удовольствием это сделала!

– Они еще доберутся до вас, – сказала миссис Кармоди, предъявляя нам окровавленную ладонь. Ручеек крови стекал с ее губ по одной из морщин, словно дождевые капли по водостоку. – Не сейчас, может быть. Вечером. Ночью, когда опустится темнота. Они придут в ночи и возьмут кого-нибудь еще. Ночью они придут! И вы услышите, как они ползут и скребутся. И когда они придут, вы еще будете умолять мать Кармоди подсказать вам, что делать.

Мужчина в красных спортивных брюках медленно поднял руку.

– Ну, ударь меня, – прошептала она и улыбнулась ему окровавленными губами.

Рука его дрогнула.

– Ударь, если посмеешь.

Рука упала, и миссис Кармоди пошла прочь. Билли заплакал, прижавшись лицом ко мне, как только что плакала маленькая девочка.

– Я хочу домой, – хныкал он. – Я хочу к маме.

Я утешал его как мог. Но, наверное, я мог не очень много.

Постепенно темы разговоров стали менее пугающими и обескураживающими. Кто-то упомянул витринные стекла, наиболее уязвимое место супермаркета. Майк Хатлен спросил, какие еще входы есть в магазине, и Олли с Брауном тут же их перечислили: две загрузочные двери, кроме той, что открывал Норм, главный вход и окно в кабинете менеджера (толстое армированное стекло, все надежно заперто).

Разговор на эту тему произвел парадоксальный эффект. Опасность стала казаться более реальной, но в то же время все почувствовали себя значительно лучше. Даже Билли это ощутил. Он спросил меня, можно ли ему пойти взять плитку шоколада, и я разрешил при условии, что он не будет подходить к окнам. Когда он отошел подальше, мужчина, стоявший рядом с Майком Хатленом, сказал:

– О'кей. Что мы будем делать с окнами? Старую леди, может быть, действительно бешеный клоп укусил, но она права: ночью и в самом деле кто-то может вломиться.

– Может, туман к тому времени разойдется, – предположила какая-то женщина.

– Может, – сказал мужчина, – а может, и нет.

– Есть какие-нибудь идеи? – спросил я у Бада и Олли.

– Минутку, – сказал мужчина рядом с Хатленом. – Я Ден Миллер из Линна, штат Массачусетс. Вы меня не знаете, не было повода познакомиться, но у меня дом на озере Хайлэнд. Купил только в этом году. Содрали с меня черт знает сколько, но я просто должен был его купить. – Кто-то рассмеялся. – Я вот о чем хотел сказать. Там в углу я видел целую гору мешков с удобрениями и подкормкой для газонов. Фунтов по двадцать пять большинство из них. Мы можем сложить их как мешки с песком. Оставить просветы, чтобы смотреть...

Люди закивали, начав возбужденно обсуждать предложение. Я едва сдержался, чтобы не высказать то, что вертелось у меня на языке. Миллер был прав. Можно сложить эти мешки у витрин – это никому не повредит, и, возможно, даже будет какая-то польза. Но мои мысли все

время возвращались к воспоминанию о том, как щупальце сжимает упаковку с концентратом для собак, и я подумал, что щупальце побольше с легкостью может сделать то же самое с двадцатипятифунтовым мешком «Зеленых акров» или «Вигоро». Однако проповеди на эту тему вряд ли помогли бы нам или улучшили чье-то настроение.

Люди начали расходиться, намереваясь приняться за дело, и Миллер закричал:

– Стойте! Стойте! Пока мы все здесь, давайте попробуем решить остальные вопросы!

Люди вернулись, и человек пятьдесят – шестьдесят собрались в углу между охладителем, дверью в складское помещение и мясным прилавком, где мистер Маквей обычно выкладывал никому вроде бы не нужные продукты: потроха, бараньи мозги и зельц. Билли просочился сквозь толпу с подсознательным проворством, которым пятилетние обладают в мире гигантов-взрослых, и протянул мне плитку шоколада.

– Хочешь, папа?

– Спасибо. – Я откусил кусочек. Стало сладко и хорошо.

– Может быть, это глупый вопрос, – продолжил Миллер, – но нужно выяснить все до конца. У кого-нибудь есть оружие?

Все замолчали, поглядывая друг на друга и пожимая плечами. Седой старик, представившийся Амброзом Корнеллом, сказал, что у него в багажнике машины есть охотничье ружье.

– Если хотите, я попробую его достать.

– Сейчас, я думаю, – сказал Олли, – это не очень хорошая идея, мистер Корнелл.

– Сейчас, – буркнул Корнелл, – я тоже так думаю. Но я решил, что предложить нужно было.

– Так, ладно, я в общем-то и не надеялся, – сказал Миллер, – но думал...

– Подождите минуту, – раздался женский голос. Оказалось, это леди в красной кофточке и зеленых брюках. У нее были светлые, песочного цвета волосы и очень хорошая фигура. Вообще, очень привлекательная молодая женщина. Она расстегнула сумочку и достала оттуда средних размеров пистолет. Толпа издала глухой возглас удивления, словно на их глазах фокусник проделал какой-то особенно эффектный трюк. Женщина, и так уже пунцовая, покраснела еще сильнее. Она покопалась в сумочке и извлекла оттуда коробку патронов «смит-и-вессон».

– Аманда Дамфрис, – сказала она Миллеру. – Этот пистолет... Это идея мужа. Он считал, что мне нужен пистолет для самозащиты. Я ношу его незаряженным уже два года.

– Ваш муж здесь, мадам?

– Нет, он в Нью-Йорке. По делам. Он часто ездит туда по делам, и поэтому хотел, чтобы у меня был пистолет.

– Что ж, – сказал Миллер, – если вы умеете им пользоваться, то пусть он лучше останется при вас. Он тридцать восьмого?

– Да. Но я стреляла из него всего один раз в жизни, в тренировочном тире.

Миллер принял от нее пистолет и, немного покопавшись, открыл барабан. Проверил, действительно ли он не заряжен.

– О'кей, – сказал он. – У нас есть пистолет. Кто хорошо стреляет? Я, к сожалению, не умею.

Люди переглянулись, но все молчали. Потом Олли сказал неохотно:

– Я довольно часто тренируюсь. У меня дома «кольт» сорок пятого калибра и «лама» двадцать пятого.

– Ты? – удивился Браун. – Ха! Ты к вечеру так налижешься, что и видеть-то ничего не будешь.

– Почему бы тебе не заткнуться и не заняться своими списками? – спросил Олли внятно и отчетливо.

Браун уставился на него изумленно, открыл было рот, но потом, видимо, действительно решил заткнуться. Я думаю, правильно решил.

– Он ваш, – сказал Миллер, несколько ошарашенно выслушав этот обмен репликами, и вручил ему пистолет. Олли снова его проверил, уже более профессионально. Потом положил в правый карман брюк. Коробку с патронами он сунул в нагрудный карман, где она здорово напоминала выпячивающуюся пачку сигарет. Прodelав все это, он прислонился плечом к охладителю и со щелчком открыл новую банку пива. По его лицу все так же стекали капельки пота. Меня не оставляло ощущение, что я вижу совершенно не такого Олли Вика, каким привык себе его представлять.

– Благодарю вас, миссис Дамфрис, – сказал Миллер.

– Не стоит, – ответила она, и у меня мелькнула мысль о том, что, если бы я был ее мужем, владельцем этих зеленых глаз и прекрасной фигуры, я не разъезжал бы по делам так часто. Купить жене пистолет – поступок смехотворный и чисто символический.

– Это, может быть, тоже покажется вам глупым, – продолжал Миллер, повернувшись к Брауну с его записями и Олли с пивом, – но нет ли здесь чего-нибудь вроде огнемёта? Нет?

– У-у-у, дьявол! – вырвалось у Бадди Иглтона, и он тут же покраснел, как до него Аманда Дамфрис.

– Что такое? – спросил Майк Хатлен.

– М-м-м... До прошлой недели у нас был целый ящик таких маленьких паяльных ламп. Из тех, что обычно используют дома, чтобы запаять протекающую трубу, или выхлоп у автомашины, или что-нибудь в таком духе... Вы помните их, мистер Браун?

Тот мрачно кивнул.

– Распроданы? – спросил Миллер.

– Нет, они совсем не пошли. Мы продали всего три или четыре штуки и отослали остальные обратно. Вот зараза!.. Виноват... Жаль... – Покраснев так, что щеки его стали чуть ли не фиолетовыми, Бадди Иглтон снова смешался с толпой.

У нас, конечно, были спички, соль (кто-то смутно припоминал, что он когда-то слышал, будто всяких кровососов и прочую нечисть вроде бы нужно посыпать солью) и различные щетки и швабры с длинными ручками. Многие все еще выглядели более или менее уверенно, а Джим и Майрон были слишком пьяны, чтобы вразумительно противоречить, но я поймал взгляд Олли и увидел в нем спокойную безнадежность, которая хуже, чем страх. И он, и я видели эти щупальца. И мысль о том, что мы будем бросать в них соль или отбиваться швабрами, казалась даже забавной, но забавной, как страшная карикатура.

– Майк, – сказал Миллер, – почему бы тебе не возглавить это маленькое мероприятие? Я хочу еще переговорить с Олли и Дэйвом.

– С удовольствием. – Хатлен хлопнул Дена Миллера по плечу. – Кто-то должен был взять на себя командование, и у тебя это отлично получилось. Добро пожаловать в наш город.

– Означает ли это, что я получу скидку с налогов? – спросил Миллер. Внешне он напоминал петуха: маленький, подвижный, с редющей рыжей шевелюрой. Он был из тех, кто не может не понравиться при первом знакомстве и так же легко может разонравиться, когда пообщаешься с ним некоторое время. Из тех, кто знает, как делать абсолютно все лучше вас.

– Никоим образом, – рассмеявшись, ответил Хатлен и пошел работать. Миллер взглянул на моего сына.

– О Билли не беспокойтесь, – сказал я.

– Боже, я в жизни никогда ни о чем так не беспокоился! – заявил Миллер.

– Пожалуй, – согласился Олли, опустил пивную банку в охладитель и, достав новую, открыл ее. Послышалось шипение вырывающегося газа.

– Я заметил этот взгляд, которым вы обменялись, – сказал Миллер.

Доев шоколад, я взял банку пива, чтобы запить сладкое.

– Вот что я думаю, – сказал Миллер. – Надо отрядить с полдюжины человек обматывать швабры тряпками и обвязывать веревками. Потом надо будет приготовить пару этих канистр с жидкой растопкой для угля. Если срезать с них крышки, можно очень быстро делать факелы.

Я кивнул. Идея была хорошей. Хотя наверняка недостаточно хорошей для тех, кто видел, как щупальца утащили Норму. Но в любом случае факелы лучше, чем соль.

– По крайней мере им будет чем себя занять, – сказал Олли.

Губы Миллера сжались.

– Дела настолько плохи?

– Вот именно, – подтвердил Олли и снова принялся за пиво.

К полпятому мешки с удобрениями и подкормкой были на местах, закрывая все окна, за исключением небольших просветов для наблюдения. У каждого из них сидел дежурный со вскрытой банкой угольной растопки и горкой самодельных факелов. Всего сделали пять проемов, и Ден Миллер организовал смену дежурств. К полпятому я уже сидел на мешке у одного из проемов, Билли сидел рядом, и мы вглядывались в туман.

Сразу за окном стояла красная скамейка, где люди иногда поджидали друг друга, поставив рядом сумки с покупками. Дальше начиналась автостоянка. Плотный тяжелый туман медленно перемещался. В нем угадывалась влага, но все равно он казался безрадостным и мрачным. Один вид этого тумана заставлял чувствовать себя безвольным и проигравшим.

– Папа, ты знаешь, что происходит? – спросил Билли.

– Нет, малыш, – ответил я.

Он замолчал, разглядывая свои руки, лежащие на коленях.

– А почему нас никто не спасает? – спросил он наконец. – Полиция, ФБР или еще кто-нибудь?

– Я не знаю.

– А ты думаешь, с мамой все в порядке?

– Билли, я просто не знаю, – сказал я и обнял его за плечи.

– Я очень хочу к маме, – сказал Билли, борясь со слезами. – Я не буду больше плохо себя вести.

– Билли... – сказал я и остановился, ощутив в горле соленый привкус и едва сдерживая дрожь в голосе.

– Это когда-нибудь кончится? Папа? Кончится?

– Я не знаю, – ответил я, и он уткнулся лицом в мое плечо. Я положил руку ему на затылок, на изгиб черепа под густой шевелюрой, и почему-то вспомнил вечер того дня, когда мы со Стефф обручились. Я смотрел, как она снимает простое коричневое платье, в которое она переделалась после церемонии. На бедре у нее был большой фиолетовый синяк, оттого что за день до венчания она ударилась о полуоткрытую дверь. Помню, я смотрел на этот синяк, думая: «Когда она наставила себе этот синяк, она была еще Стефани Степанек», и испытывал что-то вроде удивления. Потом мы лежали рядом, а за окном сыпал с тускло-серого декабрьского неба снег.

Билли заплакал.

– Тш-ш-ш, Билли, тш-ш-ш, – говорил я ему, чуть покачивая его голову, уткнувшуюся в мое плечо, но он продолжал плакать. Такой плач умеют успокаивать только матери.

В «Федерал фудс» наступила преждевременная ночь, и Бад Браун раздал штук двадцать фонариков – все, что были в запасе. Нортон от лица своей группы громко потребовал выделить фонари и им тоже и получил два. Пятна света запрыгали по проходам, словно беспокойные призраки.

Прижимая к себе Билли, я продолжал глядеть в проем между мешками. Молочный полупрозрачный свет снаружи почти не изменился. Темно стало от того, что мы заложили витрины

мешками. Несколько раз мне казалось, будто я что-то вижу, но скорее всего мне это просто казалось. Однако вскоре кто-то еще из дежурных неуверенно поднял ложную тревогу.

Билли снова увидел миссис Терман и, обрадовавшись, побежал к ней, хотя она и не приходила посидеть с ним целое лето. Ей тоже выделили фонарик, и она позволила Билли поиграть с ним. Скоро Билли уже выписывал свое имя лучом на чистых стеклянных панелях шкафов с замороженными продуктами. Оба они, похоже, были одинаково рады видеть друг друга, и спустя какое-то время они вдвоем подошли ко мне. На груди у Хэтти Терман, высокой, худощавой женщины с красивыми рыжими волосами, в которых только-только начала появляться седина, висели на цепочке с орнаментом очки – такие очки, как я понимаю, с полным правом могут носить лишь женщины средних лет.

– Стефани здесь, Дэвид? – спросила она.

– Нет. Дома.

Она кивнула.

– Алан тоже. Долго тебе еще дежурить?

– До шести.

– Что-нибудь видел?

– Нет. Только туман.

– Если хочешь, я побуду с Билли до шести.

– Ты хочешь, Билли?

– Да. Можно? – ответил он, медленно выводя фонариком дугу над головой и глядя на игру света на потолке.

– Господь сохранит твою Стеффи и моего Алана, – сказала миссис Терман и увела Билли за руку. Она сказала это с искренней убежденностью, но в глазах ее не было уверенности.

Около пяти тридцати в дальнем конце магазина послышались громкие спорящие голоса. Кто-то над чем-то рассмеялся, и кто-то – я думаю, это был Бадди Иглтон – выкрикнул:

– Вы все сумасшедшие, если вы туда собираетесь.

Несколько лучей света сошлись в центре группы спорящих, потом двинулись вместе с ними к выходу. Резкий издевательский смех миссис Кармоди, напоминающий неприятный звук, когда ведешь пальцем по грифельной доске, расколол тишину. А над гомоном голосов послышался адвокатский тенор Нортон:

– Позвольте пройти! Позвольте нам пройти!

Мужчина, дежуривший у соседнего со мной проема, оставил свой пост и пошел посмотреть, из-за чего крики. Я решил остаться на месте: они все равно двигались в мою сторону.

– Пожалуйста, – говорил Майк Хатлен, – давайте все обговорим.

– Нам не о чем разговаривать, – заявил Нортон. Из темноты выплыло его лицо, решительное, но изможденное и несчастное. В руках он держал один из выделенных «обществу» фонариков. Закрученные пучки волос все еще торчали у него за ушами, как украшение рогатосца. Нортон вел за собой маленькую группку людей – пять человек из тех девяти или десяти, что были с ним вначале.

– Мы идем на улицу, – объявил он.

– Что за сумасшествие?! – спросил Миллер. – Майк прав. Мы ведь можем все обсудить. Мистер Маквей жарит кур на газовом гриле, и мы сможем сесть спокойно, поесть и...

Он оказался на пути Нортон, и тот оттолкнул его. Миллеру это не понравилось. Лицо его налилось краской, потом сделалось суровым.

– Можете делать, что хотите, – сказал он. – Но вы все равно что убиваете этих людей.

Ровным тоном, свидетельствующим о непреклонной решимости или о непробиваемой глупости, Нортон произнес:

– Мы пошлем вам помощь.

Один из его сторонников пробормотал что-то в его поддержку, но другой в этот момент потихоньку скользнул в сторону. Теперь с Нортоном осталось четверо. Может быть, это не так уж и плохо: даже самому Христу удалось найти только двенадцать.

– Послушайте, – сказал Майк Хатлен. – Мистер Нортон... Brent, останьтесь по крайней мере поесть. Горячее вам не помешает.

– Чтобы дать вам шанс продолжить ваши уговоры? Я слишком много времени провел на судебных заседаниях, чтобы попасться на эту удочку. Вы уже одурачили с полдюжины моих людей.

– Ваших людей? – Хатлен почти простонал. – Ваших людей? Боже праведный, что это за разговоры? Они просто люди, и все. Это не игра и тем более не судебное заседание. Там снаружи бродят какие-то твари, другого слова и не подберешь, так какой же смысл рисковать своей жизнью?

– Твари, говорите? – сказал Нортон с усмешкой. – Где? Ваши люди уже часа два дежурят у проемов. Кто-нибудь хоть что-нибудь видел?

– Но там, позади магазина. В...

– Нет, нет и нет, – сказал Нортон, качая головой. – Это мы уже обсуждали не один раз. Мы уходим...

– Нет, – прошептал кто-то, и этот звук разнесся вдруг, отражаясь эхом, словно шорох опавших листьев в полумраке октябрьского вечера. – Нет-нет-нет...

– Вы попытаетесь удержать нас силой? – пронзительным голосом спросила престарелая леди в бифокальных очках, одна из «людей Нортона», если воспользоваться его же термином. – Вы хотите задержать нас?

Легкое бормотание протестующих голосов стихло.

– Нет, – сказал Майк. – Я не думаю, что кто-то будет вас удерживать.

Я пошептал Билли на ухо, и он посмотрел на меня вопросительно и удивленно.

– Прямо сейчас беги, – сказал я. – Быстренько.

Билли побежал выполнять поручение.

Нортон пригладил волосы рассчитанным жестом бродвейского актера. Мне он нравился гораздо больше, когда беспомощно дергал стартер бензопилы, ругаясь и думая, что его никто не видит. Я не мог сказать тогда и сейчас не знаю, верил ли он в то, что делает, или нет. В глубине души, я думаю, он знал, что должно случиться. Я думаю, что та логика, которой он молился всю жизнь, в конце концов обернулась против него, как взбесившийся и озверевший дрессированный тигр.

Он беспокойно огляделся вокруг, словно желал сказать что-нибудь еще, потом повел четверку своих сторонников мимо одной из касс. Кроме старушки, с ним были пухлый парень лет двадцати, молодая девушка и мужчина в джинсах и сдвинутой на затылок шапочке для гольфа.

Взгляд Нортона встретился с моим, глаза его чуть расширились, потом ушли в сторону.

– Brent, подожди минуту, – сказал я.

– Я не хочу больше ничего обсуждать. Тем более с тобой.

– Я знаю, но хочу попросить об одной услуге. – Я обернулся и увидел, что Билли бежит к кассам.

– Что это? – спросил Нортон подозрительно, когда Билли вручил мне целлофановый пакет.

– Бельевая веревка, – ответил я, смутно понимая, что сейчас все в супермаркете смотрят на нас, собравшись по другую сторону от линии касс. – Тут довольно много. Триста футов.

– И что?

– Я подумал, может быть, ты привяжешь один конец за пояс перед тем, как выйти. Когда веревка натянется, привяжи ее к чему-нибудь. Например, к дверце машины.

– Боже, зачем?

– Я буду знать, что вы прошли по крайней мере триста футов, – сказал я. Что-то мелькнуло в его глазах, но только на мгновение.

– Нет, – сказал он.

Я пожал плечами.

– О'кей. В любом случае удачи.

Мужчина в шапочке для гольфа неожиданно сказал:

– Я сделаю это, мистер. Не вижу причины, почему бы нет.

Нортон обернулся к нему, словно собирался сказать что-то резкое, и мужчина пристально и спокойно посмотрел на него. В его глазах не мелькало ничего. Он решил, и у него просто не было никаких сомнений. Нортон тоже понял это и промолчал.

– Спасибо, – сказал я, разрезая упаковку своим карманным ножом, и веревка вывалилась гармошкой жестких колец. Я вытащил один конец и обвязал пояс «чемпиона по гольфу» свободной петлей с бабьим узлом. Он тут же развязал веревку и быстро затянул туже на добротный морской узел. В зале магазина стояла полнейшая тишина. Нортон в нерешительности переминался с ноги на ногу.

– Дать нож? – спросил я мужчину.

– У меня есть. – Он взглянул на меня с тем же самым холодным презрением в глазах. – Ты, главное, следи за веревкой. Если она запутается, я ее обрежу.

– Мы все готовы? – спросил Нортон слишком громким голосом. Пухлый парень подскочил, будто его толкнули.

Не получив ответа, Нортон двинулся к выходу.

– Brent, – сказал я, протягивая руку. – Удачи.

Он посмотрел на мою руку с сомнением.

– Мы пришлем вам помощь, – сказал он наконец и толкнул дверь с надписью «Выход».

Я снова почувствовал тот едкий запах. «Его люди» последовали за Нортоном. Майк Хатлен подошел и остановился рядом со мной. Группа Нортон из пяти человек стояла в медленно движущемся молочном тумане. Нортон сказал что-то, что я вполне мог бы расслышать на таком расстоянии, но туман, казалось, гасил все звуки. Кроме двух-трех слогов, словно доносящихся из работающего вдалеке радиоприемника, я не расслышал ничего. Потом они начали удаляться.

Хатлен придерживал открытую дверь. Я срамливал веревку и старался, чтобы она свободно провисала, помня об обещании перерезать ее, если она застрянет. Снаружи по-прежнему не доносилось ни звука. Билли неподвижно стоял рядом, но я чувствовал, как он весь дрожит от напряжения.

Снова возникло странное чувство, что эти пятеро не исчезли в тумане, а просто стали невидимы. Какое-то мгновение их одежда плыла уже без них, а затем и она пропала. Этот туман по-настоящему впечатлял своей плотностью, лишь когда можно было увидеть, как он проглатывает людей буквально в течение нескольких секунд.

Я продолжал срамливать веревку. Сначала ушла в туман четверть, потом половина. Потом на мгновение движение прекратилось, веревка обмякла. Я задержал дыхание, но она снова пошла. Я срамливал ее через пальцы и неожиданно вспомнил, как отец возил меня в Бруксайд смотреть «Моби Дика» с Грегори Пеком. Наверное, я даже улыбнулся.

Ушло три четверти веревки, и я уже видел конец, лежащий на ботинке Билли, но тут веревка в моей руке снова остановилась. Секунд пять она лежала неподвижно, потом рывком ушли еще пять футов, и вдруг, резко дернув влево, веревку натянуло о край двери так, что она даже зазвенела.

Потом еще двадцать футов рывком сдернуло с моей руки, оставив на ладони тонкий ожог, и из тумана донесся высокий дрожащий крик. Я даже не мог сказать, мужчина кричит или женщина.

Снова дернуло веревку. И снова. Ее мотало в дверном проеме то вправо, то влево, потом уползло еще несколько футов, и из тумана донесся захлебывающийся вопль, услышав который Билли застонал. Хатлен замер с широко раскрытыми от ужаса глазами, один уголок его рта, подрагивая, опустился вниз.

Вопль внезапно оборвался, и, казалось, целую вечность стояла тишина. Потом закричала старушка, и на этот раз никаких сомнений насчет того, кто кричит, не было.

– Уберите его от меня! – кричала она. – О Господи, Господи, уберите... – И голос ее тоже оборвался.

Внезапно почти вся веревка сбежала по моей ладони, оставив еще более сильный ожог, но потом обвисла, и из тумана донесся новый звук, сочное громкое хрюканье, от которого у меня во рту все пересохло.

Такого звука я не слышал никогда в жизни, но ближе всего тут подошло бы сравнение с каким-нибудь кинофильмом, снятым в африканском вельде или в южноамериканских болотах. Звук большого животного. Он снова донесся до нас, низкий, неистовый, звериный звук. И снова, но потом перешел в прерывистое бормотание и затих совсем.

– Закройте дверь, – дрожащим голосом попросила Аманда Дамфрис. – Пожалуйста.

– Минуту, – сказал я и потянул за веревку.

Она выползала из тумана и укладывалась у моих ног неровными петлями и кольцами. Последние фута три новой бельевой веревки были окрашены в кирпично-красный цвет.

– Смерть! – выкрикнула миссис Кармоди. – Там смерть! Вы все видели?

На отгрызенном и растрепанном конце веревки на волокнах хлопка остались крошечные капельки крови.

Никто не стал спорить с миссис Кармоди.

Майк Хатлен отпустил дверь, и она захлопнулась.

Глава 7. Первая ночь

Мистер Маквей работал в Бриджтоне мясником еще с тех пор, когда мне было лет двенадцать или тринадцать, но я не знал ни его имени, ни сколько ему лет. Он установил небольшой газовый гриль под одной из вентиляционных решеток (вентиляторы не работали, но решетки создавали хоть какую-то тягу), и к 6.30 вечера запах жарящихся цыплят заполнил весь магазин. Бад Браун не стал возражать. Может быть, от потрясения, но скорее всего он просто осознал, что птица и мясо отнюдь не становятся свежее. Цыплята пахли великолепно, но не всем хотелось есть. Мистер Маквей, маленький, худой и аккуратный в своем белом халате, все равно продолжал жарить цыплят, укладывая куски на бумажные тарелки и расставляя их, как это делают в кафетериях, на мясном прилавке.

Миссис Терман принесла нам с Билли по порции с гарниром из картофельного салата. Я поел сколько смог, но Билли даже не притронулся к своей тарелке.

– Тебе надо поесть, силач, – сказал я.

– Я не голоден, – ответил он и отодвинул тарелку.

– Ты не станешь большим и сильным, если...

Миссис Терман, сидящая немного позади Билли, покачала головой.

– Ладно, – сказал я. – По крайней мере пойдешь съешь персик. О'кей?

– А если мистер Браун скажет что-нибудь?

– Если он скажет что-нибудь, скажи мне.

– О'кей.

Он медленно пошел вдоль стеллажей. Мне показалось, он как-то сник, и мое сердце сжималось, когда я видел его таким. Мистер Маквей продолжал жарить цыплят, совершенно не обращая внимания на то, что почти никто не ест, удовлетворенный, видимо, своими чисто механическими действиями. Кажется, я уже писал, что люди по-разному реагируют на подобные ситуации. Трудно представить, что это может быть так, но это действительно так. Разум человека – темный лес.

Мы с миссис Терман сидели в середине аптечного ряда, и нам было видно, что по всему магазину люди собирались маленькими группками. Никто, кроме миссис Кармоди, не сидел один. Даже Майрон и Джим были вместе: оба храпели у пивного охладителя.

Шестеро новых дежурных сидели у проемов в мешках. Один из них – Олли. Он грыз цыплячью ногу и запивал ее пивом. У каждого поста стояли прислоненные к мешкам факелы, изготовленные из швабр, а рядом банки с угольной растопкой, но, я думаю, теперь никто уже не верил в эти приготовления, как раньше. После того ужасного звериного рыка и после отгрызенной окровавленной веревки никто уже не верил. Если что-то оттуда, снаружи, захочет нас, оно нас получит. Оно или они.

– Насколько опасно будет сегодня ночью? – спросила миссис Терман. Голос ее звучал спокойно, но в глазах застыл испуг.

– Хэтти, я не знаю.

– Пусть Билли побольше будет со мной. Я... Дэвид, я боюсь смертельно. – Она коротко хохотнула. – Да, видимо, это так называется. Но если Билли будет со мной, я буду в порядке. Ради него.

Глаза ее блестели. Я наклонился и тронул ее за плечо.

– Я так волнуюсь за Алана, – сказала она. – Но он, наверное, мертв, Дэвид. Я сердцем чувствую, что его уже нет.

– Не надо, Хэтти. Ты не можешь этого знать.

– Но я чувствую, что это так. Ты ничего не чувствуешь про Стефани? Хоть какое-то ощущение?

– Нет, – солгал я, стиснув зубы.

Она издала горлом странный сдавленный звук и зажала рот рукой. В ее очках отражались тусклые отсветы лучей фонариков.

– Билли возвращается, – пробормотал я.

Билли ел персик. Хэтти Терман похлопала по полу рядом с собой и сказала, что, когда он доест, она покажет ему, как из персиковой косточки и нитки делается человечек. Билли устало улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ.

В 20.00 новые шесть дежурных сели у проемов, и Олли подошел ко мне.

– Где Билли?

– Там дальше, с миссис Терман, – ответил я. – Занимаются рукоделием. Они уже прошли человечков из персиковых косточек, маски из пакетов и яблочных кукол, а теперь мистер Маквей показывает ему, как делать маленьких трубочистов.

Олли сделал большой глоток пива и сказал:

– Там за окнами что-то движется.

Я пристально посмотрел на него, но он ответил мне уверенным взглядом.

– Я не пьян, – сказал он. – Я пытался набраться, но меня не берет. А как хотелось бы, Дэвид.

– Что ты имеешь в виду? Что там движется?

– Я не знаю. Спросил у Уолтера, и он сказал, что у него такое же чувство. На минуту какая-то область тумана становится темнее, иногда просто маленькая полоса, иногда пятно, похожее на синяк. Потом снова пропадает. И сам туман шевелится. Даже Эрни Симмс почувствовал, что там что-то происходит, а он слепой как крот.

– А остальные?

– Они все из других штатов, я их не знаю, – сказал Олли. – Я ни у кого из них не спрашивал.

– Ты уверен, что тебе не померещилось?

– Уверен, – сказал он и кивнул в сторону миссис Кармоди, сидевшей в одиночестве в конце прохода. Происшедшее отнюдь не испортило ей аппетита, и на ее тарелке лежала целая груда цыплячьих костей. Запивала она чем-то красным: то ли соком, то ли кровью.

– В одном она была права, – добавил Олли. – Мы все узнаем. Станет темно, и мы все узнаем.

Но темноты ждать не пришлось. Когда это случилось, Билли почти ничего не видел, потому что миссис Терман держала его в дальнем конце магазина. Олли сидел со мной, когда один из дежуривших взвизгнул и, размахивая руками, отскочил от проема. Время приближалось к 20.30, и жемчужно-белый туман снаружи потемнел до ровного серого цвета ноябрьских сумерек.

Что-то прижалось со стороны улицы к стеклу у одного из проемов.

– Боже! – вскрикнул дежуривший там мужчина. – Пустите меня! Я не могу!..

И он, выпучив глаза, побежал, кидаясь из стороны в сторону. В полутьме блеснула на его лице струйка слюны, выползшая из угла рта. Потом он свернул и бросился к дальнему проходу мимо морозильников с продуктами.

Кто-то еще вскрикнул в темноте, и люди побежали посмотреть, что происходит. Другие, наоборот, кинулись в дальний конец зала, не интересуясь и не заботясь, что там ползает по стеклам снаружи.

Мы с Олли двинулись к проему. Олли держал руку в кармане брюк, куда положил пистолет миссис Дамфрис. Еще один наблюдатель вскрикнул, но скорее от отвращения, чем от страха. Мы прошли мимо касс, и теперь я понял, что напугало дежурного. Я не знал, что это, но я мог видеть. Существо напоминало одно из маленьких чудовищ с картин Босха. Было в нем что-то и комичное, потому что оно немного походило на те странные игрушки из винила

за доллар девяносто восемь центов, что люди покупают, чтобы поугостить друзей. Как раз такая штука, про которую говорил Нортон.

Фула два длиной, сегментированная тварь цвета розовой, заживающей после ожога кожи. Два выпуклых глаза на коротких стебельках тарасились одновременно в две стороны. По стеклу существо ползло, цепляясь толстыми присосками. Сзади из туловища торчал какой-то отросток: то ли половой орган, то ли жало. За спиной существа медленно колыхались огромные слюдяные крылья, похожие на крылья мухи.

У другого проема, слева от нас, откуда доносились резкие возгласы отвращения, по стеклу ползали сразу три такие твари, оставляя за собой липкие улиточные следы. Глаза, если это на самом деле глаза, покачивались на концах стебельков толщиной с палец. Самая большая из них была около четырех футов в длину. Время от времени эти твари просто переползали друг через друга.

– Смотри, какая чертовщина, – сказал Том Смолли с отвращением в голосе. Он стоял у проема справа от нас. Я промолчал. Если эти твари ползают по окнам у каждого проема, значит, они облепили все здание... Как черви – кусок мяса. Сравнение, конечно, не из приятных, и я почувствовал, как курятина, которую мне удалось в себя запихать, просится обратно.

Где-то плакали. Миссис Кармоди кричала про «исчадия ада». Кто-то грубо приказал ей заткнуться, если она не хочет получить... Все по-прежнему.

Олли достал из кармана пистолет миссис Дамфрис, и я схватил его за руку.

– Не сходи с ума.

– Я знаю, что делаю, – сказал он, высвобождаясь, потом с застывшей на лице маской отвращения постучал стволом по стеклу. Твари заработали крыльями так быстро, что крыльев почти не стало видно. Если б я не знал, я бы решил, что они вообще бескрылые. Потом твари взлетели.

Другие увидели, что делает Олли, и, воспользовавшись идеей, стали стучать по окнам рукоятками швабр. Твари улетали, но вскоре возвращались обратно. Очевидно, мозгов у них было не больше, чем у обыкновенной мухи. Почти паническая обстановка разрядилась гомонным разговоров, и я услышал, как кто-то кого-то спрашивает, что будет, если такая тварь на тебя сядет. Отнюдь не тот вопрос, ответ на который мне хотелось бы узнать из личного опыта.

Стук по окнам стал утихать. Олли повернулся ко мне, собираясь что-то сказать, но не успел он открыть рот, как из тумана вынырнуло еще что-то и схватило ползающую по стеклу тварь. Кажется, я закричал. Не помню.

Вторая тварь тоже была летающей. Больше я не разглядел. Участок тумана потемнел точно так, как рассказывал Олли, и превратился во что-то с хлопающими кожистыми крыльями, белым, как у альбиноса, телом и красноватыми глазами. Это что-то схватило розовую тварь и исчезло. Все вместе заняло не более пяти секунд. Мне показалось, что розовая тварь дергалась и трепыхалась, исчезая в глотке, как трепыхается маленькая рыбка в клюве чайки.

Раздался еще один удар, потом еще. Снова слышались крики, и люди опять бросились в дальний конец магазина. Потом кто-то пронзительно вскрикнул, на этот раз от боли, и Олли сказал:

– О Господи, там упала старушка, и они ее чуть не растоптали.

Он бросился в проход между кассами. Я повернулся было бежать за ним, но тут заметил нечто такое, что меня остановило.

Справа от меня один из мешков с удобрениями под самым потолком начал сползать. Том Смолли сидел прямо под ним, глядя в туман через свой проем.

Еще одна розовая тварь плюхнулась на стекло у проема, где стояли мы с Олли, и ее тут же подхватил спикировавший летающий хищник. Сбитая с ног старушка продолжала кричать пронзительным надтреснутым голосом.

Мешок. Мешок сползал.

– Смолли! – крикнул я. – Берегись! Сверху!

В общем шуме он меня так и не расслышал. Мешок сполз и упал прямо ему на голову. Смолли рухнул на пол, задев подбородком низкую полку, проходящую под витриной.

Одна из тварей-альбиносов начала протискиваться через рваную дыру в стекле, и теперь, когда крики немного стихли, я расслышал производимый ею мягкий скребущий звук. На чуть склоненной в сторону треугольной голове поблескивали красные глаза. Хищно раскрывался и закрывался тяжелый загнутый клюв. Она одновременно напоминала птеродактиля из книги про доисторических животных и фрагмент бредового сна сумасшедшего.

Я схватил один из факелов и макнул его в банку с угольной растопкой, опрокинув ее и разлив на полу лужу горючей жидкости.

Летающая тварь уселась на верхний мешок, оглядываясь вокруг и медленно, зловеще переступая с одной когтистой лапы на другую. Я уверен, что эти существа тоже глупы: дважды оно пыталось расправить крылья, ударяясь ими о стены, и складывало их за горбатой спиной, словно гриф. В третий раз тварь потеряла равновесие и неуклюже свалилась со своего насеста, упав на спину Тома Смолли. Одним взмахом когтистой лапы она разорвала рубашку Тома и расплосковала его до крови.

Я стоял всего в трех футах от нее. С факела капала жидкость для растопки, и я был готов ее убить, но тут понял, что мне нечем зажечь огонь. Последнюю спичку я истратил за час до того, зажигая мистера Маквею сигару.

В зале творилось что-то невероятное. Люди увидели сидящую на спине Смолли тварь – зрелище, которого никто никогда на Земле еще не видел. Она стремительно ударила клювом и вырвала кусок мяса из шеи Смолли.

Я уже собрался воспользоваться факелом как дубиной, когда обмотанный тряпками конец его вдруг вспыхнул. Рядом, держа зажигалку с эмблемой морской пехоты, стоял Ден Миллер. Лицо его словно окаменело от ужаса и ярости.

– Убей ее, – хрипло сказал он. – Убей, убей!

Тут же с пистолетом в руке стоял Олли, но он не мог стрелять из опасения попасть в Тома.

Тварь расправила крылья и взмахнула ими, явно не собираясь взлетать, а просто чтобы получше уцепиться за свою жертву, потом обволокла крыльями туловище бедняги Смолли, и оттуда донесся звук чего-то рвущегося. Отвратительный звук, я даже не могу его описать.

Все это произошло за считанные секунды. Затем я ткнул в нее горящим факелом. У меня возникло ощущение, что я ударил что-то не более прочное, чем воздушный змей, и в следующий момент тварь вспыхнула, издав скрежещущий звук и снова расправив крылья. Голова ее задергалась, глаза закатились, я искренне надеялся, в болезненной агонии. Потом со звуком, напоминающим хлопающие на ветру простыни, тварь взлетела и опять издала этот ржавый скребущий крик.

Следя за ее огненным предсмертным полетом, повернулись головы. Наверное, из всего происшедшего ничто не запомнилось мне ярче, чем этот зигзагообразный полет пылающей твари над залом супермаркета. Она летела, роняя то тут, то там горящие куски, и в конце концов рухнула на стеллаж с соусами для спагетти, разбрызгав вокруг кровавые сгустки «Рагу-энд-Принс» и «Примы». От нее не осталось почти ничего, кроме пепла и костей. По магазину пополз тошнотворный резкий запах горящего мяса, и, словно подчеркивая его, появился другой – тонкий едкий запах тумана, проникающего в разбитое окно.

Мгновение стояла тишина. Нас всех словно околдовала черная магия этого огненного полета. Потом кто-то завизжал. Все закричали, и откуда-то издалека я услышал плач сына.

Кто-то схватил меня за плечо. Оказалось, Бад Браун. Глаза его лезли из орбит, рот кривился в гримасе, открывающей искусственные зубы.

– Там еще одна. Другая... – сказал он, показывая рукой.

Сквозь дыру в стекле пролезла розовая тварь и уселась на мешке с удобрениями – она тарашилась глазами на стебельках и жужжала своими мушиными крыльями, как дешевый вентилятор. Розовое, болезненно-пухлое тело быстро подымалось и опадало.

Мой факел еще не погас, и я бросился к ней, но меня опередила миссис Репплер, учительница третьих классов, лет пятидесяти пяти, может быть, шестидесяти, худая сухощавая женщина, которая своим видом всегда напоминала мне полоску вяленого мяса.

В каждой руке она держала по банке «Рэйда», словно какой-то сумасшедший персонаж из экзистенциальной комедии. Издав яростный крик, сделавший бы честь любому пещерному человеку, разбивающему череп врага, она вытянула руки с аэрозольными банками вперед и нажала обе кнопки. Густой слой инсектицида покрыл розовую тварь, и она забилась в конвульсиях, завертелась и наконец свалилась с мешков, отскочила от тела уже, без всяких сомнений, мертвого Тома Смолли и упала на пол. Крылья ее бешено зажужжали, но они уже не могли никуда ее унести: их покрывал толстый слой «Рэйда». Через несколько секунд крылья ослабели, потом замерли, и тварь умерла.

Я снова услышал плач. И стоны. Все еще стонала затоптанная пожилая леди. Откуда-то доносился смех. Смех сумасшедшего. Миссис Репплер, часто и тяжело дыша, стояла над своей жертвой.

Хатлен и Миллер нашли небольшую тележку типа тех, на которых грузчики подвозят к секциям магазина ящики с товарами, и вдвоем запихнули ее на мешки с удобрениями, закрыв клинообразную дыру в стекле. Как временная мера это было неплохо.

Двигаясь словно лунатик, появилась Аманда Дамфрис. В одной руке она держала пластиковое ведро, в другой – метелку, все еще завернутую в прозрачный целлофан. Она наклонилась, глядя перед собой огромными пустыми глазами, и замела мертвую розовую тварь в ведро. Я даже расслышал треск целлофановой обертки, когда Аманда водила метелкой по полу. Потом она подошла к двери – к счастью, на ней не было этих тварей, – приоткрыла ее немного и выбросила ведро на улицу. Оно упало на бок, перекатываясь туда-обратно по сокращающейся дуге. Еще одно розовое насекомое появилось с жужжанием из темноты, уселось на ведро, потом принялось ползать вокруг.

Аманда разрыдалась. Я подошел и обнял ее за плечи.

Полвторого ночи. Я сидел в полудреме, прислонившись спиной к белой эмалированной стенке мясного прилавка. Билли спал, уткнувшись лицом мне в живот. Неподалеку, положив под голову чей-то пиджак, спала Аманда Дамфрис.

После того как летающая тварь сгорела, мы с Олли сходили на склад и принесли еще штук шесть подстилок, таких же, какой я укрыл Билли. Теперь на них спали люди. Потом мы притащили несколько тяжелых ящиков с апельсинами и персиками и вчетвером затолкали их на мешки напротив разбитого стекла. Этим птицеподобным тварям пришлось бы поработать, чтобы сдвинуть ящики: каждый из них весил фунтов девяносто.

Но птицы и розовые твари были не единственными, кто таился в тумане. Были еще щупальца, утащившие Норму. И обгрызенный конец веревки тоже заставлял кое о чем задуматься. Было, наконец, то невидимое существо, что издавало низкий гортанный рев. До нас время от времени доносились эти звуки, чаще издавека, хотя кто может сказать, как далеко это «издавека», когда туман так гасит звуки? А иногда они раздавались так близко, что тряслось здание, и казалось, что сердце вдруг наполняется ледяной водой.

Билли зашевелился во сне и застонал. Я погладил его по голове, и он простонал чуть громче, но потом, похоже, снова уплыл в менее опасные воды сновидений. Я, однако, очнулся от дремоты и продолжал сидеть без сна. С наступлением темноты мне удалось поспать лишь часа полтора, да и то меня все время преследовали кошмары. В одном из фрагментов сна я снова увидел предыдущий вечер. Билли и Стеффи стояли у панорамного окна, глядя на черную с переливами серого воду, на серебряный крутящийся смерч, возвещающий начало бури.

Я пытался увести их, зная, что достаточно сильный ветер может разбить окно и разбросать по всей комнате смертоносные стеклянные стрелы. Но как я ни бежал, я не мог приблизиться к ним ни на шаг. А потом из смерча поднялась птица, гигантская алая птица смерти, чьи расправленные крылья погрузили во тьму все озеро с востока до запада. Раскрыв клюв с огромной, как Голландский тоннель, глоткой, птица ринулась на жену и сына, и в этот момент низкий зловещий голос зашептал, повторяя: «Проект “Стрела”»... «Проект “Стрела”»... «Проект “Стрела”»...

Не только мы с Билли спали плохо. Одни вскрикивали во сне, другие продолжали кричать, уже проснувшись. Пиво исчезало из охладителя с огромной скоростью. Бадди Иглтон молча подвез со склада еще несколько ящиков. Майк Хатлен сказал мне, что кончился сомикс. Полностью. Видимо, некоторые брали снотворное по шесть-восемь бутылочек.

– Есть еще итол, – сказал он. – Хочешь, Дэвид?

Я покачал головой и поблагодарил его.

В проходе у кассы номер пять обосновались наши пьянчуги. Их было человек семь, все из других штатов, кроме Лу Таттингера, работавшего на мойке машин. Лу, как говорится, никогда долго не искал повода, чтобы понюхать пробку. Вся винная бригада анестезировала себя уже довольно прилично.

Да. Еще было человек шесть-семь, которые сошли с ума. Не совсем точный термин, но я не могу придумать лучшего. Эти люди впали в полнейшую апатию без помощи пива, вина или пилуль. Пустыми, блестящими, как дверная ручка, глазами смотрели они вокруг. Твердый бетон реальности дал трещину в каком-то немыслимом землетрясении, и эти бедняги в нее провалились. Со временем они могли бы оправиться. Если бы было время.

Остальные приноровились к ситуации, сделав собственные выводы и компромиссы, порой несколько странные. Миссис Репплер, например, была уверена, что все это сон. Так по крайней мере она сказала. Но сказала с убеждением.

Я взглянул на Аманду. К ней у меня появилось какое-то неудобно сильное чувство. Неудобное, но не неприятное. Глаза ее были невероятного ярко-зеленого оттенка, и некоторое время я наблюдал за ней, ожидая, что она снимет контактные линзы, но, очевидно, это был их естественный цвет. Я хотел ее. Моя жена осталась дома, может быть, она была еще жива, скорее всего нет, но в любом случае одна; я любил ее и больше всего на свете я хотел вернуться к ней вместе с Билли, но я также хотел эту леди по имени Аманда Дамфрис. Я говорил себе, что причина здесь в том, что мы попали в такую ситуацию. Возможно, это действительно было так, но объяснения ничего не меняли.

Я снова задремал и неожиданно проснулся уже около трех. Аманда свернулась калачиком, поджав колени и засунув руки между ног. Похоже, она спала крепко. Кофточка на одном боку у нее задралась, обнажив полоску чистой белой кожи. Я глядел на нее и чувствовал себя неловко.

Пытаясь перевести мысли на какую-нибудь другую тему, я начал вспоминать, как днем раньше хотел написать Нортону. Конечно, не что-нибудь значительное, не картину... Просто посадить его на бревно с моей банкой пива в руке и сделать набросок его потного усталого лица с небрежно торчащими позади двумя крыльями обычно аккуратных волос. Получилось бы хорошо. Мне потребовалось двадцать лет жизни рядом с отцом, чтобы принять наконец мысль: просто хороший художник – это тоже неплохо.

Знаете, что такое талант? Проклятие ожидания. И надо суметь сжиться с ним еще в детстве. Если вы можете писать, вам кажется, что Господь создал вас, чтобы превзойти Шекспира. Если вы рисуете, вам кажется... Мне казалось, что он создал меня, чтобы превзойти отца.

Оказалось, я не настолько хорош. Я пытался стать таким, даже больше, чем следовало. У меня была выставка в Нью-Йорке, неудачная. Критики разбили меня в пух и прах, сравнивая с отцом, и через год, чтобы содержать Стефф и себя, я занялся коммерческой живописью.

Стефф уже была беременна, и поэтому я как-то раз сел и серьезно сам с собою поговорил. Результатом этого разговора стало убеждение, что серьезное искусство будет для меня всего лишь хобби, не более того.

Я делал рекламу для шампуня «Золотая девушка», ту, где девушка стоит на педалях велосипеда, ту, где она играет во фризби на пляже, ту, где она стоит на балконе своей квартиры с бокалом в руке. Я делал иллюстрации к рассказам почти для всех больших журналов, хотя пробился я туда, иллюстрируя на скорую руку рассказы в менее солидных изданиях для мужчин. Я делал рекламу для кино. Деньги были. Жили мы, в общем-то, не бедно.

Не далее как прошлым летом я даже участвовал в выставке в Бриджтоне. Я выставил девять полотен из тех, что написал за последние пять лет, и продал шесть из них. Одна картина, которую я категорически отказывался продавать, изображала супермаркет «Федерал фудс» (странное совпадение) видом с дальнего конца автостоянки. На моей картине на стоянке не было ничего, кроме очереди консервных банок с фасолью, причем каждая по мере приближения к зрителю становилась все больше и больше. Последняя казалась высотой футов в восемь. Картина называлась «Фасоль и искаженная перспектива». Один человек из Калифорнии, глава какой-то компании, изготавливающей теннисные мячи, ракетки и бог знает какой еще спортивный инвентарь, очень хотел ее купить и долго не принимал моего отказа, даже несмотря на карточку «Не для продажи», воткнутую в левом нижнем углу простой деревянной рамы. Он начал с шести сотен долларов и дошел до четырех тысяч. Говорил, что хочет ее для своего кабинета. Я не согласился, и он уехал крайне удивленный, но и тогда не сдался: на случай, если я передумаю, он оставил мне свою визитную карточку.

Деньги бы нам не помешали. В тот год мы как раз сделали пристройку к дому и купили «скаут» с четырехколесным приводом, но я просто не мог ее продать. Не мог, поскольку чувствовал, что это самая лучшая из всех написанных мною картин, и я хотел иметь возможность смотреть на нее после того, как кто-нибудь, не осознавая своей жестокости, спрашивал, когда же я наконец сделаю что-нибудь серьезное.

Но однажды прошлой осенью я показал картину Олли Виксу, и он попросил разрешения сфотографировать ее и использовать для рекламы. Это был конец моей собственной искаженной перспективы. Олли безошибочно распознал, чего стоит моя картина, и, сделав это, заставил признать и меня. Прекрасный образец легковесной коммерческой живописи. Не больше. И слава Богу, не меньше.

Я разрешил ему, а потом позвонил этому предпринимателю домой в Сан-Луис-Обиспо и сказал, что он может купить картину за две с половиной тысячи, если он еще хочет. Он хотел, и я отправил ее на побережье почтой. После этого голос разочарованных ожиданий, тот самый голос обманутого ребенка, которого никак не устраивало умеренное определение «хороший», замолчал. И за исключением нескольких раскатов – что-то вроде звуков, издаваемых невидимыми существами в туманной ночи, – он с тех пор по большей части молчит. Может быть, вы скажете мне, почему молчание этого требовательного детского голоса так похоже на смерть?

Около четырех Билли проснулся, по крайней мере частично, и огляделся вокруг сонными непонимающими глазами.

– Мы еще здесь?

– Да, родной, – сказал я. – Еще здесь.

Он заплакал слабо, беспомощно, и это было ужасно. Аманда проснулась и поглядела на нас.

– Эй, малыш, – сказала она, мягко обнимая Билли. – Придет утро, и все будет гораздо лучше.

– Нет, – заупрямился Билли. – Не будет. Не будет. Не будет.

– Тш-ш-ш, – сказала она, глядя на меня поверх его головы. – Тш-ш-ш, тебе давно пора спать.

– Я хочу к маме!

– Я знаю, малыш, – сказала Аманда. – Конечно.

Прильнув к ней, Билли повертелся немного и лег так, чтобы ему было меня видно. Какое-то время он смотрел на меня, потом снова уснул.

– Спасибо, – сказал я. – Может быть, вы были ему нужны.

– Он меня даже не знает.

– Это не важно.

– А что, вы думаете, будет дальше? – спросила она, не сводя с меня твердого взгляда своих зеленых глаз. – Что вы действительно думаете?

– Спросите меня утром.

– Я спрашиваю сейчас.

Я уже собрался было ответить, но тут из темноты, словно нечто из рассказа с ужасами, материализовался Олли Викс. В руках он держал направленный в потолок фонарик с обернутой вокруг отражателя женской кофточкой, и приглушенный свет отбрасывал на его лицо странные тени.

– Дэвид, – прошептал он.

Аманда взглянула на него, сначала встревоженно, потом снова испуганно.

– Что такое, Олли? – спросил я.

– Дэвид, – прошептал он и добавил: – Пойдем. Пожалуйста.

– Я не хочу оставлять Билли. Он только что уснул.

– Я побуду с ним, – сказала Аманда. – Вы идите. – Потом добавила чуть тише: – Боже, это никогда не кончится.

Глава 8. Что случилось с солдатами. Вместе с Амандой. Разговор с Деном Миллером

Я пошел вслед за Олли. Он направлялся к складскому помещению и, проходя мимо пивного охладителя, схватил банку пива.

– Олли, что случилось?

– Я хочу, чтобы ты сам увидел.

Мы прошли за двойные двери, и створки закрылись за нами, чуть всколыхнув воздух. Здесь было холодно. Место это совсем не нравилось мне после того, что случилось с Нормом. Кроме того, я вспомнил, что где-то здесь все еще валяется отрубленный кусок шупальца.

Олли убрал закрывающую отражатель кофточку и направил луч фонарика вверх. В первый момент мне показалось, что кто-то подвесил на обогревательную трубу под потолком два манекена. Что они висят на тонких струнах... Знаете, детские шуточки в канун Дня Всех Святых?..

Затем я увидел ноги, болтающиеся в семи дюймах от бетонного пола, и две кучи разбросанных картонных коробок. Я взглянул вверх, и в горле у меня начал подниматься крик, потому что там были лица, но не манекенов. Обе головы свернулись набок, словно их хозяева смеялись над какой-то жутко забавной шуткой, так смеялись, что лица аж посинели.

Тени. Длинные тени на стене позади них. Высунутые языки.

Оба были в военной форме. Те самые молодые солдаты, которых я заметил еще вначале, но потом потерял из виду в сутолоке событий. Солдаты из...

Крик. Я ощущал, как он поднимается у меня в горле, словно визг полицейской сирены, но тут Олли схватил меня за руку над локтем.

– Не кричи, Дэвид. Кроме нас с тобой, никто еще не знает. И лучше будет, если так и останется.

Как-то я справился с собой и проговорил:

– Это солдаты...

– Из «Проекта “Стрела”», – сказал Олли. – Точно.

Что-то холодное ткнулось мне в руку. Банка пива...

– На, выпей. Полегчает.

Я осушил одним глотком, и Олли начал рассказывать:

– Я пришел посмотреть, нет ли здесь еще баллонов для гриля мистера Маквея. И увидел их. Как я понимаю, они сначала сделали петли, а потом забрались на сложенные одна на другую картонные коробки. Должно быть, связали друг другу руки... Ну, знаешь, чтобы были за спиной. Затем, я думаю, сунули головы в петли, затянули, дергая ими из стороны в сторону. Возможно, один из них сосчитал до трех, и они вместе прыгнули. Не знаю...

– Такого не может быть, – сказал я, чувствуя, как пересохло у меня во рту. Но руки у них действительно были связаны. Я не мог оторвать взгляда от их рук.

– Может. Если они сильно хотели, Дэвид, то может.

– Но почему?

– Я думаю, ты знаешь почему. Конечно, летние туристы вроде этого парня, Миллера, не поймут, но здесь есть и местные, которые вполне могут догадаться.

– «Проект “Стрела”»?

– Я целыми днями стою у касс, – сказал Олли, – и многое слышу. Всю весну до меня доходили разные слухи про эту чертову «Стрелу», но ни одного хорошего. Черный лед на озере...

Я вспомнил, как Билл Джости наклонился к окну моей машины,дохнув мне в лицо теплым алкогольным перегаром... Не просто атомы, а *другие* атомы. А теперь эти тела, свисающие с трубы под потолком. Склоненные набок головы...

С ужасом я начал осознавать, что где-то во мне открываются новые двери восприятия. Только новые ли? Скорее старые. Двери восприятия ребенка, еще не научившегося защищать себя тоннельным зрением, которое не позволяет видеть девяносто процентов окружающего. Дети видят все, на что падает их взгляд, и слышат все, что находится в пределах слышимости. Но если жизнь – это рост сознания, тогда она еще и сужение восприятия.

Страх расширяет перспективу и обогащает восприятие, и мне было страшно осознавать, что я погружаюсь туда, откуда большинство из нас уходят, когда из пеленок перебираются в ползунки. Я видел то же самое на лице Олли. Когда рациональное рушится, происходит перегрузка цепей человеческого мозга. Нервные клетки раскаляются добела и начинают вибрировать. Галлюцинации превращаются в реальность: в том месте, где перспектива заставляет сходиться параллельные линии, действительно появляется ртутная лужа; мертвые встают и заговаривают; розы начинают петь...

– Я слышал кое-что. Сразу от нескольких человек, – продолжил Олли. – Джастин Робардс, Ник Точай, Бен Майклсон. В маленьких городках секретов не бывает. Что-то обязательно всплывет. Иногда это как родник: он просто выбивается из-под земли, и никто не знает, откуда он взялся. Ты что-то услышал в библиотеке, передал кому-то другому. Или на пристани в Харрисоне... Бог знает, где еще или почему. Но все лето я слышу: «Проект “Стрела”», «Проект “Стрела”»...

– Но эти двое... – сказал я. – Боже, Олли, они еще совсем мальчишки.

– Во Вьетнаме такие мальчишки отрезали у местных уши. Я был там. Я видел.

– Но... что заставило их сделать это?

– Я не знаю. Может быть, они что-то знали. Или только догадывались. Но они, видимо, понимали, что люди в конце концов начнут задавать им вопросы. Если мы доживем до этого конца концов.

– Если ты прав, – сказал я, – то это должно быть что-то действительно кошмарное.

– Буря, – сказал Олли мягким ровным голосом. – Может, там что-то повредило во время бури. Может, случилась какая-то катастрофа. Кто знает, чем они там занимались? Некоторые утверждают, что там экспериментировали с высокомоощными лазерами и мазерами. А иногда я слышу про термоядерную энергетику. Вдруг они... Вдруг они прокололи дыру в какое-нибудь другое измерение?

– Бред, – сказал я.

– А они? – спросил Олли, показывая на трупы.

– Они нет. Но сейчас перед нами другая проблема. Что мы будем делать?

– Я думаю, надо срезать их и спрятать, – тут же предложил Олли. – Завалить чем-нибудь, что никому не понадобится. Собачьими консервами, стиральным порошком или еще чем. Если люди об этом узнают, будет только хуже. Именно поэтому я к тебе и пришел, Дэвид. Я никому больше не мог довериться.

– Как нацистские военные преступники, – пробормотал я, – которые кончали с собой в камерах, когда война была проиграна.

– Да. Я тоже об этом подумал.

Мы замолчали, и неожиданно снаружи из-за стальной загрузочной двери снова донеслись скребущие звуки шупалец, ползающих у входа. Мы невольно встали ближе друг к другу, и я почувствовал, как по коже у меня бегает мурашки.

– О'кей.

– Быстро закончим и обратно, – сказал Олли. В свете фонарика тускло блеснуло его сапфировое кольцо. – Я хочу убраться отсюда поскорее.

Я взглянул вверх. Солдаты воспользовались той же самой бельевой веревкой, которой я обвязывал мужчину в шапочке для гольфа. Петли врезались в распухшую кожу на шее, и я снова подумал: «Что же заставило их пойти на это?» Олли был прав, когда сказал, что будет

только хуже, если об этом двойном самоубийстве станет известно другим. Мне уже стало хуже, хотя до этого я думал, что хуже некуда.

Олли со щелчком открыл свой нож, отличный тяжелый нож, удобный для того, чтобы вскрывать картонные коробки. И разумеется, перерезать веревки.

– Ты или я? – спросил он.

– Каждому по одному, – ответил я, проглотив комок в горле.

И мы сделали это.

Когда я вернулся, Аманды не было, а с Билли сидела миссис Терман. И он, и она спали. Я пошел вдоль одного из проходов и услышал:

– Мистер Дрэйтон. Дэвид. – Аманда стояла у лестницы, ведущей в кабинет менеджера. Глаза ее сверкали изумрудами. – Что там случилось?

– Ничего, – ответил я.

Она подошла ближе, и я уловил слабый запах духов. Боже, как я ее хотел.

– Ты обманываешь меня, – сказала она.

– В самом деле ничего. Ложная тревога.

– Как скажешь. – Она взяла меня за руку. – Я только что поднималась в кабинет. Там пусто, и дверь запирается. – Лицо ее было совершенно спокойно, но в глазах светился какой-то неистовый огонь, и на шее билась маленькая жилка.

– Я не...

– Я видела, как ты смотрел на меня, – сказала она. – Едва ли нам нужно об этом говорить. Терман побудет с твоим сыном.

– Да. – Мне пришло в голову, что именно так, может быть, не лучшим образом, но именно так я смогу снять с себя заклятие только что проделанной мной и Олли работы. Не лучший способ, но единственный.

Мы поднялись в кабинет по узкой лестнице. Как Аманда и сказала, он пустовал. И дверь запиралась. Я повернул ручку. В темноте она была лишь формой. Я вытянул руки вперед, коснулся ее и прижал к себе. Она дрожала. Мы опустились на пол, целуя друг друга, сначала на колени, и я положил ладонь на ее твердую грудь, ощущая через кофточку быстрое биение ее сердца. Я вспомнил, как Стеффи говорила Билли, чтобы он не трогал упавшие провода. Вспомнил синяк на ее бедре, когда она сняла свое коричневое платье вечером в день обручения. Вспомнил, как я, направляясь с папкой рисунков под мышкой в класс Винсента Хартгена, увидел ее в первый раз проезжающей на велосипеде мимо меня по аллее в университете в Ороно.

Мы упали, и она сказала:

– Люби меня, Дэвид. Сделай, чтобы мне было тепло.

Чуть позже она назвала меня чужим именем, но я не возражал: это нас как-то уравнило.

Когда мы спустились вниз, уже, крадучись, подступала заря. Чернота в проемах между мешками с удобрениями очень неохотно уступила место гусиному серому цвету, потом желтоватому и, наконец, яркой безликой матовой белизне экрана кинотеатра на открытом воздухе. Майк Хатлен спал в своем кресле, которое он неизвестно где выкопал. Ден Миллер сидел неподалеку на полу и уминал пончик, посыпанный сахарной пудрой.

– Садитесь, мистер Дрэйтон, – пригласил он.

Я оглянулся на Аманду, но она была в середине прохода и шла не оборачиваясь. Наша близость в темноте уже начала казаться мне чем-то из области фантазии, чем-то, во что невозможно поверить даже при таком странном дневном свете. Я сел.

– Берите пончик. – Он протянул мне коробку.

Я покачал головой:

– Эта сахарная пудра – верная смерть. Хуже сигарет.

– Тогда возьмите два, – сказал он, рассмеявшись.

Я с удивлением обнаружил, что во мне тоже осталось немного смеха. Он выманил его из меня и этим мне понравился. Я взял два пончика, и они оказались довольно приятными на вкус. После них я еще выкурил сигарету, хотя обычно не курю по утрам.

– Мне надо к сыну, – сказал я. – Он скоро проснется.

Миллер кивнул.

– Эти розовые жуки... – сказал он. – Все исчезли. И птицы. Хэнк Ваннерман сказал, что последняя ударилась в окно около четырех. Видимо, этот зверинец гораздо активнее, когда темно.

– Брент Нортон так бы не сказал, – заметил я. – И Норм.

Он снова кивнул, помолчал, потом закурил сигарету и взглянул на меня.

– Мы не можем здесь долго оставаться, Дрэйтон, – сказал он.

– Здесь полно еды. И есть что пить.

– Запасы к этому делу не имеют никакого отношения, как ты сам прекрасно понимаешь. Что мы будем делать, если одна из этих больших зверюг решит к нам вломиться? Вместо того чтобы просто топтать по ночам снаружи? Будем отгонять ее швабрами и угольной растопкой?

Конечно же, он был прав. Может быть, туман защищал нас в какой-то степени. Прятал. Но не исключено, что это ненадолго, и, кроме того, меня тревожили другие соображения. Мы пробыли в «Федерал фудс» примерно восемнадцать часов, и я уже чувствовал, как что-то вроде летаргии охватывает меня, что-то очень похожее на оцепенение, которое я ощущал, заплыв слишком далеко. Хотелось остаться, не рисковать, продолжать заботиться о Билли («...и может быть, еще раз трахнуть Аманду Дамфрис посреди ночи», – прошептал голосок в голове), подождать, вдруг туман разойдется и все станет по-прежнему.

То же самое я видел на других лицах, и мне пришло в голову, что сейчас в супермаркете есть люди, которые не уйдут отсюда ни при каких обстоятельствах. После того, что случилось, одна мысль о том, что нужно выйти за дверь, заморозит их.

Миллер следил, вероятно, как эти мысли отражаются на моем лице, потом сказал:

– Когда появился этот чертов туман, здесь было человек восемьдесят. Из этого количества вычти носильщика, Нортон, четверых, что были с ним, и Смолли. Остается семьдесят три.

«А если вычтешь еще двух солдат, что лежат теперь под мешками щенячьей кормежки, остается семьдесят один».

– Затем вычти людей, которые просто свихнулись, – продолжал он. – Их человек десять-двенадцать. Скажем, десять. Остается шестьдесят три. Но... – Он поднял испачканный в сахарной пудре палец. – Из этих шестидесяти трех человек двадцать никуда не пойдут, даже если их тащить и толкать.

– И что это все доказывает?

– Что надо отсюда выбираться, вот и все. Я иду около полудня, я думаю. И собираюсь взять с собой столько людей, сколько пойдут. Я бы хотел, чтобы ты и твой парень пошли со мной.

– После того, что случилось с Нортонем?

– Нортон пошел, как баран на бойню. Это не означает, что я или люди, которые пойдут со мной, должны поступать так же.

– Как ты можешь этому помешать? У нас всего один пистолет.

– Хорошо хоть один есть. Но если нам удастся пройти через перекресток, может быть, мы попадем в «Спорт-мэнс эксчейндж» на Мэйн-стрит. Там оружия более чем достаточно.

– Тут на одно «если» и на одно «может быть» больше, чем нужно.

– Дрэйтон, – сказал он, – мы вообще попали в довольно сомнительную ситуацию.

Это у него легко сошло с языка, но у него не было маленького сына, о котором нужно заботиться.

– Слушай, давай пока все это оставим, о'кей? Я не очень много спал сегодня ночью, зато имел возможность о многом подумать. Хочешь, поделюсь?

– Конечно.

Он встал и потянулся.

– Пойдем пройдемся со мной к окну.

Мы прошли вдоль касс, около хлебных полок и остановились у одного из проемов.

– Все эти твари исчезли, – сказал дежуривший там мужчина.

Миллер хлопнул его по спине:

– Можешь сходить выпить кофе. Я постою за тебя.

– О'кей. Спасибо.

Он ушел, и мы с Миллером подошли к проему.

– Скажи мне, что ты там видишь, – попросил он.

Я посмотрел в окно. Очевидно, одна из летающих тварей опрокинула ночью мусорный бак, рассыпав по асфальту бумажки, банки и пластиковые стаканчики. Чуть дальше исчезал в тумане ряд ближайших к магазину автомашин. Больше я ничего не видел и так ему и сказал.

– Вон тот голубой пикап «шевроле» мой, – сказал он, указывая рукой, и я различил в тумане намек на что-то голубое. – Но если ты помнишь, вчера, когда ты подъезжал, стоянка была почти полна, не так ли?

Я взглянул на свой «скаут», вспоминая, что мне удалось поставить машину близко к входу в магазин только потому, что кто-то освободил место, и кивнул.

– А теперь, Дрэйтон, – сказал Миллер, – присоединим к этому факту еще кое-что. Нортон и его четверка... Как ты их назвал?

– «Общество Верящих, Что Земля Плоская».

– Отлично. Прямо в точку. Они выбрались, так? И прошли почти всю длину веревки, а потом мы слышали этот рев, словно там бродило целое стадо слонов. Так?

– Это не было похоже на слонов, – сказал я. – Скорее на...

«На что-то из доисторических болот», – просилось на язык, но я не хотел говорить этого Миллеру после того, как он хлопнул этого парня по спине и отослал пить кофе, словно тренер, выводящий игрока из большой игры. Я мог бы сказать это Олли, но не Миллеру.

– Я не знаю, на что, – закончил я тихо.

– Но, судя по звуку, это было что-то большое.

– Да, пожалуй. И я полагаю, это еще мягко сказано.

– Тогда почему мы не слышали, как бьются машины? Скрежет металла? Звон стекла?

– Ну потому что... – Я замолчал. – Не знаю.

– Они никак не могли все выбраться со стоянки до того, как нас потрянуло, – сказал Миллер. – Я вот что думаю. Я думаю, мы не слышали этих звуков, потому что машин просто нет. Сквозь землю провалились, испарились, как хочешь... Если уж перекосило эти рамы, с полок все попадало... И городская сирена замолчала в тот же момент.

Я попытался представить себе половину автостоянки. Представил, как я иду и подхожу к свежему провалу в земле, где кончается асфальт с аккуратно расчерченными желтой краской местами для автомашин. Провал, склон или, может быть, бездонная пропасть, затянутая ровным белым туманом...

– Если ты прав, – сказал я через пару секунд, – то как далеко, ты думаешь, ты уедешь на своем пикапе?

– Я про него не думал. Я думал про твою машину с четырехколесным приводом.

Об этом, конечно, стоило подумать, но не сейчас.

– Что у тебя на уме?

– Соседняя аптека, – не заставляя себя упрашивать, продолжил Миллер. – Об этом я тоже думал. Что ты на это скажешь? – Я открыл было рот, собираясь сказать, что не имею ни малейшего представления, о чем он говорит, но тут же и закрыл. Когда мы подъезжали к магазину, бриджтонская аптека работала. Прачечную закрыли, но аптека работала. Чтобы впустить свежий воздух, они открыли двери настежь и застопорили их резиновыми колодками, потому что кондиционеры у них, как и везде, остались без электричества. Дверь в аптеку должна быть не дальше двадцати футов от входа в магазин. Тогда почему...

– Почему никто из тех людей не пришел к нам? – задал за меня вопрос Миллер. – Ведь прошло восемнадцать часов. Они должны проголодаться. Не могут же они питаться «дристином» и гигиеническими пакетами.

– Там есть продукты, – сказал я. – Они всегда продают что-нибудь. Крекеры, выпечку и всякую всячину. Плюс кондитерский прилавок.

– Я не думаю, что они стали бы сидеть на такой диете, когда здесь столько всего.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что я хочу смотаться отсюда, но не хочу стать обедом для какого-нибудь беглеца из второсортного фильма ужасов. Четверо или пятеро из нас могут сходить и проверить ситуацию в аптеке. Своего рода пробный шар.

– Это все?

– Нет, есть еще одно дело.

– Что еще?

– Она, – сказал Миллер и ткнул пальцем в направлении одного из средних проходов. – Эта сумасшедшая стерва. Ведьма.

Указывал он на миссис Кармоди. Она уже была не одна: к ней присоединились две женщины. По их яркой одежде я заключил, что они из тех, которые приезжают сюда на лето, леди, оставившие, может быть, дома семьи, чтобы «сгонять в город и кое-что купить», и теперь снедаемые беспокойством за своих мужей и детей. Леди, готовые ухватиться за любую соломинку. Даже за мрачные утешения миссис Кармоди.

Ее брючный костюм высвечивался в темноте все с тем же зловещим великолепием. Она говорила и жестикулировала непрерывно с мрачным и твердым лицом. Две леди в ярких платьях (не таких ярких, как одеяние миссис Кармоди, которая все еще держала свою похожую на мешок сумку, прижимая ее к себе пухлой рукой) внимали каждому ее слову.

– Она – это еще одна причина, почему я хочу убраться отсюда, Дрэйтон. К вечеру рядом с ней будет уже шесть человек. А если розовые твари и птицы вернутся сегодня ночью, завтра утром у нее будет целая конгрегация. И тогда уже нужно будет беспокоиться о том, кого она прикажет им принести в жертву, чтобы результат был получше. Может быть, меня, или тебя, или этого Хатлена. Может, твоего сына.

– Бред какой-то, – сказал я.

Но так ли это? Холодок, пробежавший у меня по спине, подсказывал, что, может быть, он прав. Губы миссис Кармоди двигались и двигались, а дамы-туристки не отрываясь следили за ее морщинистыми губами. Бред? Я вспомнил пыльные чучела, пьющие воду из зеркального ручья. Миссис Кармоди обладала какой-то силой. Даже Стефф, обычно рациональная и рассудительная, упоминала ее имя с некоторой настороженностью.

«Сумасшедшая стерва, – назвал ее Миллер. – Ведьма».

– Люди, что остались здесь, испытывают на себе такое воздействие... Это как восьмой круг ада, – сказал Миллер и, показав жестом на выкрашенные красной краской рамы, обрамляющие стекла, перекошенные, выгнутые, потрескавшиеся, добавил: – Их мозги сейчас – как эти вот рамы. Уж про себя я точно могу сказать. Половину прошлой ночи я думал, что свихнулся, что на самом деле я в смиренной рубашке где-нибудь в Данверсе, что я просто вообразил этих розовых тварей, доисторических птиц, щупальца, и все это исчезнет, когда войдет

хорошенькая медсестра и вколет мне в руку успокоительное. – Его маленькое лицо побелело и напряглось. Он посмотрел на миссис Кармоди, затем снова на меня. – Я скажу тебе, что произойдет. Чем больше люди свихиваются, тем лучше для некоторых она будет выглядеть. И я не хочу тут оставаться, когда это случится.

Губы миссис Кармоди продолжали шевелиться. Язык танцевал среди ее старческих кривых зубов. Она и в самом деле походила на ведьму. Надеть на нее черный остроконечный колпак, и это станет очевидно. О чем она говорит там с этими двумя пойманными пташками в летней расцветки перьях?

О «Проекте “Стрела”»? О Черной Весне? Об исчадиях ада? О человеческом жертвоприношении?

Чушь.

И все же...

– Что ты скажешь?

– Кое с чем я согласен, – ответил я. – Мы попробуем сходить в аптеку. Ты, я, Олли, если он захочет, еще кто-нибудь, один-два человека. Потом обговорим остальное...

Даже это вызвало у меня такое чувство, словно я иду по узкому бревну над бездонной пропастью. Я едва ли помогу Билли, погибнув. Но с другой стороны, я едва ли помогу ему, просто просиживая здесь зад. Двадцать футов до аптеки. Не так уж плохо.

– Когда? – спросил он.

– Дай мне час.

– О'кей.

Глава 9. Экспедиция в аптеку

Я рассказал миссис Терман и Аманде, потом рассказал Билли. В то утро он, похоже, чувствовал себя уже лучше: на завтрак съел два пончика и миску каши. После этого я пробежал с ним туда и обратно вдоль двух проходов наперегонки и даже немного рассмешил. Дети так приспособливаются, что это иногда просто пугает. Он был бледен, мешки под глазами от слез, выплаканных ночью, еще не прошли, и все лицо его имело какой-то ужасно изможденный вид. Чем-то оно теперь напоминало лицо старика, словно слишком большое эмоциональное напряжение слишком долго держалось за этим лицом. Но он оставался подвижен и все еще мог смеяться, по крайней мере до тех пор, пока снова не вспоминал, где находится и что происходит.

После забегов мы сели вместе с Амандой и Хэтти Терман, попили кофе из бумажных стаканчиков, и я рассказал им, что собираюсь идти в аптеку еще с несколькими людьми.

– Я не хочу, чтобы ты ходил, – немедленно заявил Билли, мрачней.

– Все будет в порядке, Большой Билл. Я тебе принесу комиксы про Человека-Паука.

– Я хочу, чтобы ты остался. – Теперь он был не просто мрачен, теперь веяло грозой.

Я взял его за руку, но он тут же ее отдернул. Я снова взял его за руку.

– Билли, рано или поздно нам придется отсюда выбираться. Ты ведь это понимаешь?

– Когда туман разойдется. – Но он произнес это без всякого убеждения в голосе, медленно и без удовольствия прихлебывая кофе.

– Билли, мы здесь уже почти целый день.

– Я хочу к маме.

– Может быть, это первый шаг, чтобы мы могли к ней попасть.

– Не надо, чтобы мальчик сильно надеялся на это, Дэвид, – сказала миссис Терман.

– Черт! – сорвался я. – Нужно же ему на что-то надеяться!

Миссис Терман опустила глаза.

– Да. Может быть, нужно.

Билли ничего этого не заметил.

– Папа... Там же всякие... чудовища, папа.

– Мы знаем. Но большинство из них – не все, но большинство – похоже, выходят только ночью.

– Они подстергут вас, – сказал он, глядя на меня огромными глазами. – Они будут ждать вас в тумане, и, когда вы будете возвращаться, они вас съедят. Как в сказках. – Он крепко обнял меня с какой-то панической страстностью. – Не ходи, пожалуйста, папа.

Я как мог осторожно расцепил его руки и объяснил, что должен идти.

– Я вернусь, Билли.

– Ладно, – произнес он хрипло, но больше не смотрел на меня. Он не верил, что я вернусь, и это было написано на его лице, уже не гневном, а печальном и тоскующем.

Я снова подумал, правильно ли делаю, подвергая себя такому риску, но потом взгляд мой случайно остановился на среднем проходе, где сидела миссис Кармоди. У нее появился третий слушатель, небритый мужчина со злыми, налитыми кровью глазами. Его насупленные брови и трясущиеся руки просто кричали слово «похмелье», и это был не кто иной, как Майрон Ляфлер. Человек, бездумно пославший мальчика выполнять работу мужчины.

«Сумасшедшая стерва. Ведьма».

Я поцеловал Билли и крепко прижал его к себе. Затем пошел к витрине, но не через проход с посудой: не хотел лишний раз попадаться на глаза миссис Кармоди. Когда я прошел уже три четверти пути, меня догнала Аманда.

– Ты в самом деле должен это сделать? – спросила она.

– Да, думаю, должен.

– Извини, но все это мне кажется просто мужской бравадой. – Щеки ее покраснелись, а глаза стали зеленее обычного. Она боялась, очень боялась.

Я взял ее под руку и пересказал свой разговор с Деном Миллером. Загадка с машинами и тот факт, что никто не пришел к нам из аптеки, ее не очень тронули. Зато тронули предположения относительно миссис Кармоди.

– Возможно, он прав, – сказала она.

– Ты серьезно в это веришь?

– Не знаю. Но в этой женщине есть что-то ядовитое. И если людей пугать достаточно сильно и достаточно долго, они пойдут за любым, кто пообещает спасение.

– Но человеческие жертвоприношения, Аманда?

– Аптеки это делали, – сказала она ровно. – Послушай, Дэвид. Ты обязательно возвращайся. Если что-нибудь случится, хоть что-нибудь, сразу возвращайся. Бросай все и беги. Не ради меня. То, что случилось ночью, было хорошо, но это было ночью. Возвращайся ради сына.

– Хорошо. Обязательно.

– Дай Бог тебе... – Теперь она выглядела, как Билли, усталой и постаревшей. Мне пришлось в голову, что так выглядим почти все мы. Но не миссис Кармоди. Миссис Кармоди стала моложе и как-то ожила. Словно она попала в свою среду. Словно... Словно все это шло ей на пользу.

Собрались мы не раньше 9.30 утра. Пошли семеро: Олли, Ден Миллер, Майк Хатлен, бывший приятель Майрона Ляфлера Джим (тоже с похмелья, но преисполненный решимости каким-то образом загладить свою вину), Бадди Иглтон и я. Седьмой была Хильда Репплер. Миллер и Хатлен вполсилы попытались отговорить ее, но это оказалось невозможно. Я даже не пытался, подозревая, что она может оказаться более подготовленной, чем любой из нас, за исключением, может быть, Олли. В одной руке она держала небольшую полотняную сумку, загруженную аэрозольными баллончиками с инсектицидами «Рэйд» и «Черный флаг», уже без колпачков и готовыми к употреблению. В другой руке несла теннисную ракетку из секции спортивного инвентаря в проходе номер два.

– Что вы собираетесь с ней делать, миссис Репплер? – спросил я.

– Не знаю, – сказала она низким и хриплым, однако уверенным голосом, – но она хорошо сидит в руке. – Потом миссис Репплер взглянула на Джима пристально, и глаза ее остыли. – Джим Грондин, не так ли? Ты учился у меня в школе?

Губы Джима растянулись в некоем подобии неловкой улыбки.

– Да, мэм. Я и моя сестра Полин.

– Слишком много выпил вчера?

Джим, выше ее на голову и тяжелее, должно быть, фунтов на сто, густо покраснел до самых корней коротких волос.

– Э-э-э, нет.

Она резко отвернулась, обрывая его жестом.

– Я думаю, мы готовы, – сказала она.

Каждый из нас держал что-то в руках, хотя выглядел такой набор оружия довольно-таки странно. У Олли был пистолет Аманды, Бадди Иглтон принес откуда-то стальной ломик. Я прихватил рукоятку от швабры.

– О'кей, – сказал Ден Миллер, повысив голос. – Прошу внимания!

Человек двенадцать добрались до выхода посмотреть, что происходит, и остановились нестройной группой. Справа от них стояла миссис Кармоди со своими новыми сторонниками.

– Мы собираемся в аптеку посмотреть, как там дела. Надеюсь, мы найдем что-нибудь для миссис Клапхем.

Так звали старушку, которую затоптали вечером, когда появились розовые твари. Ей сломали ногу, и она сильно мучилась от боли.

Миллер взглянул на нас.

– Мы не хотим рисковать, – сказал он. – И при первых же признаках опасности мигом вернемся в магазин...

– И приведете к нам эти исчадия ада, – выкрикнула миссис Кармоди.

– Она права! – поддакнула одна из «летних» дам. – Из-за вас они нас заметят! Вы при-
маните их сюда! Почему бы вам не успокоиться, пока все хорошо?

– Леди, это вы называете «все хорошо»? – спросил я.

В замешательстве она опустила взгляд. Миссис Кармоди с горящими глазами шагнула вперед.

– Ты умрешь там, Дэвид Дрэйтон! Ты хочешь, чтобы твой сын остался сиротой? – Она обвела нас всех взглядом. Бадди Иглтон опустил глаза и одновременно поднял ломик, словно защищаясь от ее злых чар.

– Вы все умрете там! Разве вы не поняли, что наступил конец света? Враг рода человеческого шагает по земле! Пылает адский огонь, и каждый, кто ступит за дверь, будет растерзан! Они придут за теми из нас, кто остался здесь, как сказала эта добрая женщина. Люди, вы позволите, чтобы это случилось? – Теперь она обращалась к собравшимся зрителям, и толпа зароптала. – После того, что случилось с неверящими вчера? Там смерть! Смерть! Там...

Банка зеленого горошка, пролетев через две кассы, ударилась ей в правую грудь. Миссис Кармоди, квавнув от неожиданности, замолчала. Вперед вышла Аманда.

– Заткнись, – сказала она. – Стервятница. Заткнись.

– Она служит нечистому! – опять заорала миссис Кармоди, и на губах ее заиграла нервная улыбка. – С кем ты спала прошлой ночью, миссис? С кем ты легла? Мать Кармоди все видит! Да! Мать Кармоди видит, чего не видят другие!

Но сотканые ею чары уже оборвались, и Аманда спокойно выдержала ее взгляд.

– Мы идем или будем стоять здесь целый день? – спросила миссис Репплер.

И мы пошли. Спаси нас Бог, мы пошли.

Ден Миллер шел первым. Олли вторым. Я шел последним, сразу за миссис Репплер. Наверное, я никогда в жизни так не боялся. Моя рука, сжимающая рукоятку от швабры, стала скользкой от пота.

Выйдя за дверь, я снова почувствовал тонкий неестественный едкий запах тумана. Миллер и Олли уже растворились в белизне, а Хатлена, шедшего третьим, едва было видно.

«Всего двадцать футов, – твердил я себе. – Всего двадцать футов».

Миссис Репплер медленно, но твердо шагала впереди меня, чуть покачивая зажатой в правой руке теннисной ракеткой. Слева от нас была красная шлакоблочная стена. Справа, как призрачные корабли, стояли в тумане машины первого ряда автостоянки. Потом из белизны возник еще один мусорный бак, а за ним скамейка, на которой люди иногда ждали очереди к телефону-автомату. «Всего двадцать футов. Миллер, наверное, уже там. Двадцать футов – это всего десять-двенадцать шагов, так что...»

– О Боже! – вскрикнул Миллер. – Боже милостивый! Вы только посмотрите!

Миллер действительно добрался до места.

Бадди Иглтон, шедший перед миссис Репплер, повернулся было, испуганно таращась огромными глазами, и хотел бежать. Она легонько толкнула его в грудь ракеткой.

– Куда это ты собрался? – спросила она строгим, чуть скрипучим голосом, и на этом паника прекратилась.

Мы догнали Миллера. Я бросил взгляд через плечо и увидел, что «Федерал фудс» скрыло туманом. Красная шлакоблочная стена становилась бледно-розовой и исчезала из виду полностью буквально в пяти футах от входа в супермаркет. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким изолированным, таким одиноким.

Внутри аптека больше всего напоминала бойню. Мы с Миллером почти угадали. Все твари, скрывающиеся в тумане, находили жертву в основном по запаху. И это логично. Зрение было бы для них почти бесполезно. От слуха толка ненамного больше, поскольку, как я уже писал, туман странным образом путает всю акустику: звуки, раздающиеся близко, делает далекими, а далекие иногда близкими. Эти твари из тумана шли, повинаясь самому верному чувству. Шли по запаху.

Тех, кто остался в супермаркете, в каком-то смысле спасло отсутствие электричества, потому что перестали работать двери с фотоэлементами, и, когда появился туман, магазин оказался как бы запечатанным. В аптеке же двери были открыты и застопорены. Когда прервалась подача электричества, перестали работать их кондиционеры, и они открыли двери, чтобы вошел свежий воздух. Однако со свежим воздухом вошло и еще что-то.

В дверях лежал на животе мужчина в бордовой рубашке. Вернее, это сначала я подумал, что она бордовая, а потом заметил несколько белых участков внизу и понял, что недавно рубашка была белой целиком. Бордовой она стала от высохшей крови. Что-то еще было не так, и я долго не мог сообразить что. Даже когда Бадди Иглтона громко стошнило, до меня и то дошло не сразу. Видимо, когда с людьми случается что-то столь необратимое, мозг отказывается принимать это сразу. Если вы не были на войне.

У мужчины не хватало головы. Ноги его лежали на пороге аптеки, и голове полагалось бы свисать с нижней ступеньки. Но ее просто не было.

Джиму Грондину этого оказалось достаточно. Он отвернулся, закрывая руками рот, взглянул на меня безумными красными глазами и, качаясь, поплелся обратно к магазину. Никто не обратил на него внимания. Миллер прошел внутрь. Майк Хатлен за ним. Миссис Репплер остановилась у одной из дверей с теннисной ракеткой в руках. Олли встал с другой стороны, держа в руке направленный в землю пистолет, и сказал:

– Кажется, я начинаю терять надежду, Дэвид.

Бадди Иглтон стоял, прислонившись к телефонной будке с видом человека, только что получившего плохие известия. Широкие плечи тряслись от рыданий.

– Не надо так сразу сбрасывать нас со счетов, – сказал я Олли и вошел в аптеку. Мне не хотелось этого делать, но я обещал Билли комиксы.

В аптеке царил сумасшедший хаос. Повсюду валялись книги в бумажных обложках и журналы. У самых моих ног лежали «Человек-Паук» и «Невероятная Громадина» – почти не задумываясь, я поднял их и сунул в задний карман. Бутылочки и коробочки с лекарствами были разбросаны по всему полу. Из-за прилавка свисала чья-то рука.

Меня охватило ощущение нереальности происходящего. Разгром, кровь – все это само по себе странно. Но помещение выглядело так, словно тут справляли какой-то сумасшедший праздник: повсюду висели, как мне сначала показалось, гирлянды и ленты. Не широкие и плоские, как обычно, а похожие или на толстые струны, или на тонкие провода. Я еще обратил внимание, что они такого же яркого белого цвета, как сам туман, и по спине у меня пробежал холодок нехорошего предчувствия. Если это не креп, то что же? С некоторых из «гирлянд» свисали, болтаясь в воздухе, книги и журналы.

Майк Хатлен пнул ногой какую-то странную черную штуку. Длинную и щетинистую.

– Что это за чертовщина? – спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно.

И внезапно я понял. Я знал, что убило всех этих людей, которым пришлось остаться в аптеке, когда нахлынул туман. Людей, которых нашли по запаху...

– Назад, – сказал я. В горле у меня совершенно пересохло, и слова вылетали коротко и сухо, как выстрелы. – Уходим.

Олли взглянул на меня.

– Дэвид?..

– Это паутина, – сказал я, и в этот момент с улицы донеслись два крика. Первый, возможно, от испуга, второй – от боли. Кричал Джим. Видимо, если есть такая штука, как долг судьбе, он теперь расплачивался.

– Бежим! – крикнул я Майку и Дену Миллеру.

Тут что-то взвилось в тумане. На белом фоне невозможно было разглядеть, что это, но я услышал звук, похожий на свист хлыста, которым хлопнули вполсилы. И когда он обвил ногу Бадди Иглтона, перехватив джинсы над коленом, я увидел.

Он вскрикнул и схватился за первое, что попало под руку, – телефон. Трубка соскочила и, пролетев на длину провода, закачалась у земли.

– О Боже! Больно! – закричал Бадди.

Олли подхватил его, и я, увидев, что случилось, понял, почему у человека, лежавшего на ступенях, не было головы. Тонкий белый «провод», закрутившись вокруг ноги Бадди, как шелковый шнур, начал врезаться в кожу. Штанина, отрезанная словно бритвой, стала сползать по ноге, а на коже, в том месте, где в нее врезался «провод», появился круглый надрез, брызжащий кровью.

Олли дернул его на себя. Раздался такой звук, будто что-то лопнуло, и Бадди освободился. Губы его посинели от испуга.

Майк и Ден тоже двинулись назад, но слишком медленно. Ден налетел на несколько растянутых веревок и прилип, как жук к липучке. С огромным усилием он высвободился, оставив кусок рубашки на паутине.

Внезапно воздух заполнило звуками щелкающих хлыстов, и отовсюду вокруг нас стали падать тонкие белые веревки. Пригнувшись, я увернулся от двух из них, но скорее благодаря везению, нежели ловкости. Одна упала у моих ног, и я услышал слабое шипение пузырящегося асфальта. Еще одна выплыла из тумана, и миссис Репплер хладнокровно отбила ее ракеткой. Веревка прилипла к ней накрепко, и я услышал тонкое «пинг-пинг-пинг» разьедаемой лопающейся лески. Звук был такой, словно кто-то быстро-быстро щипал скрипичные струны. Секундой позже еще одна веревка обмоталась вокруг верха ракетки, выдернула ее из рук миссис Репплер и унесла в туман.

– Назад! – крикнул Олли.

Мы бросились к магазину. Олли поддерживал Бадди. Ден Миллер и Майк Хатлен шли по обе стороны от миссис Репплер. Белые обрывки паутины продолжали вылетать из тумана, почти невидимые, разве только когда появлялись на фоне красной шлакоблочной стены.

Одна веревка обмоталась вокруг левой руки Майка Хатлена. Вторая перехлестнула его шею и затянулась после нескольких рывков. Вена на шее прорвалась, выбросив фонтан крови, и Майка с безвольно повисшей головой уволокло в туман. Один его ботинок свалился с ноги и остался лежать на мостовой.

Неожиданно Бадди стал падать вперед, и Олли чуть не рухнул на колени.

– Он потерял сознание, Дэвид. Помогите мне.

Я обхватил Бадди за пояс, и мы неуклюже поволокли его дальше. Даже потеряв сознание, Бадди не выпустил из рук стальной ломик. Нога, которую зацепило паутиной, торчала в сторону под каким-то неестественным углом.

Миссис Репплер обернулась.

– Осторожнее! – крикнула она хрипло. – Сзади!

Я начал оборачиваться, и в этот момент еще одна веревка опустилась на голову Дена Миллера. Он принялся рвать ее и отбивать руками.

Из тумана позади нас появился паук величиной с крупную собаку. Черный с желтыми полосками. «Как гоночный автомобиль», – пронеслась у меня в голове сумасшедшая мысль. Глаза его блестели красно-фиолетовым, гранатовым огнем. Он деловито приближался к нам, переступая двенадцатью или четырнадцатью лапами с множеством сочленений – не обычный

земной паук, увеличенный, словно для съемок фильма ужасов, а что-то совершенно другое, может быть, и не паук вовсе. Глядя на него, Майк Хатлен, очевидно, понял перед смертью, что он пинал ногой на полу аптеки.

Паук приближался к нам, выпуская паутину из отверстия сверху живота. Веревки плыли к нам почти правильным веером. Глядя на этот кошмар, так похожий на черных пауков, застывших над мертвыми мухами и жуками в полутьме нашего лодочного сарая, я чувствовал, что вот-вот сойду с ума. Наверное, только мысль о Билли позволила мне сохранить какое-то подобие способности рассуждать. Кажется, я смеялся, или плакал, или кричал. Не помню.

Олли, однако, держался совершенно хладнокровно. Он плавно поднял пистолет, словно был в стрелковом тире, и в упор, с равномерными промежутками, всадил весь барабан в отрапательное существо. Из какой бы преисподней его ни вынесло, неуязвимым оно не было. Черная кровь брызнула из его ран. Паук издал мерзкий мяукающий звук, такой низкий, что он скорее чувствовался, чем слышался, как басовая нота на синтезаторе, и, метнувшись в туман, исчез. Можно было бы подумать, что это плод воображения, чудовищный наркотический бред, если бы не лужа липкой черной жидкости, которую он оставил после себя.

Звякнул об асфальт ломик, который Бадди наконец выпустил из рук.

– Он мертв, – сказал Олли. – Отпусти его, Дэвид. Эта чертовщина зацепила его бедренную артерию, и он умер. Давай, к черту, сваливать отсюда. – Большое круглое лицо его снова покрылось потом, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Одна из «веревочек» коснулась, опускаясь, тыльной стороны его ладони, и он одним резким движением отдернул руку. На коже осталась кровавая полоска.

Миссис Репплер снова закричала: «Берегись!», и мы обернулись в ее сторону. Еще один паук выбежал из тумана и обхватил своими лапами Дена Миллера, словно в диком любовном объятии. Ден отбивался кулаками. Я успел лишь наклониться и подхватить ломик Бадди, а паук уже принялся опутывать Миллера своей смертоносной паутиной, превратив его попытки высвободиться в мрачный танец смерти.

Миссис Репплер приблизилась к пауку, держа в вытянутой руке баллончик с инсектицидом. Когда несколько паучьих лап потянулись в ее сторону, она нажала кнопку и выпустила струю яда прямо в его сверкающие, словно рубины, глаза. Я снова услышал тот мяукающий звук. Паук задрожал всем телом и стал, пошатываясь, пятиться, царапая волосатыми лапами по асфальту и волоча за собой перекатывающееся и подпрыгивающее тело Дена. Миссис Репплер швырнула в него банкой инсектицида. Банка отскочила от паука и покатила по асфальту. Паук врезался в дверцу маленькой спортивной машины с такой силой, что та закачалась на рессорах, потом скрылся во мгле.

Я подбежал к едва державшейся на ногах, бледной миссис Репплер и подхватил ее рукой.

– Благодарю вас, молодой человек, – сказала она. – Мне вдруг стало плохо.

– Ничего, – хрипло ответил я.

– Я спасла бы его, если бы могла.

– Я знаю.

Олли присоединился к нам, и мы бросились к дверям магазина, уворачиваясь от падающих веревок. Одна из них опустилась на сумку миссис Репплер и тут же проела полотняный бок. Миссис Репплер обеими руками пыталась удержать свою сумку, но проиграла, и она покатила вслед за веревкой в туман. Когда мы были уже у самого входа в магазин, из тумана вдоль стены здания выбежал маленький паук, не больше щенка кокер-спаниеля. Паутину он не выбрасывал: видимо, еще не дорос.

Олли надавил плечом на дверь, пропуская вперед миссис Репплер, а я в этот момент с размаху всадил в паука стальной прут, наколов его словно на дротик. Он бешено задергался, заскреб лапами воздух; его красные глаза нашли мои глаза и устались, будто запоминая.

– Дэвид! – Олли еще держал дверь.

Я бросился внутрь, он сразу за мной.

Нас встретили бледные испуганные лица. Мы уходили всемером, а вернулись только трое. Олли, тяжело дыша, прислонился к тяжелой стеклянной двери и принялся перезаряжать пистолет. Его белая рубашка прилипла к телу, а под руками расплылись огромные серые пятна пота.

– Что там? – спросил кто-то низким хриплым голосом.

– Пауки, – мрачно ответила миссис Репплер. – Мерз-кие твари утащили мою сумку.

Тут Билли, просочившись сквозь толпу, бросился ко мне, вытянув вперед руки, и я крепко обнял его.

Глава 10. Чары миссис кармоди. Вторая ночь в магазине. Последняя конфронтация

Пришла моя очередь спать, и про эти четыре часа я ничего не помню. Аманда сказала, что я много говорил, вскрикивал пару раз, но я не помню никаких снов. Проснулся я уже во второй половине дня, испытывая ужасную жажду. Молоко начало скисать, но пока скисло не все, и я выпил целую кварту.

Вскоре к нам с Билли и миссис Терман присоединилась Аманда. С ней подошел старик, предлагавший сходить за ружьем. Корнелл, вспомнил я. Амброз Корнелл.

– Как ты, сынок? – спросил он.

– Все в порядке. – Но я еще хотел пить, и у меня болела голова. И самое главное, я боялся. Обняв Билли, я посмотрел на Корнелла и Аманду, потом спросил: – Что нового?

– Мистер Корнелл беспокоится насчет этой миссис Кармоди. Я тоже.

– Билли, почему бы тебе со мной не прогуляться? – спросила Хэтти.

– Не хочу, – ответил Билли.

– Прогуляйся немного, Большой Билл, – сказал я, и он с неохотой ушел.

– Что там насчет миссис Кармоди? – спросил я.

– Она продолжает мутить воду, – сказал Корнелл и посмотрел на меня с какой-то особой старческой удрученностью. – Я думаю, мы должны прекратить это. Любым доступным способом.

– С ней уже больше десяти человек, – добавила Аманда. – Это какая-то дикая религиозная служба.

Я вспомнил разговор с одним своим другом, писателем из Отисфилда, который зарабатывал на жизнь себе, жене и двум детям, разводя кур и выпуская по одной новой книжке в год. Шпионские романы. Мы разговорились о растущей популярности книг, касающихся сверхъестественных явлений, и Голт заметил, что еще в сороковые годы журнал «Дикие истории» мог платить авторам лишь жалкие гроши, а в пятидесятых и совсем обанкротился. Когда машины выходят из строя, сказал он (в это время его жена собирала в курятнике яйца, а снаружи сердито кукарекали петухи), когда технология терпит крах, когда система привычных религий рушится, людям все равно нужна какая-то опора. И даже зомби, крадущиеся в ночи, могут показаться явлением достаточно привлекательным по сравнению с экзистенциалистской комедией ужасов, вызванной к жизни разрушением озонового слоя под общим натиском миллионов аэрозольных баллончиков с дезодорантами.

Мы сидели в осаде уже двадцать шесть часов и не смогли сделать абсолютно ничего. Результатом нашей единственной экспедиции наружу стали пятидесятисемипроцентные потери. Неудивительно, что акции миссис Кармоди растут.

– У нее в самом деле уже больше десятка человек? – спросил я.

– На самом деле только восемь, – ответил Корнелл. – Но она говорит непрерывно. Это черт знает что.

Восемь человек. Не так много. Не хватит даже на суд присяжных. Но я понимал беспокойство, отражавшееся на их лицах. Восьмерых было достаточно, чтобы сделать их самой большой политической силой в супермаркете, особенно теперь, когда не стало Дена и Майка. И мысль о том, что самая большая политическая сила в нашей замкнутой системе внимает каждому ее слову об ужасах ада и чашах гнева Господня, вызывала у меня чертовски сильную клаустрофобию.

– Она опять начала болтать о человеческих жертвоприношениях, – сказала Аманда. – Бад Браун подошел к ней и велел прекратить эти мерзкие разговоры в его магазине. Двое мужчин, что теперь с ней – один из них, кстати, Майрон Ляфлер, – сказали, чтобы он сам заткнулся,

потому что, мол, это еще свободная страна. Он не заткнулся, и произошла... Ну в общем, немного помахали руками, я бы сказала.

– Брауну разбили нос, – добавил Корнелл. – Они всерьез готовы на многое.

– Но не на убийство же в самом деле, – сказал я.

– Я не уверен, как далеко они зайдут, – мягко произнес Корнелл, – если туман не развеется. Но я не хотел бы узнать. Я собираюсь дать отсюда ходу.

– Легче сказать, чем сделать. – Но какие-то мысли зашевелились у меня в голове. Запах. Вот ключ к решению. Здесь, в магазине, мы были более или менее в безопасности. Розовых тварей, видимо, привлекал свет фонарей, как обычных насекомых. Но чудовища побольше не трогали нас до тех пор, пока мы не высывались. Бойня в аптеке произошла именно потому, что там оставили двери открытыми. В этом я не сомневался. То существо или, скажем, существа, что прикончили группу Нортон, по звуку казались огромными, как дом, но они не приближались к супермаркету. А это означало...

Мне срочно понадобилось переговорить с Олли Виксом. Я просто должен был с ним поговорить.

– Я или выберусь отсюда, или погибну, – сказал Корнелл. – Я не собираюсь жить тут все лето.

– Четверо уже покончили с собой, – неожиданно сказала Аманда.

– Что? – Первая мысль, пришедшая мне в голову вместе с чувством полувины, была о том, что тела солдат обнаружены.

– Снотворное, – коротко ответил Корнелл. – Я и еще несколько человек отнесли тела на склад.

Я чуть не засмеялся, подумав, что скоро у нас там будет настоящий морг.

– Уже темнеет, – сказал Корнелл. – Я хочу двигаться.

– Вы не доберетесь до своей машины, поверьте.

– Даже до первого ряда? Это ближе, чем до аптеки.

Я не ответил. Время еще не подошло.

Примерно через час я нашел Олли у пивного охладителя. Он пил пиво с бесстрастным лицом, но тоже, похоже, наблюдал за миссис Кармоди. Старуха не знала усталости. И она действительно снова обсуждала человеческое жертвоприношение, только теперь никто не говорил ей заткнуться. Некоторые из тех, кто еще днем раньше требовал, чтобы она замолчала, сегодня или были с ней, или по крайней мере охотно слушали. Других же оставалось все меньше.

– К завтрашнему утру она сможет их уговорить, – заметил Олли. – Может быть, нет, но, если это случится, кого, ты думаешь, она выберет?

Бад Браун перешел ей дорогу. Аманда. Тот человек, что ее ударил. И конечно, я.

– Олли, – сказал я, – я думаю, с полдюжины человек могут отсюда выбраться. Не знаю, как далеко мы уедем, но по крайней мере мы выберемся.

– Как?

Я выложил ему свой план. Ничего сложного я не предлагал. Если броситься бегом к моему «скауту» и всем быстро забраться внутрь, они не успеют ничего учуять. Во всяком случае, если закрыть окна.

– Но предположим, их привлечет какой-нибудь другой запах? – спросил Олли. – Например, выхлопные газы?

– Тогда нам крышка, – согласился я.

– Движение, – сказал он. – Движение машины в тумане тоже может привлечь их, Дэвид.

– Я не думаю. Без запаха жертвы они не нападут. Я действительно думаю, что в этом все дело.

– Но ты не уверен.

– Нет. Не уверен.

– Куда ты собираешься ехать?

– Сначала? Домой. За женой.

– Дэвид...

– Ладно. Проверить. Убедиться.

– Эти твари могут быть везде, Дэвид. Они могут напасть на тебя, как только ты выйдешь из машины.

– Если это случится, «скаут» твой. Я только прошу, чтобы ты позаботился о Билли, как и сколько сможешь.

Олли допил пиво и бросил банку в охладитель, где она со звоном упала на гору других пустых банок. Рукоять пистолета, который дала ему Аманда, торчала у него из кармана.

– На юг? – спросил он, глядя мне в глаза.

– Да, видимо, – сказал я. – Надо двигаться на юг и пытаться выбраться из тумана. Из всех сил пытаться.

– У тебя много бензина?

– Почти полный бак.

– Тебе не приходило в голову, что выбраться вдруг будет невозможно?

Мне приходило. Что, если это самое, с чем они там экспериментировали в «Проекте “Стрела”», перетянуло весь наш район в другое измерение с такой же легкостью, как люди выворачивают носок наизнанку?

– Приходило, – сказал я. – Но единственная альтернатива – это сидеть и ждать, кого миссис Кармоди выберет на почетную роль.

– Ты думал отправиться сегодня?

– Нет, сейчас уже поздно, а эти твари как раз ночью становятся активными. Я думал отправиться завтра утром, очень рано.

– Кого ты хочешь взять?

– Тебя, Билли, Хэтти Терман, Аманду Дамфрис. Этого старика Корнелла и миссис Репплер. Может быть, Бада Брауна тоже. Это уже восемь, но Билли может сесть к кому-нибудь на колени, и мы немного потеснимся.

Он ненадолго задумался.

– О'кей, – сказал он наконец. – Давай попробуем. Ты с кем-нибудь уже говорил?

– Нет. Пока не говорил.

– И я посоветую тебе пока никому ничего не говорить. Часов до четырех утра. Я приготавливаю пару пакетов продуктов под прилавком у кассы, ближайшей к выходу. Если нам повезет, мы сможем выскользнуть еще до того, как кто-нибудь что-нибудь заметит. – Взгляд его снова скользнул в сторону миссис Кармоди. – Если она узнает, она может попытаться помешать нам.

– Ты так думаешь?

Олли взял еще одну банку пива.

– Да, я так думаю.

Вторая половина дня – вчерашнего дня – прошла словно в замедленной съемке. Подползла темнота, снова превращая белый туман в грязно-желтый, и к половине девятого мир, оставшийся снаружи, медленно растворился в черноте.

Вернулись розовые твари, потом, бросаясь на окна и подхватывая розовых, появились твари-птицы. Что-то рыкало изредка в темноте, и один раз незадолго до полуночи раздалось долгое, протяжное «ааарруууу...». Люди повернулись к черным стеклам с испугом и ожиданием на лицах. Примерно такого звука можно, наверное, ожидать от самца крокодила в болоте.

Все шло примерно так, как и предсказал Миллер. К началу новых суток миссис Кармоди заполучила еще с полдюжины душ. Среди них оказался и мясник мистер Маквей. Он стоял со сложенными на груди руками и внимательно за ней наблюдал.

Миссис Кармоди разошлась не на шутку. Казалось, сон ей совсем не нужен. Ее проповедь – сплошной поток ужасов из Доре, Босха и Джонатана Эдвардса – продолжалась и продолжалась, неуклонно приближаясь к какому-то зловещему финалу. Группа ее сторонников уже начала бормотать вместе с ней и невольно раскачиваться взад-вперед, как «истинно верующие» на сходке. Пустые глаза лихорадочно блестели. Они полностью отделились чарам миссис Кармоди.

Около трех утра (проповедь продолжалась, и те, кого она не интересовала, ушли в дальний конец магазина, чтобы там попытаться хоть немного уснуть) я увидел, как Олли положил пакет с продуктами на полку под прилавком ближайшей к выходу кассы. Через полчаса он добавил туда еще один пакет. Похоже, кроме меня, его действий никто не заметил. Билли, Аманда и миссис Терман спали, прижавшись друг к другу, у опустошенной секции колбас. Я присоединился к ним и погрузился в тревожную дремоту.

В четыре пятнадцать по моим часам Олли меня разбудил. Рядом с ним стоял Корнелл, и глаза его блестели за стеклами очков.

– Время, Дэвид, – сказал Олли.

Я почувствовал, как от нервов кольнуло у меня в животе, но это быстро прошло. Я разбудил Аманду. Вопрос о том, что может произойти, когда Аманда и Стефани окажутся в одной машине, возникал у меня, но я не стал думать на эту тему: пока надо было принимать все как есть.

Ее замечательные зеленые глаза открылись и взглянули в мои.

– Дэвид?

– Мы хотим сделать попытку выбраться отсюда. Ты пойдешь с нами?

– О чем ты говоришь?

Я начал объяснять, потом разбудил миссис Терман, чтобы мне не пришлось повторять одно и то же дважды.

– Эта твоя теория насчет запахов, – спросила Аманда, – пока просто догадка?

– Да.

– Для меня это не имеет значения, – сказала Хэтти. Лицо ее стало бледным, и, несмотря на то что ей удалось поспать, под глазами темнели большие пятна. – Я готова на все, на любые шансы, только бы снова увидеть солнце.

«Только бы снова увидеть солнце». Я вздрогнул. Она очень близко угадала центр моих собственных страхов, того чувства почти полной обреченности, что охватило меня, когда я увидел, как щупальца выволокли Норма через загрузочную дверь. Сквозь туман солнце казалось маленькой серебряной монеткой, словно мы были на Венере.

Страхи эти вызывали не чудовища, подстерегающие нас в тумане. Мой удар ломиком доказал, что они не бессмертные монстры из книг Лавкрафта, а всего лишь органические существа с их собственными уязвимыми местами. Дело было в самом тумане, который отбирал силу и лишал воли. «Только бы снова увидеть солнце». Она права. Одно это стоит того, чтобы пройти через ад.

Я улыбнулся Хэтти, и она неуверенно улыбнулась в ответ.

– Да, – сказала Аманда. – Я тоже.

Я начал осторожно будить Билли.

– Я с вами, – коротко ответила миссис Репплер.

Мы все собрались у мясного прилавка. Все, кроме Бада Брауна. Он поблагодарил нас за приглашение, но отказался, сказав, что не может оставить магазин, потом добавил на удивление мягким голосом, что не осуждает Олли за уход.

От белых эмалированных ящиков начало тянуть неприятным сладковатым запахом, напомнившим мне случай, когда во время нашей недельной поездки на Мыс у нас испортился

морозильник. Может быть, этот запах протухающего мяса и погнал мистера Маквея в команду миссис Кармоди.

– ...искупление! Сейчас мы должны думать об искуплении! Бог наказал нас! Мы наказаны за то, что пытались проникнуть в секреты, запрещенные Богом древних! Мы видели, как разверзлись губы земли! Мы видели отвратительные кошмары! Камень не спрячет от них, мертвое дерево не даст убежища! И как все это кончится? Что остановит это?

– Искупление! – орал старый добрый Майрон Ляфлер.

– Искупление... искупление... – шептали неуверенно остальные.

– Я хочу услышать, что вы действительно верите! – кричала миссис Кармоди. Вены вздулись у нее на шее, словно канаты. Голос ее сел, охрип, но все еще сохранял властную силу, и я подумал, что эту силу дал ей именно туман. Силу и способность затуманивать людям головы. Туман, отобравший у всех нас силу солнца. До этого она оставалась всего лишь немного эксцентричной старой женщиной с антикварным магазином в городе, где полно антикварных магазинов. Просто старая женщина с чучелами животных в дальней комнате магазина и репутацией знатока

(ведьма... стерва...)

народной медицины. Говорили, что она может найти воду с помощью яблоневого черенка, что она умеет заговаривать бородавки и может продать вам крем, почти полностью избавляющий от веснушек. Я даже слышал, кажется, от Билла Джости, что к миссис Кармоди можно обратиться (только тайно) по поводу половой жизни: если, мол, в постели дела у вас идут не блестяще, она, мол, даст напиток, от которого все встанет на свои места.

– ИСКУПЛЕНИЕ! – закричали они все хором.

– Искупление, верно! – гнула свое миссис Кармоди. – Искупление разгонит туман! Искупление сметет этих чудовищных монстров! Искупление снимет завесу тумана с наших глаз и позволит увидеть! – Голос ее стал чуть тише. – А что есть искупление по Библии? Что есть единственное средство, снимающее грех в глазах и разуме Божьем?

– Кровь.

На этот раз меня всего затрясло; еще чуть-чуть, и у меня, наверное, зашевелились бы волосы. Слово это произнес мистер Маквей. Мясник мистер Маквей, который резал мясо в Бриджтоне еще с тех пор, когда я был ребенком, державшимся за талантливую руку отца. Мистер Маквей, принимающий заказы и режущий мясо в своем запачканном белом халате. Мистер Маквей, чье знакомство с ножом было долгим. И с пилой тоже. И с топором. Мистер Маквей, который лучше других поймет, что средство для очищения души вытекает из ран на теле.

– Кровь... – прошептали они.

– Папа, я боюсь, – плаксиво произнес Билли, крепко сжав мою руку. Лицо его заметно побледнело.

– Олли, – сказал я, – по-моему, нам пора двигаться из этого дурдома.

– О'кей, – ответил он. – Пошли.

Олли, Аманда, Корнелл, миссис Терман, миссис Репплер, Билли и я неплотной группой двинулись по второму проходу к дверям. Было уже без четверти пять, и туман снова начал светлеть.

– Ты и Корнелл, берите пакеты, – сказал Олли, обращаясь ко мне.

– О'кей.

– Я пойду первым. У «скаута» четыре дверцы?

– Да.

– Отлично. Я открою дверцу водителя и заднюю с одной стороны. Миссис Дамфрис, вы удержите Билли на руках?

Она взяла его на руки.

– Я не слишком тяжелый? – спросил Билли.

– Нет, милый.

– Хорошо.

– Вы с Билли забирайтесь вглубь, – продолжал Олли. – К противоположной дверце. Миссис Терман – вперед, в середину. Ты, Дэвид, за руль. А остальные...

– Куда это вы собрались? – спросила миссис Кармоди.

Она остановилась рядом с кассой у входа, где Олли спрятал продукты. Брючный костюм ее словно кричал желтизной в полумраке. Всклокоченные волосы дико торчали во все стороны, напомнив мне на мгновение Эльзу Ланчестер в «Невесте Франкенштейна». Глаза ее горели, а за спиной, загораживая двери, стояли человек пятнадцать. И все они выглядели так, словно только что выбрались из машины, потерпевшей аварию, или увидели летающую тарелку, или на их глазах дерево вытащило из земли корни и пошло.

Билли прижался к Аманде, уткнувшись лицом в ее щеку.

– Мы уходим, миссис Кармоди, – сказал Олли необычайно мягким голосом. – Пожалуйста, не задерживайте нас.

– Вы не можете уйти. Там смерть. Вы что, до сих пор не поняли?

– Вам никто не мешал, – сказал я, – и мы хотели бы, чтобы к нам отнеслись так же.

Она наклонилась и безошибочно нашла пакеты с продуктами, с самого начала, должно быть, догадываясь о наших планах. Она вытащила их с полки, и один пакет разорвался сразу, рассыпав по полу консервные банки. Другой она швырнула рядом, и он лопнул от удара об пол со звуком бьющегося стекла. Газированная вода с шипением растеклась во все стороны и забрызгала хромированную стенку соседней кассы.

– Вот такие люди виновны в том, что случилось! – закричала миссис Кармоди. – Люди, которые не желают склониться перед волей Всемогущего! Грешники в гордыне, надменные и упрямые! Из их числа должна быть выбрана жертва! Их кровь должна принести искупление!

Поднявшийся одобрительный ропот будто пришпорил ее. Она впала в неистовство и, брызжа слюной, закричала собравшимся:

– Нам нужен мальчишка! Хватайте его! Хватайте! Нам нужен мальчишка!

Они бросились к нам, и впереди всех с каким-то радостным блеском в пустых глазах бежал Майрон Ляфлер. Мистер Маквей бежал сразу за ним. Лицо его было неподвижно и бесстрастно.

Аманда отшатнулась назад, еще крепче прижав к себе Билли, обнявшего ее за шею, и испуганно взглянула на меня.

– Дэвид, что мне...

– Обоих хватайте! – кричала миссис Кармоди. – Девку тоже хватайте!

Будто апокалиптическое воплощение желтой и мрачной радости, миссис Кармоди запрыгала на месте, все еще держа накинутую на руку сумку.

– Хватайте мальчишку! Хватайте девку! Обоих хватайте! Хватайте всех! Хватайте...

Раздался короткий звук выстрела.

Все замерли, словно балующиеся дети в классе, когда вдруг вошел учитель и резко хлопнул дверью. Майрон Ляфлер и мистер Маквей остановились примерно в десяти шагах от нас, и Майрон неуверенно оглянулся на мясника. Тот не ответил на его взгляд и даже, кажется, не понял, что Ляфлер рядом. На лице мистера Маквея застыло то самое выражение, что я слишком часто замечал у людей за последние два дня: его разум не выдержал.

Майрон попятился, глядя на Олли Вика расширившимися испуганными глазами, потом бросился бежать, свернул в конце прохода, поскользнулся на банке, упал, снова вскарабкался на ноги и скрылся где-то в дальнем конце магазина.

Олли замер в классической стойке для стрельбы, сжимая пистолет Аманды обеими руками. Миссис Кармоди продолжала стоять у ближайшей к выходу кассы, схватившись

покрытыми пятнами руками за живот. Кровь текла у нее между пальцами и капала на желтые брюки.

Рот ее открылся и закрылся. Потом еще раз. Она пыталась что-то сказать, и наконец ей это удалось.

– Вы все умрете там, – произнесла она и медленно упала вперед. Сумка ее соскользнула с руки и ударилась об пол, рассыпав содержимое. Завернутый в бумагу цилиндрик выскочил из сумки, прокатился по полу и задел о мой ботинок. Не задумываясь, я наклонился и поднял его. Оказалось, это начатая упаковка таблеток, и я тут же выкинул ее. Не хотелось касаться ничего, что принадлежало ей.

Конгрегация, лишенная своего центра, попятилась. Люди расходились, не отрывая взглядов от лежащей фигуры и расползающегося из-под нее темного пятна.

– Ты убил ее! – крикнул кто-то испуганно и зло. Однако никто не сказал, что она хотела сделать то же самое с моим сыном.

Олли все еще стоял в позиции для стрельбы, но теперь губы его задрожали. Я тронул его за плечо.

– Олли, пойдем. И спасибо тебе.

– Я убил ее, – хрипло произнес он. – Я в самом деле убил ее.

– Да, – сказал я. – Именно за это я тебя и поблагодарил. А теперь пойдем.

Мы снова двинулись к выходу. Избавленный стараниями миссис Кармоди от пакета с продуктами, я смог взять Билли на руки. У двери мы на мгновение остановились, и Олли сказал низким сдавленным голосом:

– Я не стал бы в нее стрелять, Дэвид, если бы был какой-нибудь другой выход.

– Да.

– Ты мне веришь?

– Да, верю.

– Тогда идем.

И мы вышли на улицу.

Глава 11. Конец

Держа пистолет наготове, Олли бросился вперед. Мы с Билли еще не успели выйти, а он уже стоял у «скаута», бесплотный, как призрак из телефильма. Он открыл дверцу водителя, потом заднюю дверцу, потом что-то выскочило из тумана и почти разрезало его пополам.

Я даже не разглядел толком, что это. Может быть, к лучшему. Оно было красное, словно вареный омар, с клешнями, и издавало низкое хрюканье, довольно похожее на то, что мы слышали, когда Нортон и его маленькое «Общество Верящих, Что Земля Плоская» ушли из супермаркета.

Олли успел выстрелить один раз, но клешни этой твари дернулись со щелчком вперед, и он словно переломился в ужасном фонтане крови. Пистолет выпал у него из руки, ударился о мостовую и снова выстрелил. Я успел заметить лишь кошмарные черные матовые глаза, похожие на горсть винограда, а затем тварь метнулась в туман, унося с собой то, что осталось от Олли Вика. Длинное сегментированное, как у скорпиона, тело с шуршанием уползло по асфальту.

Я пережил мгновение выбора, которое, видимо, бывает всегда, может быть, очень краткое, но бывает. Какая-то часть сознания звала меня прижать к себе Билли и броситься назад в супермаркет. Другая часть приказывала бежать к машине, забросить Билли внутрь и нырнуть вслед. Тут закричала Аманда. Высоким поднимающимся криком, взбирающимся все выше и выше, пока он почти не перешел в ультразвук. Билли прижался ко мне, пряча лицо у меня на груди.

На Хэтти Терман набросился огромный паук. Он сбил ее с ног; платье ее задралось, обнажив тощие коленки. Паук буквально сел на нее, обхватив за плечи волосатыми лапами, и тут же принялся опутывать своей паутиной.

«Миссис Кармоди была права, – пронеслось у меня в голове. – Мы все умрем здесь. Мы действительно все умрем».

– Аманда! – закричал я.

Она не отреагировала, совершенно отключившись от происходящего. Паук оседлал останки бывшей сиделки Билли, когда-то так любившей головоломки и кроссворды, с которыми ни один нормальный человек не может справиться без того, чтобы не сойти с ума. Вербки белой паутины, опутывающей ее тело, покраснели там, где покрывающая их кислота уже вьелась в кожу.

Корнелл медленно попятился к магазину, глядя на нас огромными как блюдца глазами за стеклами очков, потом повернулся, побежал, оттолкнул тяжелую входную дверь и скрылся внутри.

Мой миг нерешительности закончился, когда миссис Репплер подскочила к Аманде и дважды ударила ее ладонью по щекам. Аманда замолчала. Подбежав к ней, я развернул ее к «скауту» и крикнул ей в лицо:

– Вперед!

Она пошла. Миссис Репплер промчалась мимо меня, затолкала Аманду на заднее сиденье, забралась сама и захлопнула дверцу.

Я оторвал от себя Билли и толкнул его в машину. Когда я садился сам, из тумана вылетела еще одна белая веревка и опустилась на мою лодыжку. Кожу обожгло, как бывает, когда через сжатый кулак рывком протягиваешь рыболовную леску. Держала она крепко, и, чтобы высвободиться, мне пришлось изо всех сил дернуть ногой. Затем я скользнул за руль.

– Закрой дверь, закрой... О Боже!.. – истерично закричала Аманда.

Я захлопнул свою дверцу, и мгновением позже в нее с разбегу ткнулся один из пауков. Я сидел всего в нескольких дюймах от его красных, бездумно-холодных глаз. Лапы, каждая

толщиной с мою руку у запястья, двигались туда-сюда по капоту машины. Аманда кричала не переставая, словно пожарная сирена.

– Да заткнись же ты, – приказала ей миссис Репплер.

Паук наконец сдался. Он не мог учуять нас, следовательно, нас тут не было. Паук засеменял обратно в туман на многочисленных лапах, превратившись сначала в призрачный силуэт, а затем и вовсе исчезнув.

Я выглянул в окно, чтобы удостовериться, что он ушел, и открыл дверцу.

– Что ты делаешь? – закричала Аманда, но я знал, что делаю, и, думаю, Олли сделал бы то же самое. Я ступил одной ногой на мостовую, наклонился и схватил пистолет. Что-то брошилось ко мне из тумана, но я не разглядел, что именно. Нырнул обратно в машину и захлопнул дверцу.

Аманда разрыдалась. Миссис Репплер обняла ее и принялась успокаивать.

– Мы поедem домой, папа? – спросил Билли.

– Мы попробуем, Большой Билл.

– О'кей, – сказал он тихо.

Я проверил пистолет и положил его в отделение для перчаток. Олли перезарядил его после экспедиции в аптеку, и, хотя остальные патроны пропали вместе с ним, я решил, что оставшихся хватит. Он выстрелил один раз в миссис Кармоди, один раз в эту тварь с клешнями, и один раз пистолет выстрелил сам, когда ударился о мостовую. В «скауте» нас было четверо, но я решил, что, если уж нас совсем прижмет, для себя я найду еще какой-нибудь способ.

Несколько жутких секунд я не мог найти ключи. Обшарил все карманы – их не было. Потом заставил себя проверить снова, медленно и спокойно. Ключи оказались в кармане джинсов, спрятались среди монет, как это иногда бывает с ключами. «Скаут» завелся сразу, и, услышав уверенный рокот мотора, Аманда снова расплакалась.

Я немного погонял двигатель вхолостую, выжидая, какое еще чудовище может привлечь шум мотора или запах выхлопа. Прошло пять минут, самые длинные пять минут в моей жизни, но ничего не случилось.

– Мы поедem или будем здесь сидеть? – спросила миссис Репплер.

– Поедем, – ответил я, вывел машину со стоянки и включил ближний свет.

Какое-то неосознанное желание заставило меня проехать вдоль супермаркета у самых витрин, и правый бампер «скаута» оттолкнул опрокинутый мусорный бачок в сторону. Внутри разглядеть ничего не удавалось – из-за мешков с удобрениями магазин выглядел так, словно мы попали сюда в самый разгар сумасшедшей распродажи товаров для садоводов, – но из каждого проема на нас глядели два-три бледных лица.

Потом я свернул налево, и непроницаемый туман сомкнулся позади нас. Что случилось с теми людьми, я не знаю.

Осторожно, со скоростью всего пять миль в час, мы двинулись обратно по Канзас-роуд. Даже с включенными фарами и подфарниками дальше чем на семь-десять футов вперед ничего не было видно.

Миллер оказался прав. Землетрясение действительно сильно покорежило грунт. Кое-где дорога лишь потрескалась, но в отдельных местах встречались провалы с огромными вывернутыми из земли кусками асфальта. Слава Богу, у «скаута» четырехколесный привод, иначе мы бы не выбрались. Но я сильно опасался, что где-нибудь впереди нам встретится препятствие, которое не одолеет даже эта машина.

Сорок минут ушло на дорогу, которая обычно занимала не больше семи-восьми. Наконец впереди показался знак, указывающий на поворот к нашему дому. Билли, которого подняли в четверть пятого, крепко заснул в машине, знакомой ему настолько, что, должно быть, она уже казалась ему домом.

Аманда, нервничая, взглянула на дорогу.

– Ты действительно хочешь туда проехать?

– Хочу попробовать, – сказал я.

Но это оказалось невозможно. Пронесшаяся буря ослабила много деревьев, а тот странный подземный удар довершил ее работу, повалив их на землю. Через два небольших дерева я еще перебрался, но вскоре наткнулся на огромную древнюю сосну, лежащую поперек дороги, словно это было делом рук лесных разбойников. До дома оттуда оставалось почти четверть мили. Билли продолжал спать рядом со мной. Я остановил машину и, закрыв лицо руками, принялся думать, что делать дальше.

Сейчас, когда я сижу в здании «Ховард Джонсонс», что у выезда номер 3 на шоссе, идущее через весь штат Мэн, и записываю все, что с нами случилось, на фирменных бланках отеля, я уверен, что миссис Репшлер с ее опытом и выдержкой могла бы охарактеризовать безвыходность положения, в котором мы оказались, несколькими быстрыми штрихами. Но у нее достаточно такта и понимания, чтобы позволить мне самому прийти к соответствующему выводу.

Выбраться я не мог. Не мог оставить их. Я не мог даже уговорить себя, что все эти чудовища из фильмов ужасов остались там, у супермаркета: приоткрыв окно, я слышал, как они продираются сквозь заросли в лесу, раскинувшимся на крутом склоне, который в здешних краях называют Карнизом. С нависающей листвы непрерывно капала влага, и на мгновение туман вокруг совсем потемнел, когда прямо над нами пролетел какой-то чудовищный, едва различимый во мраке воздушный змей.

Я пытался убедить себя в том, что, если она действовала быстро и наглухо закрылась в доме, ей должно хватить продуктов дней на десять, может быть, на две недели. Но это мало помогает. Мешает мое последнее воспоминание о ней: я вижу ее в мягкой соломенной шляпе, в садовых перчатках, на дорожке к нашему маленькому огороду, а позади неотвратимо накапливается с озера туман.

Теперь мне надо думать о Билли. «Билли, – говорю я себе. – Большой Билл, Большой Билл...» Я должен написать его имя на этом листке бумаги, может быть, сотню раз. Как школьник, которого заставили писать фразу «Я не буду плевать промокашкой в школе», когда в окна льется солнечная трехчасовая тишь, а за своим столом сидит, проверяя домашние задания, учительница, и единственный звук в классе – это скрип ее авторучки да долетающие откуда-то издали голоса детей, поделившихся на команды для игры в бейсбол...

В конце концов я сделал единственное, что мне оставалось. Осторожно вывел «скаут» задним ходом на Канзас-роуд. И там заплакал.

– Дэвид, мне очень жаль... – сказала Аманда, тронув меня за плечо.

– Да, – сказал я, пытаясь безуспешно остановить слезы. – Мне тоже.

Мы проехали до шоссе номер 302 и свернули налево, к Портленду. Дорога здесь тоже потрескалась и местами разрушилась, но в целом она оказалась более проходимой, чем Канзас-роуд. Меня очень беспокоили мосты. Весь Мэн изрезан водными путями, и здесь кругом большие и малые мосты. Но дамба у Нейплса устояла, и оттуда мы без осложнений, хотя и медленно, добрались до Портленда.

Туман оставался таким же густым. Один раз мне пришлось остановиться, потому что мне показалось, будто поперек дороги лежат повалившиеся деревья. Но потом «стволы» начали двигаться и изгибаться, и я понял, что это шупальца. Мы подождали, и спустя какое-то время они уползли. Потом на капот опустилась большая тварь с переливчатым зеленым туловищем и длинными прозрачными крыльями, больше всего похожая на огромную уродливую стрекозу. Она посидела немного, взмахнула крыльями и унеслась прочь.

Часа через два после того, как мы оставили позади Канзас-роуд, проснулся Билли и спросил, добрались ли мы до мамы. Я сказал, что не смог проехать по нашей дороге из-за упавших деревьев.

– С ней ничего не случилось, папа?

– Я не знаю, Билли. Но мы еще вернемся и узнаем.

Он не заплакал, а снова задремал, и я подумал, что лучше бы он расплакался: он спал слишком много, и меня это беспокоило.

От напряжения у меня разболелась голова. От напряжения, вызванного продвижением в тумане со скоростью пять-десять миль в час и полным незнанием того, что может ждать нас впереди: обвал, оползень или какая-нибудь трехголовая гидра. Кажется, я молился. Я молил Бога, чтобы Стефани осталась жива, чтобы Он не мстил ей за мою измену. Я молил Его, чтобы Он позволил мне спасти Билли, потому что слишком много уже выпало на его долю.

Когда нахлынул туман, большинство водителей прижались к краю шоссе, и к полудню мы добрались по свободной дороге до самого Северного Уиндема. Я попытался проехать по Ривер-роуд, но мили через четыре нас остановил рухнувший в воду мост над небольшой шумной речушкой. Почти целую милю пришлось ехать задним ходом, прежде чем я нашел место достаточно широкое, чтобы развернуться. В конце концов мы двинулись к Портленду по шоссе номер 302.

Добравшись до города, я проехал к заставе. Аккуратный ряд будок, где принимают плату за проезд, выглядел с остатками выбитых стекол словно пустые глазницы. Во вращающейся двери одной из них застряла куртка с эмблемами Мэнской заставы, пропитанная липкой высыхающей кровью. По дороге от супермаркета мы не встретили ни одного живого человека.

– Попробуй радио, Дэвид, – сказала миссис Репплер.

Я хлопнул себя по лбу, сердясь за то, что не подумал об этом сразу: ведь в «скауте» был приемник.

– Не стоит себя ругать, – коротко сказала миссис Репплер. – Ты не можешь думать обо всем сразу. А если будешь пытаться, то вообще с ума сойдешь и ничем не сможешь нам помочь.

На коротких волнах я не поймал ничего, кроме статики, а на длинных царило ровное зловещее молчание.

– Значит, они все не работают? – спросила Аманда, и мне показалось, я понял, что она имеет в виду: мы отъехали достаточно далеко на юг и могли бы принимать сразу несколько мощных бостонских радиостанций. Но если Бостон тоже...

– Это пока ничего еще не значит, – сказал я. – Статика на коротких – это просто помехи. Кроме того, туман гасит радиосигналы.

– Ты уверен, что этим все объясняется?

– Да, – ответил я, хотя совсем не был уверен.

Мы двинулись на юг мимо бегущих назад столбов с отметками расстояния, начавшими свой отсчет примерно от сорока с лишним миль. У отметки «1 миля» должна быть граница Нью-Хэмпшира. На главной автостраде двигаться стало сложнее: многие водители не хотели сдаваться, и это привело к большому числу столкновений. Несколько раз мне пришлось выезжать на разделительную полосу.

Минут в двадцать второго, когда я уже начал ощущать голод, Билли вдруг схватил меня за руку.

– Папа, что это? Что это?

Окрашивая туман в более темный цвет, впереди выросла тень. Огромная, как скала, она двигалась в нашу сторону. Я ударил по тормозам, и задремавшую было Аманду бросило вперед.

Что-то шло мимо, лишь это я могу сказать с уверенностью. Отчасти потому, что туман позволил разглядеть детали только мельком, но я думаю, с таким же успехом это можно объяснить и тем, что некоторые вещи мозг человека просто не приемлет. Бывают явления настолько

темные и ужасные – равно как, я полагаю, и невероятно прекрасные, – что они просто не могут пройти через крошечные двери человеческого восприятия.

Существо было шестиногое, это я знаю точно, с серой кожей, местами в темно-коричневых пятнах. Эти коричневые пятна, как ни странно, напомнили мне пятна на руках миссис Кармоди. К коже в глубоких морщинах и складках жались сотни розовых тварей с глазами-стебельками. Я не уверен, каких размеров существо достигало на самом деле, но оно прошло прямо над нами. Одна серая сморщенная нога опустилась рядом с окнами машины, и миссис Репплер сказала позже, что так и не смогла разглядеть туловище, хотя выгибала шею изо всех сил. Она увидела только две циклопические ноги, уходящие все выше и выше в туман, словно живые колонны.

Когда это существо прошло над «скаутом», я подумал, что синий кит по сравнению с ним будет выглядеть как форель. Другими словами, что-то такое огромное, что не под силу никакому воображению. Потом оно миновало нас, но мы еще долго слышали его сотрясающую землю поступь. В покрытии дороги остались такие глубокие следы, что из машины я даже не видел их дна, и в каждый след вполне мог поместиться автомобиль.

Какое-то время стояла тишина, нарушаемая лишь звуком нашего дыхания и топотом удаляющегося чудовища. Потом Билли спросил:

– Это был динозавр, папа? Как птица, которая прорвалась в магазин?

– Не думаю. Я не уверен даже, что животное таких размеров когда-либо существовало, Билли. По крайней мере на Земле.

Я снова вспомнил о «Проекте “Стрела”», задавая себе вопрос: «Чем эти сумасшедшие могли там заниматься?»

– Может быть, нам стоит двигаться? – спросила Аманда робко. – Оно может вернуться.

Да. А может быть, нечто подобное ждет нас впереди. Но говорить об этом я не стал. Куда-то нужно было двигаться, и я погнал машину вперед, объезжая эти жуткие следы, пока они не ушли в сторону от шоссе.

Вот что с нами произошло. Это почти все, и остался лишь один момент, о котором я хотел рассказать, но это чуть позже. Хочу предупредить, чтобы вы не ожидали какого-нибудь аккуратного финала. Здесь не будет фраз типа «И они выбрались из тумана в яркий солнечный новый день» или «Когда мы проснулись, прибыли наконец солдаты Национальной гвардии». Или даже классического «Все это случилось во сне».

Я полагаю, это можно назвать, как, хмурясь, говорил мой отец, «финалом в духе Альфреда Хичкока». Под таким определением он подразумевал двусмысленные финалы, позволяющие читателю или зрителю самому решить, как все закончилось. Отец всегда презирал такие истории, называя их «дешевыми трюками».

До отеля «Ховард Джонсонс» у выезда номер 3 мы добрались уже в сумерках, когда вести машину стало просто опасно. Перед этим мы рискнули проехать по мосту через реку Сако. Выглядел он сильно поврежденным, но в тумане невозможно было разглядеть, цел мост или нет дальше. В этот раз нам повезло.

Но теперь надо думать о завтрашнем дне.

Сейчас уже ночь, без четверти час. Двадцать третье июля. Буря, послужившая сигналом к началу этого кошмара, пронеслась всего четыре дня назад. Билли спит в холле на матрасе, который я для него отыскал. Аманда и миссис Репплер спят рядом. Я сижу и пишу при свете большого карманного фонаря, а снаружи бьются в стекло все те же розовые твари. Время от времени раздается более громкий удар, когда одну из них подхватывает «птица».

У «скаута» осталось горючего еще миль на девяносто. Альтернатива – заправляться здесь. Совсем рядом есть заправочная «Эксон», и, хотя электрические насосы не работают, думаю, я смог бы откачать из хранилища немного бензина. Но...

Но это означает, что придется выходить из машины.

Если мы добудем бензин – здесь или дальше по пути, – мы сможем продолжать двигаться. Дело в том, что у меня есть мысль, куда надо двигаться. Это последнее, о чем я хотел рассказать.

Конечно, я не уверен до конца. В этом-то вся загвоздка. Может быть, меня подвело воображение, выдав желаемое за действительное. Но даже если это не так, шансы все равно невелики. Сколько миль еще впереди? Сколько мостов? Сколько страшных тварей, только и ждущих, чтобы наброситься на моего сына?

Есть вероятность, что мне это только померещилось, и поэтому я решил ничего не говорить остальным. Пока.

В квартире управляющего я нашел батарейный приемник с широким диапазоном, антенна от которого была выведена через окно на улицу. Включив приемник, я перевел его на питание от батареек, покрутил настройку, пощелкал переключателем диапазонов, но, кроме статики или просто молчания, так ничего и не поймал.

И когда я уже собрался выключить его, перегнав движок в самый конец коротковолнового диапазона, мне показалось, что я расслышал одно-единственное слово.

И все. Я прислушивался еще целый час, но больше ничего не услышал. Если это одно-единственное слово действительно прозвучало, оно, должно быть, прорвалось через какой-то крошечный разрыв в гасящем радиоволны тумане, разрыв, который тут же снова сомкнулся.

Одно слово.

Мне надо поспать... если я смогу уснуть без того, что до утра меня будут преследовать во сне лица Олли Вика, миссис Кармоди, носильщика Норма... и лицо Стефф, на которое падает тень от широких полей соломенной шляпы.

Здесь есть ресторан, типичный для отелей «Ховард Джонсонс» ресторан с обеденным залом и длинным в форме подковы прилавком с закусками. Я собираюсь оставить эти страницы на прилавке, и, может быть, когда-нибудь кто-нибудь их найдет и прочтет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.